

ISSN 0868-698 x

СТОЛИЦА

№20(26)
1991г. 1руб.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

АБСОЛЮТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
И ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ СЕРВИСА
ПРИ ПЕРЕВОЗКЕ ЛЮБЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В ЛЮБОМ КОЛИЧЕСТВЕ
И НА ЛЮБЫЕ РАССТОЯНИЯ!

МЫ НЕ ИЩЕМ КЛИЕНТОВ!
КЛИЕНТЫ ИЩУТ НАС!
МЫ НУЖНЫ ВСЕМ!

РОССИЙСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ ИНКАССАЦИИ

«РОСИНКАС»

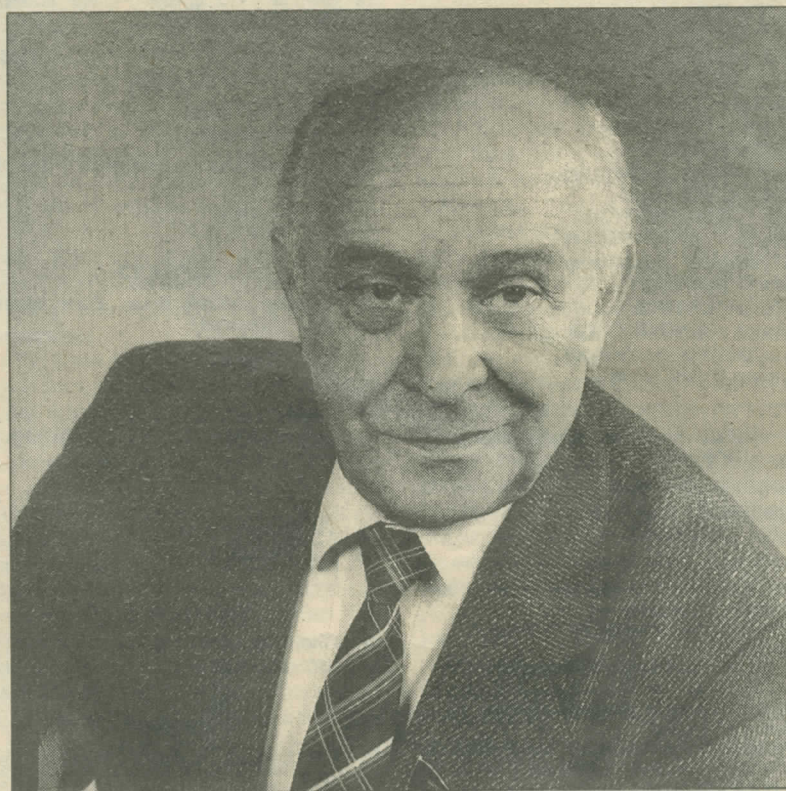
УПРАВЛЕНИЯ ВО ВСЕХ ГОРОДАХ РОССИИ
МЫ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Москва, Сретенский бульвар, д.1/4
Контактный телефон в Москве:
928-30-30

РОСИНКАС

Ролан БЫКОВ :

«ОНИ ДАЖЕ ДУМАЮТ НА КАНЦЕЛЯРИТЕ!»

Ролан БЫКОВ (1929 г.р.)
— народный артист
СССР, народный депутат
СССР. Актер, режиссер, а
еще — художественный
руководитель
творческого
объединения «Юность»
Мосфильма, президент
Всесоюзного центра кино
и телевидения для детей
и юношества, секретарь
президиума Союза
кинематографистов
СССР, член правления
Советского детского
фонда им. В.И.Ленина.

— Ролан Антонович, скажите
честно — вы рветесь к власти?

— Ну... я думаю, что так вот прямо
— «рветесь» — нельзя сказать о
60-летнем человеке, о весьма удач-
ливом актере, режиссере. Кроме
всего прочего, о человеке, который
очень много должен сам себе,
понимаете? Мною ведь многое еще
не сделано, не изданы мои книжки,
а некоторые еще и не написаны, хо-

тя почти готовы в голове. А какие-
то из них — только отнести в редак-
цию — и все. А при чем тут власть?

— Так зачем она нужна лично
вам? Ведь если бы совсем не нуж-
на была, вряд ли, наверное, вы ста-
ли бы депутатом, то есть как раз
представителем власти, так ведь?

— Ну вот, например, сегодня у ме-
ня как у руководителя Всесоюзного
центра кино и телевидения для де-

тей и юношества — ничего нет. Ну
абсолютно ни-че-го! Нет самого
элементарного. Как вы думаете, ес-
ли бы я не был не только президен-
том Центра, но и народным депута-
том СССР, мог бы я всерьез рас-
считывать на то, чтоб хотя бы про-
сто п о л у ч и т ь ТАКОЕ письмо
на ТАКОМ бланке и с ТАКИМИ
печатями?! Подписанное аж самим
главой Правительства! И удостове-

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЫГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария
Факс: 41.21-311.45.11
Тел.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland
Номер подписан в печать 24.05.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 885

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 «Они даже думают на канцелярите!»
(Р. Быков)

ПОДОПЛЕКА

- 9 Зачем разбудили рабочих?
(А. Мешков)

ВЗГЛЯД

- 15 Эта власть нам жить не даст
(В. Костенко)

МЫ

- 19 Потому что армия — это армия
(М. Владимиров)

ЖИЗНЬ

- 25 Опять лишние
(Е. Шкловский)
27 Образование бесплатное. Кто платит?
(В. Ковшов)

ЗЕРКАЛО

- 30 Выучим любой язык. Если захотим
(А. Черкасов)

ВЕСЫ

- 37 После «Покаяния»
(М. Поздняя)

АРХИВ

- 43 Первоисточник
(С. Мельник)

КОНТРАМНИЕ

- 47 Спор не по существу
(М. Михайлов)

диАЛОГ

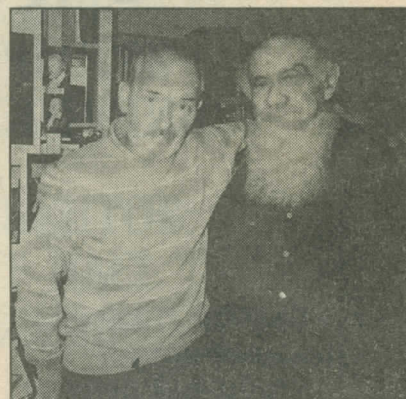
- 51 Счастливый человек Михаил Левитин
(М. Смоляницкий)

Первая страница обложки —
фото Б. Бабанова

стр. 32—33 — фото Ю. Рязанова

Художественно-технический
редактор — Р. Катеева

6 «Троянский
конь»
борозды не
вспашет,
или История о
партийном
аппаратчике,
«заброшенном в
тыл»
интеллигенции с
особым
заданием.

34 Воспоминания о золоте
погон
(Юрий Карякин, Лев Копелев)

54 Жизнь мертвого дома
(А.Шведов)

ренное самим Управляющим делами Совета Министров СССР! Еще, правда, прежнего состава. Мог бы? Да никогда в жизни! И мечтать бы не мог.

— А что это за чудодейственное письмо?

— О-о! Это великое письмо. Это распоряжение не кого-нибудь, а самого Предсовмина Союза о том, чтобы предоставили моему Центру для детей целое несметное богатство. Вот, читайте: предоставит Центру ЗИЛ-43-14 (3 шт.), ГАЗ-53-12 (3 шт.), «Урал» (2 шт.), ЗИЛ-131 (2 шт.), МАЗы (тягачи), автомобили «Волга» (2 шт.), УАЗ (2 шт.)... Предоставляете, на к а к о м уровне решаются эти вопросы?! Мы кланчили эти несчастные ЗИЛы очень долго, и вот наконец нам их дали! Теперь мы их должны мгновенно получить. Наши сотрудники бросят все свои дела и срочно займутся машинами... Для всего этого, конечно, мне нужна власть, несомненно!

Но не только для этого. Знаете, сегодня у нашей культуры — в период перехода к рынку — большие проблемы. А рынок-то, собственно, давно уже у нас сложился в стране: сейчас ведь все — на продажу! Буквально все стало продажным. Он уже, этот рынок, морально сложился, понимаете? Это раньше, в «Двух капитанах», если Каверин писал в первой главе, что Ромашка берет деньги, то, естественно, в последней главе — в строгом соответствии с логикой тех времен — он становится предателем Родины... Сегодня в народе уже этого нет. Сегодня — наоборот: размылось понятие между Человеком и образом Зла. Сейчас наш нравственный ландшафт как бы скрыт под водой. У нас наводнение, понимаете, не видно гор, вершин. Лишь прорываются какие-то ре-е-едкие седины — сахаровские, лихачевские. А в целом-то мы залиты: наш нравственный ландшафт, конечно, еще существует, но он не виден. Хотя это вовсе не значит, что в России кончилась духовность. Она неизбывна.

Так вот, власть, я глубоко убежден, нужна только для того, чтобы существовала культура. Она, культура, ведь может существовать только под охраной власти! Только. В этом — новая роль государства, на которую наше с вами государство все почему-то никак не отважится. Вот некоторые говорят, что все, что у нас происходит с культурой, да и не только с ней, — это,

дескать, от некомпетентности. Ерунда. Чуть собачья! Наоборот — от очень большой компетентности. Зачем мы все время врем самим себе? Я больше не хочу и не могу врать! И не желаю поддерживать вранье. Это именно компетентность. Это никакой не паралич власти, а сила власти.

Скажите, пожалуйста, отчего это все вокруг играют в непонятность происходящего? Смотрите: мы твердим, что хотим уйти от унитарности нашего государства, так ведь? И в то же самое время... оставляем унитарную форму собственности?! Нонсенс!

Давайте разберемся, что такое есть советская государственная собственность, которую мы якобы хотим превратить в «плюралистически» разные формы собственности? Сейчас у нас, я это утверждаю, создан механизм перемывания одного вида собственности в другой. На наших глазах происходит невиданное в истории криминалистики ограбление 300-миллионного народа! За счет одного: за счет того, что у нас в стране до сих пор НЕ ОТДЕЛЕН ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ ОТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ. Не отделен от рынка, от коммерции.

— Что вы имеете в виду?

— А вот что. Сегодня, посмотрите, все председатели исполкомов, их помощники, заместители, их аппаратники — все они странным способом оказались во главе каких-то ассоциаций, акционерных обществ, СП, кооперативов и так далее. Когда я слышу от председателя КГБ товарища Крючкова об этих «делягах» и «хапугах», творящих всякие безобразия, то безмерно удивляюсь: ведь все эти «деляги» и «хапуги» учреждены, и утверждены, и насаждены не кем-нибудь, а советским же государством, которое он, председатель, в какой-то степени представляет?! Освящены Советской властью, теми же исполкомами и Советами различных уровней, с Гербом Советского Союза. Они же, замечьте, признают и любят только гербовую печать, а никакую другую! Так вот, им милостиво разрешили перемывать собственность для верхнего эшелона власти. И весь секрет.

Я даже иногда думаю, что брежневское племя решило воспользоваться горбачевской перестройкой, чтобы щелоковым не приходилось

стреляться... Чтобы вместо всего этого — создавать СП, и все шито-крыто! То есть то, что Щелоков делал преступно, осуществлять теперь на совершенно законном основании и — спать спокойно.

— Так что — значит, тупик? Что ж с этим теперь делать? Процесс-то пошел, и он, судя по всему, необратимый...

— Почему ж тупик? Никакого тупика. Лично для меня ясно одно. Я, кстати, написал уже дикое количество писем в Верховный Совет следующего содержания: «Огласите мое предложение по поводу закона о госслужащем в СССР!» Дело-то ясное: во всем мире он, этот самый госслужащий, отделен от собственности и всякой коммерческой деятельности. Это же нигде в цивилизованном обществе НЕ ПОЗВОЛЕНО! Категорически!

— Необходимо, видимо, разработать какой-то порядок, чтоб не было хаоса в этом деле?

— Вот все говорят: нужен порядок. И я говорю: да, нужен. Но какой? Я хотел бы понять, наконец, что такое п о р я д о к? Какова современная технология порядка? Есть ведь средневековая технология порядка, есть технология порядка времен войн и революций, есть порядок чрезвычайного положения и так далее. Но — в основе всякого порядка лежит соответствие экономики и законодательства. Если мы до сих пор говорим, что власть выше Закона, то в этом случае мы ничего не меняем не только по сравнению с тем, что было 73 года назад, а и с тем, что было за 150 лет до этого... Понимаете, в чем вся трагедия: у нас по-прежнему власть в ы ш е Закона. А это — как при Стеньке Разине, как при Пугачеве...

Я не знаю важнее законов, чем законы о суверенитете личности и о госслужащем. Я бы принял эти два закона, а конституционный комитету дал бы сейчас, в наш переходный период, лишь одну функцию — следить за тем, чтобы все остальные законы — соответствовали и названным двум. И все.

Причем речь я сейчас веду именно о суверенитете личности, а не о правах человека...

— Разве одно не подразумевает другого?

— Здесь есть нюанс. Понимаете, права человека — это как... ну, что ли... место для кошки. Место для кошки в доме. И так, между прочим, относятся к правам человека во

всем мире, а особенно — в нашем государстве. Суверенитет же личности — это уже не место для кошки. Это не страдательная позиция: мол, у меня мало прав, дайте мне побольше прав... Должен быть именно суверенитет личности.

И вообще, знаете, я понял, что мне морочат голову всякими «суверенностями», «самостийностями» и прочим. Все это вранье! Главное, — источники в л а с т и. Власть — это и сырье, все новое и новое количество сырья, это еще и еще новые скважины с нефтью, еще и еще новые золотые жилы! Все, что сейчас происходит, — это же настоящий Клондайк! Чтоб иметь все больше и больше власти, надо же бурить и бурить, искать еще и еще, снова бурить и опять бурить! И все они бурят. Они же — буровики!!!

Ведь что значит у нас власть? Это, возвращаясь к нашему разговору, — гербовая печать! А что означает в нашей жизни гербовая печать? Это означает — откусить сколько сможешь, заглотать все это откусанное. От общенародной собственности. И не надо говорить: «Ах, какие они жулики, эти кооператоры!» Глупость все это: они исполнители. И все.

Словом, порядок для меня — это прежде всего закон о государственном служащем СССР. Надо уберечь государственную собственность от волевого, задуманного, организованного ограбления. И Личность уберечь, защитить ее всячески. Чтоб никто не имел права никого унижить, понимаете? А если всего этого не сделать — Союзный договор будет пустым звуком, больше ничем! С ним никто не будет считаться. Он будет еще одной бумажкой.

— Но бумажка иногда, Ролан Антонович, у нас бо-ольшая сила. Вон сколько сделала для вашего Центра «бумажка» от Совмина.

— Да, еще какая сила! Понимаете, в чем тут дело. Когда русский народ заговорил на канцелярите, стал жить по канцеляриту, когда бумага приобрела в его жизни значение Существа Дела (а у канцелярита, как у всякого языка, имеется собственное мышление, своя эстетика в виде наглядной агитация, свое мировоззрение и безудержная трусость), — это стало нашей национальной трагедией.

Вспоминается такой случай. Когда созданная нами в Союзе кинематографистов модель кинематографа

была основана на живом, нормальном языке, она была свежа и предполагала перспективные изменения. Но — стоило перевести ее на «Грамотный» язык канцелярита, она... потеряла всякий смысл и стала концом всего, возвращением к тупиковому положению. Такова сила канцелярита! Только в нем нет самых важных для человека слов — совесть, честь, доброта, женщина, любовь... Это же не канцелярит, а совсем другое мышление!

Вы, кстати, замечали, наверное, что чиновник, который в жизни разговаривает с вами на обычном живом языке, как только он садится за стол или выходит, не дай Бог, на трибуну, он начинает (почти автоматически)... м ы с л и т ь на канцелярите! Понимаете, то, что они говорят на канцелярите, — полбеды, хотя и жаль. Но они же МЫСЛЯТ НА КАНЦЕЛЯРИТЕ, вот что страшно! Это мышление — бесплодно, оно рождено бездарностями. Это главное проникновение бездарности в современного человека.

— Это все категории скорее философские, вечные. А делать-то сейчас что, Ролан Антонович?

— А все упирается в то, с чего я начал: в проблеме собственности. Мы, конечно, глубочайшие сталинисты. Мы все хотим быть правительством, все желаем быть начальниками — это, по-нашему, и есть демократия. Мы хотим иметь право разрешать, запрещать, распределять ресурсы, деньги и так далее. Начать с того, что даже если Съезд народных депутатов собирается — то только для того, чтобы выступили народные представители. И все. Он же решить-то н и ч е го не может! И не должен. И поэтому, может быть, не надо, чтоб он был постоянным? А постоянным должен быть парламент, причем ма-аленький, не больше трехсот человек...

— И, конечно, профессиональный.

— Конечно. Хотя, знаете... У нас о настоящем профессионализме говорить глупо. Вот я, к примеру, не юрист по образованию, но мне здешние, парламентские депутаты-юристы говорят, что у меня, мол, юридическое мышление. А у меня не юридическое, у меня этическое мышление, понимаете? Убежден, что в основе любого юридического закона лежит закон этический. И духовный критерий. И так как у нас *духовный критерий* почти пере-

стал применяться, то, применяя его к различным явлениям жизни и культуры, фольклору и так далее, я как бы автоматически становлюсь уже и юристом... И, кстати, мой подход к закону о собственности — типично э т и ч е с к и й подход.

— Что вас в этой сегодняшней тяжелой жизни держит на плаву? И что тревожит, чего, может быть, боитесь?

— Что держит?.. Любовь. Любовь к жизни, к людям. Я когда-то вообще думал, что люблю в с е х. Правда, я был в очень хорошей компании: у меня справа была Лидия Князева, слева — Константин Назаров, с одного боку — Ефремов, с другого — Евстигнеев, с третьего — Леонов, Смоктуновский. Тут же тебе и Байрон, и Пушкин, а там, как говорится, и до Христа недалеко.

А сейчас у меня компания совсем другая, в конце которой — Гитлер, Сталин... и так далее. Понимаете, в чем дело: компания другая...

Посему и тревожит, конечно, многое сегодня. А чего я боюсь в этой жизни? Знаете... я тут как-то недавно, сидя в зале заседаний среди депутатов, сказочку простенькую сочинил. Хотите, расскажу? Это и будет моим ответом. Опубликуете?

— Давайте попробуем. Слушаю, Ролан Антонович.

— Итак... Спросили как-то у Иголки: «Что, по-твоему, предпринять? В стране нет порядка. Что?» «Как — что? — говорит Иголка. — Шить, шить!» — «А что же шить, как ты считаешь?» — «Ну... можно шить свадебное платье, можно — саван, можно и то и другое на всякий случай»...

Спросили у Пивной Кружки: «В стране нет порядка. Что делать?» «Ну как... Выпить, конечно, выпить, — отвечала Пивная Кружка. — Только, ясное дело, не пиво надо сейчас пить, в таких случаях пиво не наливают. Откупоривай бутылку чего покрепче и выливай в меня ее всю. Тут, как говорится, без поллитры не разберешься»...

И спросили у Пистолета ТТ: «Что делать? В стране порядка-то нет как нет». «Как — что делать? Ясно что — с т р е л я т ь, — сказал пистолет твердо. — Стрелять, стрелять надо»...

Вот такая сказочка получилась.

— Да, мрачная сказка.

— Что поделат. Да это ведь уже и не сказка...

Беседовал
Григорий КРОШИН

Говорят, по разнообразию наград мы переплюнули все развитые, развивающиеся и стагнирующие государства. Каждый руководитель страны внедрял некое количество орденов, медалей, почетных званий, не менее почетных знаков и достаточно почетных значков. Особенно, как известно, тешился этим Леонид Ильич — других награждал и себя не забывал. Народная примета гла-

Устыдились — и наградной бум пошел на спад. Зато появились какие-то намеки на материальные стимулы, кооперативы, СП, заговорили о рынке и приватизации.

Но, когда административно-командная власть — мать моральных стимулов — очнулась от первого шока и начала удачно блокировать эти нововведения, когда экономический упадок превратился в

деятельность...», «за достижение высоких результатов... на основе применения прогрессивных технологий и передовых методов организации труда...». И так далее.

Нет, я не имею ничего против тех, кто удостоен. У меня нет оснований сомневаться, что они люди хорошие и работать умеют. Я даже не спрашиваю, где, кроме ВДНХ СССР, можно реально ощутить, потрогать вы-

ВЕСЕННИЙ

сит. Чем хуже дела в экономике и вообще в государстве, тем больше лауреатов и кавалеров.

И не важно, например, что хлопка становилось все меньше и меньше, зато «хлопковых» Героев — все больше и больше. Что с того, если очередной промышленный гигант в смысле реальной пользы оказывался карликом, а выдающееся достижение — простой фальсификацией? Пока это обнаруживалось, положенные награды украшали уже не один пиджак.

Все это называлось моральными стимулами. Советскому человеку, по замыслу, они должны были заменять стимулы материальные, поскольку победителю очередного соревнования, к тому же отмеченному высокой наградой, не с руки жаловаться на мизерную зарплату или отсутствие буженины в свободной продаже.

Но когда количество «ударников коммунистического труда» почти сравнялось с численностью работоспособного населения, грянула перестройка. Выяснилось, что шли мы совсем не к социализму и не его строили, а значит, понятия «социалистический труд» и тем более — «коммунистический», мягко говоря, были условными. А вот труд «капиталистический» дал по всему миру весьма приличные результаты, и люди, даже не отмеченные там правительственными наградами, живут не в пример лучше нас. В общем, мы как-то устыдились количеству отличников при крайне низкой успеваемости, продовольственном и товарном дефиците, отсталой технологии и скатывающейся производительности труда.

кризис, все чаще стали появляться президентские указы о награждениях и присвоениях.

Особенно урожайной выдалась нынешняя весна, бурлящая забастовками, потрясаемая экспериментами правительства в области цен и налогов, кричащая пустотой магазинных прилавков. Оказалось, что по-прежнему верна народная примета: в марте, за одну неделю, президент подписал семь указов только о присвоении звания «Герой Социалистического Труда», в апреле — три, а в начале мая (когда пишутся эти строки) число Героев увеличилось еще на шесть человек. Не говорю уж о множестве орденов, медалей и почетных званий.

Такого обилия мы, кажется, последние годы не видели. Формулировки наградных указов до боли знакомы: «за достижение высоких устойчивых результатов в производстве и продаже государственной сельскохозяйственной продукции...», «за выдающиеся успехи в повышении эффективности сельскохозяйственного производства, большой личный вклад в...», «за плодотворную научную и общественную

ЗВЕЗДОПАД

дающиеся достижения в производстве и продаже сельхозкультур, насколько увеличилось в стране количество товаров благодаря прогрессивным технологиям, как отозвалась на отечественной и мировой культуре и науке, например, общественная деятельность новых кавалеров.

Меня интересует, так сказать, фон, на котором вновь начало расти количество наших достижений. Этот фон — обнищание народа, блокада земельной реформы, провалы экономических программ, национальные взрывы, катастрофическое небрежение культурой и образованием. Все это нельзя спрятать ни за какими наградными списками.

Конечно, государство вполне отличать своих граждан. Вот, скажем, в Японии есть звание «Национальное достояние» — им отмечены очень немногие выдающиеся личности, которых знает вся страна. Французские власти крайне скупы на Орден «Почетного легиона», однако это никак не отражается на состоянии дел в экономике и науке. А болгары, помнится, отказались от всяческих почетных званий.

Может быть, и мы все же доживем до того времени, когда хорошая, честная, словом — нормальная работа перестанет быть выдающимся достижением, но будет естественным состоянием свободных людей? А за выдающиеся достижения можно не беспокоиться. Их, безусловно, будет поменьше, но на то они и выдающиеся, чтобы не случаться каждую неделю.

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

Рис. В. Сысоева

Юрий БЫЧКОВ

«ТРОЯНСКИЙ КОНЬ»

БОРОЗДЫ НЕ ВСПАШЕТ

Главным редактором «Советской культуры» Альберт Беляев был назначен руководством партии как раз в тот момент, когда КПСС взяла исторический курс политики перестройки. На примере Беляева и руководимой им газеты можно проследить и понять, почему партия, начав перестройку, вскоре стала ее тормозом.

Политика преобразований для верхов была вынужденной мерой. Чтобы развиваться, обществу требовались новые идеи. Но «дом престарелых» на Старой площади генерировать их самостоятельно не мог. Сравнительно невысокие интеллектуальные способности ответственных работников ЦК КПСС с возрастом были сведены практически к нулю. Требовалась инъекция серого вещества со стороны, как больному диабетом требуются инъекции инсулина.

Собственно, ради этого в начале перестройки партаппарат и затеял легкий флирт с творческой интеллигенцией. Мы, мол, вам обещаем относительную свободу, вы нам необходимые идеи. Заигрывать с интеллигенцией, дабы склонить ее к умственному сожигательству, и поручили Альберту Беляеву. Страницы газеты ЦК КПСС «Советская культура» были для этого самым подходящим местом.

Надо сказать, что партаппарат для такого флирта выбрал не самую лучшую кандидатуру. Конечно, у Альберта Андреевича были определенные партийные достоинства. Возраст его, например, еще не достигал маразматического. Плюс флотское происхождение. Беляев когда-то служил на флоте, о чем свидетельствует татуировка на руке. По партийным представлениям, сложившимся под влиянием известной реплики матроса Железняка, связь человека с морем свидетельствует о романтичности его натуры. Матросская непосредственность и решительность якобы и делала Беляева особенно неотразимым для

жеманной и кокетствующей интеллигенции.

Однако у Альберта Андреевича был и один очень существенный недостаток. За ним тянулся непростиительно длинный шлейф преступлений против совести, чести и лучших умов нашей эпохи. Многие годы он был заместителем заведующего Отделом культуры ЦК КПСС, непосредственным куратором, а значит, и полновластным хозяином советской литературы.

О нравах, царивших тогда в литературной вотчине партии, можно долго рассказывать. Они мало чем отличались от диких нравов в имении пушкинского помещика-самодура Троекурова. Бедных писателей рассматривали здесь как бесправных крепостных, которые под надзором партии должны были сооружать величественный монумент новой коммунистической идеологии. За всякое отступление от норм крепостнической морали и даже просто так, для остротки, их публично секли в средствах массовой информации.

Похоже, унижение литературного таланта доставляло большое удовольствие главному надсмотрщику советской литературы Альберту Беляеву. Он выполнял порученное дело с какой-то садистской изобретательностью. На его совести — литературная травля Александра Солженицына. При воспоминаниях о Беляеве бросает в дрожь ироничного Владимира Войновича. Не может забыть встреч с ним даже за границей Василий Аксенов. В одном из новых романов, «Бумажный пейзаж», он вывел Альберта Андрееви-

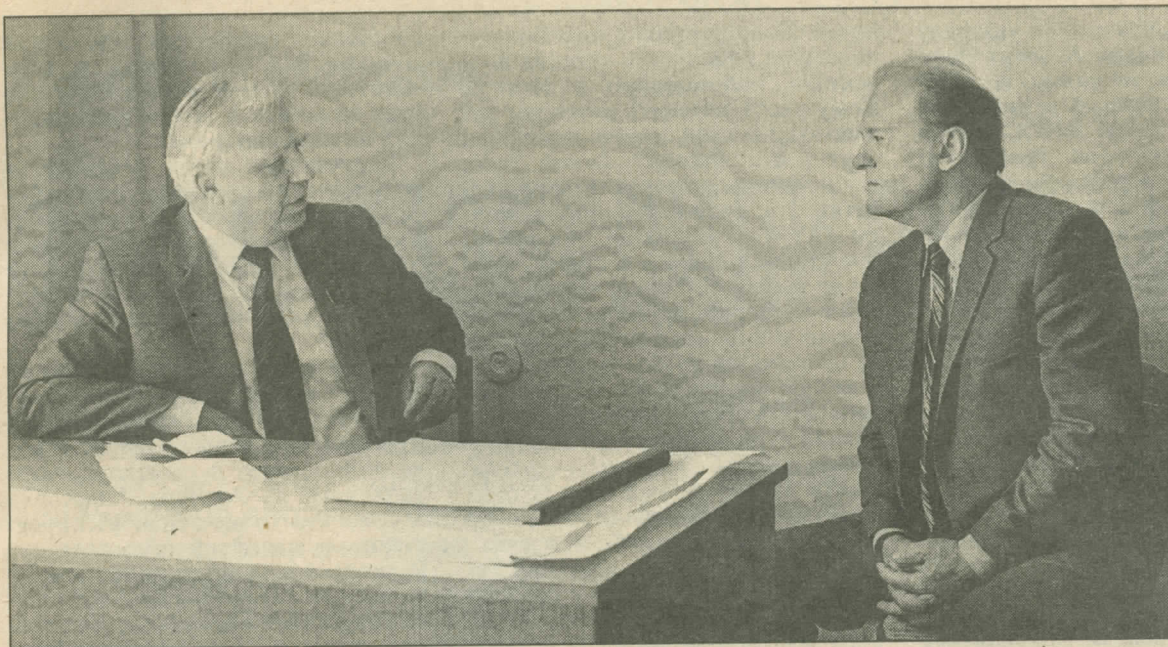
ча под именем «Булыжник — Оружие Пролетариата». Рассказывают, как однажды в Союзе писателей, возмущенная очередным самодурством литературного наместника, поэтесса Белла Ахмадулина, защищая свои права, кричала: «Я вам не крепостная девка Альберта Беляева!»

Неудивительно, что уважающие себя писатели не пришли на randevu, которое им назначил на страницах «Советской культуры» бывший простовато-грубый матрос. Беляев не стал искать с ними примирения, понимая, что мыслящий человек издевательств над своим умом простить ему не сможет. Поэтому на одной из первых редколлегий в «Советской культуре» Альберт Андреевич заявил, что отныне газета не будет писать о литературе. Это, мол, дело «Литературки». И на годы перестройки литература действительно была изгнана со страниц «Советской культуры».

Но тем не менее газета, выпускаемая партией для интеллигенции, одно время все же была рупором передовых перестроечных идей. «Советскую культуру» ставили даже в один ряд с «Московскими новостями» и «Огоньком». Газете удалось привлечь на свои страницы некоторых авторитетных деятелей культуры. Их смелые самобытные выступления и делали привлекательным это партийное издание.

«Звездный час» Беляева пришелся на год XIX партийной конференции. Газета тогда достигла небывалого, почти миллионного тиража. К ее мнению стали прислушиваться даже прогрессивные демократические силы в обществе.

«Неужели бывший крепостник так быстро превратился в активного борца против интеллектуального крепостного права?» — дивились многие, знавшие Беляева. Растерялись даже его бывшие подручные по литературным расправам. Расценили это как предательство с его

Егор Лигачев
за рабочим столом
Альберта Беляева

стороны. И, объединившись вокруг вечно молодых и вечно современных журналов, принялись из номера в номер публиковать о нем компрометирующие материалы. Грязи было много, и хватило ее надолго. Те, кого интересует зубоскальство лавкеев, получивших информацию из замочной скважины, могут перечитать номера «Молодой гвардии» и «Нашего современника». Там найдется немало пикантных подробностей из «литературного прошлого» Альберта Беляева.

Если полистать подшивку «Советской культуры», то можно убедиться, что партийная газета для интеллигентов была смелой и прогрессивной в один строго дозированный период гласности. А именно в тот момент, когда шла реабилитация ленинских соратников. Все эти годы Беляев усердно очищал престиж партии и ленинского учения от кровавой накипи сталинизма. Он старательно пытался внушить думающим людям, что партия вместе с народом тоже пострадала от зловещей тирании. И поверьте, когда КПСС действительно избавится от порочных сталинских методов руководства обществом, она непременно станет единственной авангардной силой, способной повести советский народ в светлое будущее.

И многие наши демократы попались на этот старый, как литература, трюк, уловку, известную еще со времен Гомера. Да, да — «тroyанский

«Откровенно говоря, в каждом из нас все еще сидит внутренний цензор, который порой останавливает нас от решительного действия. Александр Бовин назвал это явление «страхом перед начальством». По-моему, этот страх — один из наших главных врагов в работе. Вытравить его из себя беспощадно — вот задача. Мы служим общему делу партии, народа».

Из выступления главного редактора газеты «Советская культура» А.А.Беляева на VI съезде журналистов СССР (16 марта 1987 года).

конь». Доверчивая интеллигенция привела в свой стан небрежно брошенную партией любопытную игрушку — целое партийное издание. Приняла газету как свою опору в борьбе за демократию и общественную справедливость. Неудивительно, что, оказавшись во враждебном демократическом лагере, партийное издание стало сеять смуту в умах своих противников, натравливать одни демократические движения на другие. Именно в этот момент газета отошла от чисто культурной проблематики и стала активно вмешиваться в политические процессы. Ее даже хотели переименовать в «Культуру и политику». «Советская культура» ввела в интеллектуальный обиход негативное понятие «популизм», обвинив Бориса Ельцина в дешевом заигрывании с народом.

Как человек, некоторое время работавший в беляевской газете, могу утверждать, что Беляев постоянно навязывал газете неприятные поручения ЦК КПСС по развалу и дискредитации нарождающихся

общественных движений. Позиция «Советской культуры» во многом способствовала тому, что демократические движения не получили нужной поддержки со стороны интеллигенции, оказались дискредитированными в глазах общественного мнения, что во многом затормозило процесс создания организованной оппозиции в стране.

Это делалось, к примеру, так. Прямо на редколлегии Альберт Андреевич заявлял, что накануне звонили из ЦК КПСС (обычно он не уточнял, кто звонил) и просили отразить в газете такой-то вопрос. Более деликатные поручения он давал редакторам отделов в конфиденциальных беседах. Потом, когда в газете появлялась странная заметка и ведущий редактор номера порывался ее снять, в последний момент ему многозначительно намекали: заметка, мол, сделана по заданию главного редактора. Невыполнение такого задания вызывало у Беляева острый приступ недовольства сотрудником. Это было сигналом к выживанию со страниц газеты.

Надо думать, что ценные указания со Старой площади Альберт Андреевич получает не только по телефону. Почти каждый день до сих пор он ездит в ЦК КПСС якобы обедать в недорогую тамошнюю столовую, хотя в редакции для членов редколлегии есть неплохой буфет. Думается, легендарная столовая в ЦК КПСС это не просто место, где ответственные работники центрального партийного аппарата принимают приличную пищу. Это скорее место для общения высшей партийной номенклатуры, где в неформальной обстановке можно не просто обменяться мнениями, но и настроиться на генеральную линию. Приезжая после такой трапезы, Альберт Андреевич нередко собирает редколлегию и дает дополнительные указания.

Со своей стороны высшие партийные чины тоже не обделяют газету своим вниманием. Сохранились вполне семейные фотографии приезда «главного идеолога» страны Егора Лигачева в редакцию к Альберту Беляеву. Видимо, не без участия Егора Кузьмича Альберт Андреевич и был «заброшен» в «тыл» интеллигенции со специфическим партийным заданием.

На подчиненных он по-прежнему смотрит, как на крепостных. Далеко не всех знает по имени и в лицо. Да ему в исполнителях и не важны личные качества. Главное, чтобы они исправно выполняли порученное: кого надо похвалить, кого надо высечь. Правда, самодурствовать он стал значительно меньше. Гласности боится.

Люди целыми отделами убегают из редакции. За последние полтора года «Советскую культуру» покинули

почти 50 сотрудников. Это больше половины списочного состава коллектива, работающего в Москве. Кому охота потакать капризам доживающего свой политический век партийного барина? После того, как коммунисты редакции демонстративно не выдвинули его в делегаты XXVIII съезда КПСС, он как-то быстро стал сдавать и стареть прямо на глазах. Его руководство газетой в последнее время заключается только в том, что он вычеркивает из материалов любое живое слово и любую живую мысль. Не дай Бог напечатать какую-нибудь крамолу! Беляев даже не пытался остановить развал газеты. Уходишь — уходи! Почти никого из уходящих сотрудников он не соизволил спросить: что не устраивает его в работе газеты.

Все текущие дела в редакции Беляев давно передал своему первому заместителю Олегу Иванову, которого привел с собой в «Советскую культуру» из сектора изобразительного искусства ЦК партии. Иванова большая политика интересует только в той степени, в которой позволяет заниматься любимым делом — парусным спортом. Впрочем, с политической точки зрения он безупречен. Лучшей скульптурой всех времен и народов считает монумент Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», о чем неоднократно сообщал в руководимой им газете.

Советником при первом заместителе до недавнего времени состоял Григорий Оганов, которого Альберт Андреевич тоже привел в газету из ЦК КПСС, где тот руководил сектором телевидения. Его политические комментарии, даже в последние годы перестройки были густо пересыпаны нафталином, застоя и

населены призраками «холодной войны». Вот, собственно, и весь «мозговой центр», который определяет политику в газете, рассчитанной на интеллигенцию.

Удручающие итоги подписки (а количество подписчиков упало в несколько раз) Альберт Беляев связывает с общим падением культуры в обществе. Правда, из его заявлений так и не ясно, какую он имеет в виду культуру: общечеловеческую или советскую?

Право же, чиновничество наше со времен Чехова так и не изменилось. Жили в страхе перед высшим чином и уходят, боясь чина. Слишком мало личного и слишком много типичного. И Альберт Андреевич — тоже тип. Точнее, типичный представитель советской номенклатуры. И сколько еще таких типов бродит по пустым коридорам мрачного здания на Старой площади, других замков власти, куда направила их партия?

Если разобраться, то Альберт Беляев так и не выполнил задание партии. Более того, он не только не привлек интеллигенцию на сторону КПСС, но, наоборот, отпугнул думающих людей от этой организации. Отпугнул своим дотошным отношением к порученному делу.

Но для Альберта Андреевича это уже неважно. За безупречный и добросовестный труд на культурном поприще ЦК партии выделили, а трудовой коллектив распределил недавно Беляеву новенькую «Волгу». Я его не осуждаю за такую покупку. Тем более сейчас, когда отбирают привилегии у высшей партийной номенклатуры, как раз пришло время пересаживаться с казенной «Волги» на собственную.

ЭКСПРЕСС-ПОДГОТОВКА В ВУЗЫ

Ассоциация преподавателей столичных вузов «Московский Лицей» проводит интенсивный курс подготовки в МГУ и другие вузы Москвы.

Математика, физика, сочинение, литература (устно), русский язык (устно), грамотность, химия, биология, история, обществоведение, география, информатика, английский, французский и немецкий языки — Вы можете выбрать один или несколько предметов, по каждому из которых Вам будет предложен цикл из 10—15 ежедневных занятий НЕПОСРЕДСТВЕННО перед вступительными экзаменами.

«Московский Лицей» обеспечивает активную форму обучения по современным репетиторским методикам; ликвидацию пробелов школьного образования; разбор типичных экзаменационных ошибок прошлых лет.

Занятия проводятся с 20 июня по 20 июля ежедневно без выходных в группах 6—8 человек, продолжительность занятий по одному

предмету 3 академических часа, оплата за каждое занятие (25 руб.).

Запись на занятия производится с 20 июня по 15 июля ежедневно без выходных с 9 до 20 час. Начало занятий — на следующий день после записи.

Наш адрес: ул.Медведева, д.5, в помещении школы № 175 (проезд: ст.м.«Маяковская», от метро по левой стороне Тверской к центру, первая арка налево). Телефоны: 289-43-59, с 20 июня 299-99-56.

Желающие могут пройти курс психологической подготовки к экзаменам (выработка уверенности в себе, тактика общения с экзаменатором). При «Московском Лицее» работает центр профориентации.

Наше издательство обеспечит Вас оригинальными учебными пособиями.

Александр МЕШКОВ

ЗАЧЕМ РАЗБУДИЛИ РАБОЧИХ?

Два с половиной года назад Василь Быков назвал Белоруссию Вандеей перестройки. Несколько месяцев тому назад «Коммунисты России», упрекая демократов в противостоянии Центру, приводили в пример республику, которая «решает проблемы» в рамках имперской системы. А спустя пару недель после того, как отзвучали эти речи, тысячи минских рабочих заполнили центральную площадь имени Ленина, а их товарищи в Орше блокировали железнодорожные пути. Некогда покорная Вандея, еще совсем недавно облюбованная Президентом для произнесения разгромной речи против «так называемых демократов», ныне грозила обернуться городской Жакерией.

ЕСТЬ ТАКОЕ СЛОВО —
Абыякавасць...

Слово это в переводе на русский язык означает равнодушие, безразличие ко всему. В том числе и к своей собственной судьбе. Долгие годы, как это ни грустно, «абыякавасць» считали психологической чертой белорусской нации. Народ, расположенный на перекрестке Европы, сполна испил чашу национального унижения. Его «воевали» псы-рыцари и запорожские казаки, татаро-монголы и Великое княжество Литовское. Включенная в состав Российской империи, Белоруссия стала именоваться Северо-Западным краем, жителям республики стали внушать (а некоторые панславистские издания продолжают делать это и сейчас), что в действительности они — русские, забывшие свои корни и свой настоящий язык, и весь вопрос в том, чтобы вспомнить. До недавнего времени говорить по-белорусски считалось правилом дурного политического тона, ибо это означало, что говорящий либо «письменник», либо сторонник БНФ (Народного фронта).

Сотнями сожженных Хатылей обернулась для Белоруссии Отечественная война. Но этой многострадальной нации суждено было еще принять на себя и Чернобыль. Приезжие москвичи, которые любят замечать, что белорусские прилавки привлекательнее столичных, о вряд ли бы поменяли свое полуголодное существование на здешнее смертоносное «изобилие»... Долгие годы бедствий сформировали своеобразный национальный темперамент. С одной стороны, огромное трудолюбие, с другой — бессловесность, готовность нести свой крест, каким бы тяжелым он ни был. «Хай ц буде, як буде, шоб только войны не было».

а Не потому ли так вызывающе вела

себя здесь номенклатура в первые годы перестройки по отношению к демократическому движению? Многие его участники до сих пор помнят урок, который власть преподавала им 30 октября 1988 года. В тот день общество «Мартиролог» решило почтить память жертв сталинского террора в Куропатах. Леонид Свиридов (теперь он руководитель пресс-центра при Минском горсовете) вспоминает, как по пути к месту захоронений колонну демонстративно обгоняли милицейские машины, а когда люди, свернув в сторону, стали проводить митинг, толпу взяли в кольцо и начали сдавливать, потчуга дубинками и «черемухой». Еще год назад нынешнего председателя президиума республиканского стачкома Леонида Соболя и других «смутьянов», которые пикетировали здание горсовета, запикивали в милицейскую машину и осуждали на 15 суток.

Если в применении к рядовым гражданам «абыякавасць» означала бессловесность, то для властей это была возможность творить произвол, не оглядываясь назад, не отвечая за свои действия. Для одних — безразличие и равнодушие к собственной судьбе, для других — к судьбе народа, нации. Люди, которые формировали первомайские колонны после взрыва на чернобыльском реакторе, скрывали данные о радиоактивном загрязнении местности и «прорабатывали» партийцев, посмеявших вывезти свои семьи в безопасные районы, в большинстве своем по-прежнему занимают руководящие посты и даже получили повышение.

Уверенная в своей безнаказанности, белорусская номенклатура делала вид, что ничего существенного в стране не произошло и не может произойти. Последовательно, один за другим, в Верховном Совете отвергались законопроекты, предлагаемые демократической оппозицией (ее представители составляют примерно десять процентов от общего числа депутатов). Единственная «осечка» вышла, когда по примеру других республик надо было принимать Декларацию о государственном суверенитете, и большинству ничего не оставалось, как воспользоваться «заготовками» Белорусского народного фронта.

Народное недовольство заливали вином и водкой. Член Сойма БНФ Андрей Тельковский рассказывал мне, как во время референдума «о

будущем Союза» во многих «вестах» (деревнях) каждый проголосовавший имел право купить две бутылки водки и четыре — «чернил» (вина). Одна демократическая газета даже опубликовала письмо избирателя, который возмущался, что вино и водку дали только ему одному, хотя бюллетени он опустил и за себя, и за сына.

Политика «кнута и пряника» приносила до поры до времени свои плоды. Однако это универсальное средство не сработало, когда выдавшие виды, безработные белорусы узнали, ошеломленные, о трех-четырёхкратном повышении цен. Человеческий поток прорвался за проходные заводов, выплеснулся на городские площади и улицы, подхватил старые национальные знамена и новые лозунги оппозиции. Кроме экономических требований, рабочие добивались ухода парткомов из предприятий, деполитизации правоохранительных органов и армии, национализации имущества КПСС, принятия нового Закона о выборах и созыва внеочередной сессии ВС

Белоруссии для рассмотрения всех этих требований. «Забудьте это слово — толпа, — сказал на заседании Минского стачкома председатель Оршанского стачечного комитета Николай Разумов. — Теперь это уже народ».

ГДЕ — КНУТОМ, ГДЕ — ПРЯНИКОМ...

Еще задолго до апрельских стачек Рабочий союз Белоруссии был окрещен тогдашним первым секретарем ЦК КПБ Ефремом Соколовым «антикоммунистической организацией». Так оно и было на самом деле. Сегодня многие белорусские рабочие не хотят иметь ничего общего с партией, которая неизвестно по какому праву десятки лет вещает от их имени. Они связывают свое будущее с отстранением этой партии от власти. «Пусть они идут на первомайскую демонстрацию, провозглашают здравицы за коммунизм, при котором уже живут. А у нас другие дела», — говорили на своем заседании члены Минского стачкома.

Но я бы покривил душой, если бы сказал, что в подобных настроенных рабочие единодушны. Видел я тех, кто шагал в жидких по сравнению с прежними годами первомайских колоннах. Познакомился с одним из них — Николаем Матусевичем. Трудится на станкостроительном заводе им. Октябрьской революции. «Ударник коммунистического труда». В свое время проиграл на выборах в Верховный Совет республики лидеру БНФ Зенону Поздняку. Не любит Народный фронт и руководителей стачкома. Укоряет их за то, что они в свое время не поддержали предложение проводить выборы по производственным округам. Недоволен, что сейчас «подрывают веру в идеалы». На мой вопрос, в чем же конкретно для него воплотились эти идеалы, отвечает: «Через восемь лет после того, как пришел на завод, получил дачу, через пятнадцать — квартиру». Да, конечно, администрация и раньше не считалась с рабочими, но ведь крохами-то делилась. «А сейчас они (БНФ и стачкомы. — А.М.) пытаются

все подрубить под корень». Но тогда ведь ничего не станет, все рухнет. А этого допустить нельзя. Поэтому он, Матусевич, и вышел на первомайскую демонстрацию.

А вот председатель президиума республиканского стачкома Михаил Соболев об этом говорит по-другому. В «распределительной системе» народ питается через капилляры, а номенклатура — через артерии. «Я понимаю, что если мы без толку надавим на систему — в первую очередь перекроем капилляры. Поэтому надо это делать с умом».

Речь шла об акции протеста в Орше, когда рабочие, блокировавшие железнодорожные пути, пропустили пассажирские поезда и только после этого снова заняли полотно.

Вот так: одни понуро бредут в первомайских колоннах, которые ведут «пастыри» в кожаных пальто, зачем-то несут беззубые, непонятно кому адресованные транспаранты. Другие могут грубовато оборвать и представителя демократической партии, заметив ему, что здесь выступают только члены стач-

кома. Первые еще верят в то, что приедет барин и рассудит. Вторые давно уже не верят ни в каких добрых бар. Этим людей больше беспокоит не возможная скупка акций предприятий «теневиками», а поистине неограниченные возможности для эксплуатации трудящихся со стороны номенклатуры. Недавно в Белоруссии была зарегистрирована Научно-промышленная ассоциация, которая объединила головные предприятия союзного подчинения, банки, институты, а также республиканскую ВПШ, что развеяло всякие сомнения в характере этой организации. «Был создан монстромонполист, который обеспечит властям безболезненное переливание капиталов, даст возможность создавать на базе старых предприятий новые, у которых будут уже конкретные владельцы — представители правящей команды, — говорит М.Соболев. — По существу, речь идет о «номенклатурном капитализме». Постепенно отряды ОМОНа будут перемещаться от памятников Ленина к банкам. Именно их они будут охранять».

С первых дней существования (1989 г.) Рабочий союз, действительно возглавляемый рабочими, решил бороться с укреплением власти номенклатуры. Но вначале это были небольшие группы активистов, которые не имели большого влияния на рабочих. Тому были причины: и относительно стабильный уровень жизни, и настроенное отношение рабочих к демократам, и наоборот. По словам члена Сойма БНФ Андрея Тельковского, «одни считали, что мы работаем, а те языки чешут», а другие боялись наклониться и подать руку рабочим, как бы с их головы не упала корона». Может быть, сыграло свою роль и название организации. На последней конференции Рабочего союза одна учительница сказала его лидерам следующее: «Может быть, вы и хорошие ребята, но с 1917 года все уже сыты «рабочей диктатурой». Конференция приняла решение о преобразовании РС в Конфедерацию труда Белоруссии. И все-таки это была лишь смена названия, которая не сделала организацию массовой. Руководители конфедерации взяли курс на то, чтобы вывести отраслевые профсоюзы из официальных структур, преобразовать их в профсоюзы независимые.

Но эти планы так и остались бы планами, если бы не апрельские

стачки, когда и Конфедерация труда, и Белорусский народный фронт почувствовали твердую почву под ногами. Одни стали организаторами движения, другие — его идеологами. Впрочем, часто это были одни и те же люди.

Исчез барьер между демократами и рабочими. Люмпенизированное белорусское общество стало структурироваться, оформляться в социальные группы, осознающие свои интересы.

Пока демократическое и рабочее движения выступают вместе. Насколько прочным окажется этот союз? Ведь даже если переход к рынку и приватизацию будет проводить не номенклатура, а демократы, социальные издержки — неизбежны. Как поведут себя в этой ситуации рабочие? Опыт Польши, где некогда единая «Солидарность» раскололась, когда правительство Мазовецкого — Бальцеровича приступило к решительным реформам, показывает, что вопросы эти далеко не праздные...

В эти дни власти опять прибегли к своей излюбленной тактике «кнута и пряника». Полки магазинов ломались от птицы, давно не виданного здесь деликатеса — поросятины, дешевой (по московским меркам) колбасы всех видов. Выбор был настолько велик, что «варенку» стоимостью семь рублей за килограмм перестали покупать, и она портилась. За неделю до конца месяца в Минске и Орше начали продавать водку по майским талонам.

Одновременно принимались меры с целью обезвредить «эмиссаров» и «баламутов».

— В эти дни задержали представителей польской «Солидарности», которые выступали на митинге, и корреспондента «Голоса Америки», — рассказывал А.Тельковский, — фактически были введены элементы военного положения, правда, не в городе, а на дорогах. Я сам кадровый офицер и могу судить об этом. Шоссеиные дороги на Оршу и Брест перекрыли БТРами. В Минском аэропорту неизвестно с какой целью сели два военно-транспортных самолета. Выступая перед партхозактивом Фрунзенского района Минска, секретарь РК КПБ (он же — председатель райсовета) призвал к созданию «комитетов быстрого реагирования» — белорусского варианта прибалтийских комитетов национального спасения. По данным БНФ,

в масштабах республики такой комитет уже создан, и его возглавляет один из секретарей ЦК КПБ...

...Апрельская стачка закончилась неожиданно, так же как и началась. После того как руководство республиканского телевидения отказалось предоставить минскому стачному прямой телеэфир для обращения к оршанцам, стачечный комитет принял решение временно приостановить забастовку.

Мне приходилось беседовать с молодыми людьми, которые полагают, что надо было продержаться какое-то время, «как, скажем, в свое время в Берлине или Праге», а потом бы тоталитарный режим рухнул. Эти наивные революционеры забывали, что они живут в республике, где на несколько сот активистов демократического движения приходится 600 тысяч членов компартии и 600 тысяч военнослужащих Белорусского военного округа, где сельское население не воспринимает городских депутатов-демократов, зато отдает голоса представителям номенклатуры, полагая, что они помогут в качестве «толкачей» и «защитников». Но самое главное — Белоруссия не знала того, что было в Праге в 1968 году, в Венгрии в 1956-м, в Берлине — в начале шестидесятых...

Да и какую цельную концепцию выхода из кризиса могла бы предложить народу демократическая оппозиция, если бы даже ей удалось прийти к власти на волне гражданского неповиновения? Ведь требования прекратить отчисления в союзный бюджет, разработать новую конституцию на основе декларации о суверенитете и т.д. пригодны для митингов и пропагандистских компаний, но правительству для работы нужна четкая программа преобразований. Над ней еще предстоит поработать экспертам оппозиции. Надо заметить, что в ее среде уже выявились оттенки различных мнений, подходов. Если Объединенная демократическая партия (либеральные демократы) делает упор на частника, предпринимателя, то социал-демократы выступают за равноправие всех форм собственности.

Засилье бюрократии для белорусских демократов имеет все же один несомненный плюс. Оно не позволяет им погрязнуть в спорах, междоусобицах (что очень характерно для Москвы), заставляет на время забыть о разногласиях и работать

вместе с Народным фронтом.

...Все-таки ошибкой руководителем минской стачки был не их призыв к рабочим покинуть площадь. Михаил Соболев уверен, что не была выиграна главная битва — битва нервов и логики. В этой битве должен победить не тот, на чьей стороне численный перевес, а кто докажет недееспособность другой стороны. Руководитель республиканского стачкома считает, что, вместо того чтобы нейтрализовать действия оршанцев, Минскому стачечному комитету следовало бы опереться на них и добиться хоть каких-то конкретных результатов. Скажем, предоставления 15 минут для ежедневных выступлений по телевидению, регистрации стачкома и т.д. И только после этого приостанавливать забастовку.

Минский стачком упустил эту возможность, продемонстрировав свое великодушие. Но власти расценили это как слабость. В адрес стачечного комитета пришла бумага, подписанная прокурором Ивановым, которая гласит: «Предлагаю деятельность... комитета привести в соответствие с законом либо прекратить ее». Администрация некоторых предприятий попыталась было сделать вычисления из суммы компенсации у тех, кто бастовал. И только когда рабочие пригрозили новой политической стачкой, попытки эти были оставлены.

По сообщениям с мест, партийные и хозяйственные руководители с нетерпением ждут летних месяцев, надеясь на какие-то «чрезвычайные меры».

Борьба нервов продолжается. Собственно, она и не может прекратиться, ибо противоборствующие стороны преследуют диаметрально противоположные цели. Одни прямо заявляют, что «речь идет о смене политической системы, и, пока мы не решили вопрос о власти, никто не позволит нам проводить коренные преобразования». Другие намерены до конца защищать «принципы», что в переводе на обычный язык означает: «собственность номенклатуры». Но в таком случае Компартия Белоруссии, считающей себя рабочей, придется в отношении рабочего класса проводить ту же политику, что и одному из персонажей драмы Шиллера «Дон Карлос», который говорил своей жертве: я тебя убью, но для твоего же блага.

ВОСТОК ПОКА БЕЗ БУДУЩЕГО. НО И ЗАПАД — ТОЖЕ

КАК, СВОБЕННО, ОНИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ РОССИЮ?

В очередную крайность впадает сейчас значительная часть российской интеллигенции: от тоталитарного социализма кидается к капитализму, считая, что это единственный путь для страны, для человечества. Говорят, что капитализм сейчас стал совсем другим, благостным, его и капитализмом-де нельзя назвать. Есть просто этакая «нормальная рыночная система».

Суть капитализма осталась прежней: накопление капитала. То, что можно назвать «агрессивной» конкуренцией, в отличие от «рыночной» (конкуренции за покупателя, которая существовала до капитализма и может и должна существовать всегда).

Для успеха в агрессивной конкуренции важен размер капитала, богатство фирмы. И если вы не будете его наращивать непрерывно, вас обойдут, разорят или присоединят, скупят. Человек и природа здесь остаются средством накопления. Агрессивная конкуренция направлена на удушение рыночной — на создание монополий. Государство в развитых странах с помощью мощного аппарата сдерживает эту конкуренцию, но ликвидировать не может, и капитал по-прежнему вкладывается туда, где больше ожидается прибыли.

Да, капиталистические страны значительно изменились за последние полвека (но только развитие страны!). Изменились и по внутренним причинам, и из страха перед распространением социалистических идей. Но по-прежнему сохраняются наемный труд и авторитарные порядки на производстве. Рядовые работники по-прежнему в большинстве своем бесправны, во власти хозяев и их менеджеров; по-прежнему отчуждены от средств и продуктов производства, от процесса руководства, по-прежнему являются объектом эксплуатации, хотя и смягченной (смягченной опять-таки в развитых странах!).

Да, средний класс стал жить богаче и увеличился численно, примерно до 50-60% населения. Но произошло это за счет усиления эксплуатации ресурсов т.н. развивающихся стран третьего мира, т.е. минимум двух третей человечества. И именно тут капитализм подходит, видимо, сейчас к своему пределу. Он, судя по всему, не способен решить апокалипсические проблемы экологии и третьего мира.

В западных странах стала модной сейчас теория «двух третей». В современном обществе, в соответствии с ней, 2/3 населения благоденствуют,

а 1/3 бедствует, и ничего с этим не делаешь — закономерность, плата за прогресс и т.п. Но при этом забывается, что если рать все человечество в целом, то тогда эта пропорция переворачивается: 1/3 (развитые страны) живет сносно, а 2/3 — загибается!

Человечеству действительно необходимо общество «двух третей», но в ином смысле. Стругацкий в одной из своих повестей упоминает о внеземной цивилизации, которая треть своих сил и средств тратит на производство благ и на прогресс, а две трети — на ликвидацию вредных последствий прогресса. К подобной цивилизации «двух третей» пора, видимо, начинать двигаться нам всем. Но капитализм с таким направлением несовместим! Так что куда от этого не уйдешь, надо все-таки создавать качественно новый строй на Земле. Государственный тоталитарный марксистский социализм был очевидным антитезисом капитализму, а надо создавать синтезный уклад. Основы его уже сами собой складываются в «недрах» капитализма. Это предприятия и учреждения с групповой трудовой формой собственности, где господствует принцип «Кто не работает, тот не владеет». Владеют средствами производства, принимают участие в управлении и прибылях только те, кто работает, и до тех пор, пока работает. Уходя, получают деньгами свою долю основного капитала. Наемный труд, как правило, не применяется, акции в свободную продажу не выпускаются. Агрессивной конкуренции такие фирмы не ведут, средства вкладывают лишь в интенсивное развитие своего производства, целью деятельности имеют увеличение не капитала, а личного благосостояния работников и улучшение условий труда.

Такой синтезный уклад — открытая система, создающая условия для действительно свободного соревнования различных укладов. Система предоставляет людям выбор, куда идти работать: совладельцами на вновь образуемые групповые предприятия или пролетариями, наемными работниками на частные, если там им будут платить больше. И если дело будет именно так складываться, то начнет происходить **постепенное, эволюционное** развитие и расширение капиталистического сектора. Прямой же переход к капитализму от государственного социализма без социальных потрясений и насилия немислим, особенно в Рос-

сии с ее долгим социалистическим стажем. Нужно понимать, что время человеческое, наполненное событиями, изменяется, и поэтому 70 социалистических лет — срок огромный, равный по воздействию на психику людей нескольким более спокойным векам. Об этом забывают и русские националисты, и приверженцы западного капитализма.

Сторонники капиталистического развития социалистических стран, выступая за приватизацию государственной собственности, забывают, что она создана трудовыми коллективами за счет вырабатываемой ими прибавочной стоимости и налогов, с них удерживаемых, и должна быть им передана (или продана по себе стоимости, если новая). А вот уж коллективы могут делать с ней все, что им заблагорассудится. Себе оставить, или продать, или в аренду сдать. Передавать же или продавать государственную собственность сразу в частные или кооперативные руки — это означает вновь заниматься экспроприацией. На этот раз экспроприировать собственность большинства граждан в пользу меньшинства. Правового государства на таком пути не создать. Капиталистические формы собственности должны создаваться с нуля, на чистом месте, за счет частных накоплений.

Средства, вырученные государством от продажи предприятий трудовым коллективам, государство обязано тратить на создание новых предприятий или коммерческих учреждений, чтобы вновь продавать их новым трудовым коллективам, препятствуя таким образом возникновению агрессивной конкуренции. В этом случае государство сможет и создавать изначально экологически безопасные предприятия.

В странах государственного социализма создавать синтезный строй демократического самоуправления легче, чем в странах капиталистических, поскольку государственную собственность легче перевести в групповую, чем частную: никого не надо экспроприировать. Не окажутся тогда напрасными жертвы, принесенные народами, участвовавшими в социалистических революциях.

И на этом пути можно будет создать массовые движения и партии (Демократического самоуправления!), вдохновить к активности широкие слои людей. При движении назад этого никогда не добиться.

Раньше я думал, что только советский режим государственного социа-

лизма апокалипсичен, потому что политически и экономически заинтересован в экспансии. Теперь же я начинаю думать, что и капиталистический строй развитых стран тоже может оказаться апокалипсичным. Он усиляет критическое мышление людей относительным благополучием, достигаемым главным образом за счет эксплуатации природы и третьего мира, и затягивает большую часть населения в суету накопления и потребления, в борьбу за лучший кусок. Люди тратят свою жизнь на эту суету, не замечая или не желая замечать (на авось надеясь), как надвигаются на их комфортабельные страны гигантские волны экологического и демографического кризисов. Но люди ничего этого не хотят замечать, а если и замечают, то не принимают радикальных мер, не думают о создании нового строя.

И пассивность западных людей (развитого капиталистического мира) усиливается из-за краха лагеря государственного социализма и воплей «лагерной» интеллигенции: «Да здравствует «нормальная рыночная экономика!», «Вперед-назад к капитализму, «единственно верному» магистральному пути человечества!»

В 1968 г. на Западе уже была предпринята попытка свернуть с накатанного капиталистического пути на какой-то новый, «третий путь». Тогдашняя революта молодежи, интеллигенции и рабочих так же не была случайной, как и социалистические революции начала века. В обозримом будущем ввиду многих созревающих на Западе обстоятельств попытки свернуть с наезженных рельсов, ведущих в пропасть, могут быть вновь предприняты. И тут много будет зависеть от того, по какому пути пойдет развитие России.

А пока что получается, что в индустриально развитой части мира, которая должна противостоять надвигающимся на мир угрозам, функционируют две апокалипсические системы, негативно влияя друг на друга. На Западе слабеет воля к поискам нового пути из-за попятного развития на социалистическом Востоке, а на этом Востоке — из-за бездеятельности и относительного благополучия Запада.

Вадим БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ
Мюнхен

ЭТА ВЛАСТЬ НАМ ЖИТЬ НЕ ДАСТ

В журнале «Огонек» в статье главы правительства Валентина Павлова содержится любопытное откровение: «Мы берем все рациональное как из программы предыдущего Совета Министров, так и из документов и материалов республик, различных общественных движений, групп и отдельных лиц — А.Сахарова, А.Солженицына, Н.Назарбаева, Г.Явлинского, С.Кургиняна, Т.Корягиной и многих других».

Достоверность утверждения премьера, будто Кабинет министров использует в своих разработках идеи А.Сахарова и А.Солженицына, равна правдивости предыдущих высказываний Павлова о технической невозможности проведения денежной реформы в стране и подрывных намерениях западных банков, задумавших осуществить в СССР экономическую диверсию. Однако имена двух наших выдающихся соотечественников упомянуты совсем не для того, чтобы продемонстрировать широту взглядов премьера и плюрализм мнений в правительстве. А.Сахаров и А.Солженицын поставлены в один ряд с «теневым» советником Павлова — С.Кургиняном, рецепты которого по воздействию на общественное сознание и решению социальных конфликтов могут быть оценены однозначно — обыкновенный фашизм. С равным правом так можно было уравнивать Христа и Антихриста, святого праведника и растлителя младенцев, гения и бездаря.

Именно в пристрастии к «дьявольскому коктейлю», составленному из правды и лжи, добра и зла, приватизации собственности и «закручивания гаек», совпали вкусы финансиста В.Павлова и «математического политолога» С.Кургиняна.

Действительно, антикризисная программа В.Павлова будто бы ориентирована на создание рыноч-

ной экономики и включает в себя меры по разгосударствлению и приватизации собственности, заимствованные из «программы 500 дней». Однако приватизация приватизации рознь. Государственно-партийная номенклатура, выразителем интересов которой выступает В.Павлов, перестроилась основательно: вместо отрицания частной собственности она овладевает ею. Но проблема эта достаточно серьезная и требует отдельного рассмотрения. Замечу только, что рыночная экономика и цивилизованное, устроенное на демократических началах общество — далеко не синонимы.

Вспомним, хозяйственной основой фашистской Германии была не какая-нибудь, а именно рыночная экономика. И в абсолютистской Франции накануне революции 1789 года существовали развитые товарно-денежные отношения. В течение 80 лет после Рождества Христова Рим томился под ужасающей тиранией, преследовавшей все добродетели и все таланты, но рыночные отношения при этом также имели вполне зрелые формы.

Развитые товарно-денежные отношения являются необходимой предпосылкой, но далеко не доста-

Рис. А.Шахгельдяна

точным основанием достойных современных условий жизни. Необходим также соответствующий порядок государственного устройства. Отличительная же черта программы В.Павлова в том, что она ориентирована на сохранение основ командно-административной системы, основ существующего политического режима.

Помните тезис Л.Абалкина: «Мы живем так, как работаем, не лучше и не хуже?»

Ему вторил и М.Горбачев (тогда еще не президент): «... до последнего времени у нас значительно меньше говорили о труде, а больше — о распределении благ. Можно подумать, что перестройка сводится лишь к перераспределению каких-то мифических богатств». («Правда», 10 сентября 1989 г.)

В год, когда это было сказано, сумма «мифических богатств», перераспределяемых из Центра с учетом отчислений в централизованные фонды министерств, составляла 350 млрд.руб., в том числе через общесоюзный бюджет около 290 млрд. руб. А вот выдержка из доклада В.Павлова на «презентации» своей программы в ВС СССР 22 апреля с.г.: «Тема о том, что жить надо по средствам, стара как мир. Но мы до сих пор этот закон не усвоили. Вновь и вновь звучат популистские требования повысить заработную плату, увеличить пенсии и пособия, срочно ввести новые сроки продолжительности отпусков. Сколько это стоит, где эти средства искать, никто не говорит».

Так уж и никто? Говорят, и еще как говорят!

Беда в том, что и президент, и премьер прислушиваются к Кургиняну, а не к Явлинскому; для них более приемлемо введение чрезвычайного положения, чем сокращение затрат на армию и КГБ, им по душе мораторий на демократию, а

не прекращение многомиллиардной помощи социально близким деспотическим режимам Ф.Кастро, Ким Ир Сена и им подобным. Наиболее обобщенной социальной характеристикой общества служит, как известно, степень эксплуатации, количественное выражение которой — доля заработной платы работников в величине создаваемого ими валового дохода.

После повышения розничных цен 2 апреля этот показатель для работников сферы материального производства составит не более 20%. В промышленности эта величина еще меньше. В развитых капиталистических странах эта доля зарплаты в созданном валовом доходе достигает 70—80%, несмотря на отсутствие главной силы, борющейся за интересы рабочего класса.

Еще более очевидной эта ситуация становится при сравнении конкретных производств «у нас» и «у них».

По данным за 1989 год, которыми я располагаю, на АвтоВАЗе доля заработной платы в чистой продукции (аналог валового дохода) составляла менее 10% (сейчас, после повышения розничных цен, — 5—6%), а на заводах «Фольксвагена» — более 80%. При этом производительность труда на АвтоВАЗе составляет 3,6 автомобиля в год на одного работающего, а на «Фольксвагене» — 11,2.

Как видите, производительность труда работников немецкого концерна более чем в 3 раза превышает производительность АвтоВАЗа. И это как раз тот результат сопоставления, который отражает самое главное в общей картине. Производительность труда в советской промышленности примерно в 2,5-3 раза ниже, чем в развитых странах. Но жизненный уровень наших рабочих после повышения розничных цен будет, как минимум, в 20-25 раз ниже, чем у их зарубежных товарищей по классу.

Впрочем, возможно ли вообще сравнивать качественно различные стандарты жизни?

Наиболее адекватной характеристикой жизненного уровня считается время, которое необходимо отработать, чтобы купить ту или иную единицу продукта. Оценка экономической доступности того или иного блага показывает, что советскому человеку приходится для его получения трудиться намного больше. Среднему американцу, чтобы ку-

пить «единицу» мяса, надо работать в 26—30 раз меньше, птицы — в 40—50 раз, молока — в 4 раза, сливочного масла — в 12 раз, яиц — в 17—20 раз, апельсинов и бананов — в 20—25 раз, хлеба — в 10—15 раз, водки — в 20 раз.

К сказанному можно добавить, что по непродовольственным товарам массового спроса указанное превышение приближается к сотне раз, а по бытовой технике — к тысяче. О возможности отоварить деньги и говорить не приходится. Тут, в принципе, невозможны никакие сравнения.

И в то же время в сравнении с предыдущим годом существенно повышены затраты на содержание самой крупной в мире армии, умопомрачительная величина которой имеет лишь одно рациональное объяснение: оправдать существование генеральского корпуса, численность которого превышает количество генералов всех стран НАТО, вместе взятых. Новое мышление, как видим, прекрасно уживается с увеличением военных расходов.

А что же все-таки предусматривает на сей счет «антикризисная» программа В.Павлова? Да ничего не предусматривает. В упомянутом докладе на ВС СССР премьер заявил: «Правительство готово искать дальнейшие резервы сокращения расходов, в том числе военных». Это все, ничего более.

Рекомендации «математического политолога» С.Кургияна, кроме прочего, распространяются и на метод подачи материала. Больше всего поражает в докладе В.Павлова на ВС СССР соседство точного анализа причин клинического состояния экономики и используемых варварских, дикарских методов лечения. Не болезней — ее симптомов. Приведу еще одну выдержку из его доклада: «Главная, глубинная причина заключается в том, что не сумели вовремя разглядеть и понять, что старые, традиционные источники развития и благополучия страны близки к исчерпанию, а их доля, используемая для противостояния всему Западу в военной области, становится все непосильней...»

В то время как все передовые страны еще в середине 60-х годов повернулись к активному ресурсосбережению и сделали ставку на научно-технический прогресс, информатику, мы... наращивали объемы производства за счет вовлечения все новых и новых ресурсов,

проедали то, что дала нам природа, накопили наши деды и отцы...»

Обогащенный идеями математического политолога, премьер смело взялся за оздоровление финансов с помощью конфискационной денежной реформы, захвата банков отрядами ОМОНа и грабительского повышения цен. Павлова устраивает лишь такая модель поведения населения: вкалывай и не возникай. Для достижения всеобщего послушания предлагается ввести мораторий на политические забастовки, митинги, глава правительства намерен привлечь к суду тех, кто «борется якобы за интересы народа».

Ничего нового в этих рецептах нет: большевики практиковали названные меры всегда. И все-таки тактику В.Павлова я до конца уяснить не могу. Как практический политик, он не может не понимать, что люди объявляют забастовки, выходят на площадь, ложатся на рельсы не под влиянием «так называемых демократов», которые «умышленно стремятся разжечь страсти, посеять смуту» (любопытно, что в этом месте своего доклада В.Павлов использует типичную терминологию царской охранки). Народ не может не протестовать просто из-за наличия у него инстинкта самосохранения. Сейчас населению действительно нечего терять, поскольку не менее трети его с введением новых розничных цен поставлено на грань голода и физической смерти.

Я не очень удивлюсь, если узнаю, что нетрадиционно мыслящий тандем Кургияна—Павлова имеет в качестве теоретического задела новую социокультурную модель общества коммунистической перспективы, предполагающую, например, исходя из гуманных соображений, добровольное, безболезненное умерщвление пенсионеров и иных нетрудоспособных граждан страны. Ходят упорные слухи, что эта практика себя хорошо зарекомендовала в Северной Корее. В любом случае лихой премьер и смело мыслящий политолог еще не раз огоршат нас новыми идеями, если не будут вовремя остановлены местными усилиями трудящихся Минска и Воркуты, Москвы и Ленинграда, Кузбасса и Петропавловска-Камчатского, всех регионов нашей истерзанной сторонниками «социалистического выбора» страны.

Владимир КОСЕНКО,
кандидат экономических наук

«БОЛТАЮЩИЕ ГОЛОВЫ?»

— НЕ ДЛЯ НАС

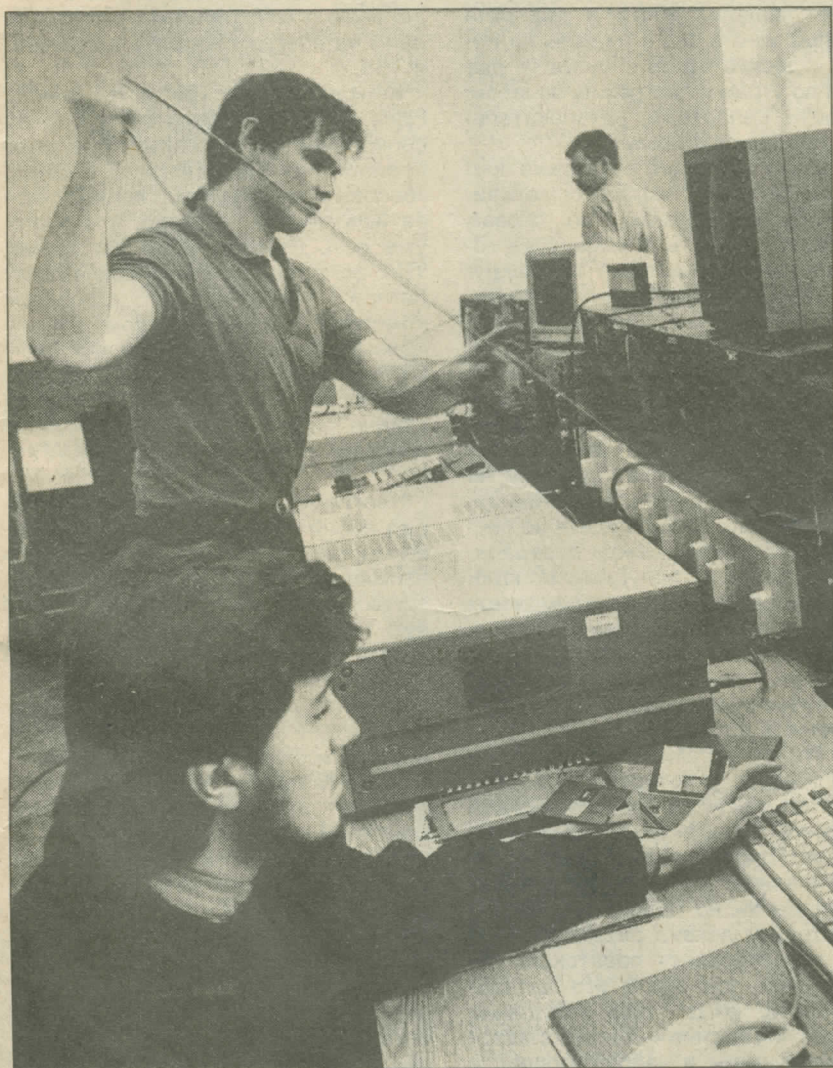

Фото С. Загорского

Сегодня нас уже не удивит изобилием газет и журналов. В радиозфере полно позывных новых радиостанций. Телевидение же — само по себе. Ну были попытки создать хозрасчетные

структуры — творческие объединения, компании, студии — и на ЦТ, и на периферии. Ненадежность, зависимость таких образований от монополиста — Всесоюзной государственной телерадиовещатель-

ной компании тут же стали очевидны. Достаточно было хлопнуть кулаком по столу: «Кто здесь хозяин?!» — и экран стал невыразимо скучен. По-видимому, создание альтернативного телевидения под крышей монополиста практически невозможно. Российская телерадиокомпания пытается доказать обратное. Бог в помощь. А также кое-какой опыт, имеющийся уже, как ни странно, в провинции.

Несколько месяцев назад информация о начале вещания на Камчатке новой телевизионной компании промелькнула на страницах некоторых газет. На отдельно взятом полуострове начала работу первая и пока единственная в стране независимая телестудия. Независимая в полном смысле, поскольку ТВК (Телевидение Камчатки — так называется этот канал) не арендует помещения и не пользуется техникой местного гостелевидения.

Все оборудование закуплено акционерным обществом КамКо — «Камчатские коммуникации», — созданным три года назад в Петропавловске-Камчатском. Участники этого предприятия реализуют идею создания сети средств массовой информации. Есть уже газета «Восточный телеграф», и вот — ТВК. В КамКо вошли крупные местные промышленные предприятия: база Рыболодфлот, Агропромбанк, торговая фирма «Дальсо», СП «Нептун», планово-экономическое управление облисполкома и... управление делами обкома КПСС. О последнем акционере стоит сказать особо, поскольку, как убеждает нас горький опыт, коммунизм и свобода — две вещи несовместные.

Тяга КПСС к бизнесу появилась отнюдь не в перестройку. За несколько десятилетий эта партия стала фактически монополистом в сфере средств массовой информации, причем партийный капитал настолько плотно сросся с государственным, что нетрудно объяснить, почему так мучительно, так медленно происходит процесс демополизации.

Но в камчатском деле бизнесмены от КПСС уже не монополисты и даже не держатели контрольного пакета акций. В дело они вложили часть здания Дома политпросвещения, где разместилась студия. Этот капитал оценивается в полмиллиона рублей и составляет одну четырнадцатую часть от общего уставного капитала ТВК. А это значит, что че-

рез три года, которые даны компании на становление и расширение, обком имеет право претендовать на 1/14 часть прибыли. И не более того. Вот и все.

— Мы практически свободны, — сказал главный редактор компании Владимир Ефимов. — До нас только доходят слухи о том, что на очередном пленуме или конференции обкома КПСС участники высказывали недовольство, сетовали, что не на ту лошадку поставили. Но нас это абсолютно не касается. С обкомом КПСС нас связывают чисто деловые контакты.

Блаженны верующие. Впрочем, говорят, капитал имеет страшную силу. А с идеологии давно уже прибыли никакой.

Сначала ТВК задумывалась как абонентная система телевидения. Посчитали, сделали плано-экономическое обоснование и были приятно удивлены: «контора» начинает окупаться уже на второй год при двадцати тысячах абонентов.

Спешу предупредить, что такое телевидение не следует путать с кабельным вещанием, а вернее, с его советским вариантом, рассчитанным на изголодавшегося по видеозрелищам человека, не способного отличить шедевр от грубой поделки. Кабельные сети у нас — это: собрали с жильцов микрорайона денежки, протянули кабель и — погнались все подряд. Не боюсь ошибиться, сказав, что чаще всего такие «видеосалоны на дому» действуют на полулегальном положении, поскольку прав на прокат видеопродукции, как правило, нет, а это в цивилизованных странах называется видеопиратством и преследуется по закону. Но что с нас взять, с бедных-то? Ну, узнают подадут в Гаагский международный суд, а дальше что? И чего ждать от кабельных телестудий, когда даже ЦТ не гнушается делать рекламу на базе чужих роликов: машина из одного, девочка из другого, небоскреб из третьего — готово!

ТВК в этом смысле честен до наивности — на любой клип, на любой фильм есть документ, со всеми производителями более или менее интересной видеопродукции в стране есть договоренность.

Но от абонентной системы, как бы она ни была выгодна, на ТВК пока отказались: слишком много напастей на несчастного советского труженика — цены повысили, а тут еще и за телевидение плати.

Сегодня основная статья дохода ТВК — реклама, хотя средств этих хватает пока лишь на зарплату шестнадцати сотрудникам канала (сюда входят все — начиная с директора, заканчивая секретарем-машинисткой). Административно-бюрократический аппарат сведен к минимуму. Часто на просьбу пригласить к телефону главного редактора секретарь отвечает, что «он на съемках» или «включите телевизор, он в эфире». Штат ТВК почти в двадцать раз меньше, чем на местном подразделении Гостелерадио, а время вещания почти в два раза больше: шесть раз в неделю по девять—десять часов в сутки — два часа по утрам и программа вечером: новости, репортажи, развлекательные передачи, фильмы.

В штате ТВК всего несколько профессионалов из «бывших» телевизионщиков, сумевших, по словам Ефимова, уцелеть в мясорубке государственной системы ТВ. Вокруг них решили собрать молодых журналистов, которые, конечно, еще мало что умеют, но зато абсолютно раскрепощены внешне и внутренне.

Эфирная минута государственного телевидения стоит каких-то (и немалых, между прочим) денег, пожалуй, только для рекламодателей, но не для тех, кто это телевидение делает. Об этом можно судить по бесконечным паузам между передачами, по длинным, занудным монологам участников всевозможных «круглых столов», «прямых» и «горячих» линий, «резонансов».

На ТВК полностью отказались от постановочных передач, от встреч и длинных дискуссий.

— Это прерогатива государственного канала, у которого есть своя вещательная ниша, свои стереотипы общения с телеаудиторией. «Блуждающие головы» имеют право на существование на государственном телевидении, но только не у нас, — решительно заявил редактор. — В чем «своеобразие» советского телевидения, так это в его назидательности, когда тебе постоянно капают на темечко — то-то является мобилизующим и направляющим, а это — судьбоносным и решающим. Быть «не только агитаторами и пропагандистами, но и организаторами» — это не наша задача. И пусть не покажется вам слишком громким, но образцом и ориентиром для нашей компании является телевидение Теда Тернера: отсутствие комментариев, нетенденциозная подача инфор-

мации, оперативность, высокий культурный уровень программ, отказ от пропаганды порнографии и насилия на экране.

Мы должны оказывать в нужном месте в нужное время и предоставлять информацию на суд телезрителя.

Жители полуострова сейчас имеют возможность принимать несколько программ: первую и вторую общесоюзные «Орбиты», программу местного государственного ТВ, коммерческой студии НЛО (концерты по запискам, поздравления в стихах за отдельную плату, фильмы, правда, далеко не всегда хорошего качества) и ТВК.

Конкуренты ли ТВК и госканал? Едва ли можно говорить о каком-то соперничестве, поскольку два этих предприятия находятся в разных «весовых» категориях. Первому едва исполнилось полгода, у второго уже есть история. В то же время ТВК обладает современной технологией производства: закуплен комплект телеаппаратуры фирм «Джи-ви-си Протешинал» и «Антекс» на сумму около миллиона долларов. На таком оборудовании у нас в стране работают, пожалуй, только программа «Время» и студии АПН.

Неоглобалистских задач ТВК перед собой пока не ставит, хотя, конечно, есть предложения, идеи. Как, например, стать дальневосточной телекомпанией и занять на огромную территорию. Ничего несбыточного и фантастического в такой затее нет, но все-таки это из области светлого будущего, хотя и реального. Сегодня на ТВК думают о возможности стать муниципальным каналом. А почему бы и нет, если взгляды акционеров, работников компании сегодня совпадают с точкой зрения Советов? Сегодня. А что случится, если завтра в Советы придут люди с другими взглядами?

Вполне понятно желание ТВК найти надежную крышу. Слишком нестабильна экономическая и политическая ситуация в стране, и существование в таких условиях независимых структур в любой сфере сопряжено с большими трудностями и риском. Остается надеяться только на то, что со временем таких структур будет больше, что возникнут институты, способные защитить наше право на свободу информации.

Э.МИХАЙЛОВА

Петропавловск-Камчатский —
Москва

Михаил ВЛАДИМИРОВ

ПОТОМУ ЧТО АРМИЯ — ЭТО АРМИЯ

ЗАМЕТКИ С НЕИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ, ИЛИ ПАРТИЗАНЫ 1986 года

Говорят, что наркоман в незнакомом городе часа за два вычисляет себе подобного. Вот и я, вернувшись из Чернобыля, быстро снюхивался с теми, кто служил там...

К октябрю 1986 года, судя по сообщениям органов якобы массовой гласности, казалось, что в Чернобыле все вроде бы нормализуется, и совсем не мыслилось мне то, что и я могу оказаться там. Тем более, что, как нам сообщали, работали в Чернобыле одни добровольцы. Поэтому, однажды за полночь провожая гостей и наткнувшись на ищущего меня незнакомого гражданина, я не только не сорвал, что я такого и в глаза не видел, что я его брат, что я любовник его жены, да вообще человек посторонний, — нет, смело признавшись, что да, вот я и есть, военнообязанный, врач по профессии, получил под расписку повестку с красной диагональной полосой. Но и тогда и мысли о Чернобыле у меня не было. Однако на следующий день Советской Армией стал я, а еще через сутки прибыл в Курск получать обмундирование.

А потом — опять вагоны, набитые так, что спали по очереди, клубы табачного дыма. Наконец — Киев...

Четыре утра. Хлещет дождь. С двух сторон лес, сзади глинистая пустошь. Стоим на широком глацу, слабо освещенном сумрачным синеватым светом, люющим из нескольких прожекторов, установленных на крыше протянувшегося перед нами фанерного барака. Перед строем расхаживает приземистый подполковник и что-то кричит, но шум дождя мешает слушать. Доносятся отдельные слова: «Особая зона; военное положение; правительственное задание».

Еще через час, после нехитрого оформления бумаг, начальник медслужбы бригады майор Х. вводит меня в железный фургон-

медпункт отдельного батальона; я еще не знаю, что этот вагон запомнится мне на долгие годы, а майор Х. станет другом, пока же он будит рыхлого сорокалетнего мужчину, и тот, узнав, что приехала смена, соскакивает с койки и со слезами на глазах обнимает меня.

О чем я все же пишу, о Чернобыле или об армии? Не знаю. И можно ли разделить их?

Я служил в Чернобыле в октябре, ноябре и декабре 1986 года, когда работам по дезактивации и конца видно не было. И добровольцев я все же видел, но не тех, кто приехал в Чернобыль по желанию, а тех солдат, которые соглашались работать при сверхбольших уровнях облучения. В таких добровольцах недостатка не существовало.

Приходит ко мне на прием изможденный воин и просит:

— Только меня в лазарет не кладите, только от работ не освободите, дайте таблеток, и я пойду, мне надо на станцию.

Вот такая выходила петрушка. Конечно, с одной стороны, все просто, люди понимали, что дезактивация необходима, затем сюда и прибыли, но имелась и другая сторона медали. Очень хитрая была придумана штука: так как насильно посылать кого-либо в Чернобыль довольно хлопотно и не очень демократично, то Совет Министров и ЦК КПСС издали постановление, позволяющее — нет-нет, не посылать любого в Чернобыль, но любого военнообязанного мужчину в возрасте до сорока пяти лет призывать на шесть месяцев в армию. А уж солдата и офицера о желании не спрашивают, ему приказывают. Оказавшись же в Чернобыле, солдат или «партизан» — так звали всех нас, запасников, кадровые офицеры — быстро соображал, что за те шесть месяцев,

на которые его призвали, свою предельную дозу облучения он получит обязательно, держать же облученного его здесь долго не будут. А значит, вопрос о возвращении домой сводится к тому лишь, за какой срок получит он свою допустимую дозу, за пятнадцать дней или за сто восемьдесят.

Надо сказать, что если в стране не нашлось гражданской силы, способной взять на себя Чернобыль, то и армия выступила лишь как организационная структура, хорошо известная со времен военного коммунизма и первого советского военного наркома Троцкого, а внутреннее наполнение оказалось все же гражданским. Лишь высшие командные должности занимались исключительно профессиональными военными. Основную же тяжесть битвы с радиацией несли мы — штатские в военной форме — партизаны. Комплектовали части и мобилизовывали нас военные, и, чтоб служилось веселее, комплектацию эту вели они с присущим им специфическим юмором. Прислали, например, на должность начальника медслужбы соседнего батальона акушера-гинеколога. Он тоже окончил когда-то медицинский институт по общей врачебной специальности — «Лечебное дело», но всю свою трудовую жизнь лечил женщин, и не просто женщин, а женщин в положении. Зайдешь к нему, бывало, сидит он скрестив ноги, уперши локоть в колено, а подбородок в ладонь и печально окает:

— Ой, вернусь я когда-нибудь в свою Кострому, в свой Родильный дом, к моим женщинам? И когда же?

Хотя, может, зря я иронизирую, не так просто найти специалиста на все случаи жизни, тем более когда в частях простейшие лекарства были дефицитом, диагностической аппаратуры и вовсе фактически не

имелось, зато, кроме радиации, банальных гражданских болезней, имелись травмы, крысы, вши, вспышки инфекций — и это неудивительно, в редкую неделю не прибывало по несколько команд пополнения, порядком помыкавшегося в дороге по пересыльным лагерям и военкоматам, вокзалам и аэродромам, по обшам вагонам пассажирских поездов и кузовам грузовых автомобилей.

А вообще-то военкоматы присылали иногда таких бойцов, что их приходилось сразу же комиссовать и отправлять домой.

Но не так страшен лишенный здоровья, как лишенный разума. Однажды дозиметристы замеряют в лагере резкое повышение фона, начинают искать и находят в солдатской палатке в тумбочке кусок графита с такой мощностью излучения, что пара суток соседства с ним привела бы к неминуемой смерти. Но не думайте, что владелец графита пытался кончить жизнь самоубийством или имел иной злой умысел, нет — кусок графита был лишь «демпельским» сувениром на память, сюрпризом для детей.

Мой предшественник уезжал домой, нагруженный несколькими мешками с ботинками, шмотками, бельем.

— Что же ты делаешь, куда ты все это тащишь? Отвык уже жить без радиации? Ты же врач, — убеждал я его, но он лишь, кряхтя, стягивал свои туки.

Надо отметить, что если солдаты все были партизанами, то офицерство делилось на две касты.

Сначала меня, офицера-партизана, обыкновенного советского человека, прибывшего в Чернобыль выполнить свой долг, раздражали кадровые офицеры своей, как бы поточнее сказать, опереточностью что ли. Со временем мне многих из них стало просто жалко. Хотя, наверно, где-то существует сегодняшняя стратегическая армия специалистов, та, офицеры которой летают на боевых самолетах, сидят у компьютеров, водят корабли, управляют ракетами и где будь ты хоть внуком маршала, но либо ты умеешь делать фигуры высшего пилотажа, либо не умеешь. Однако половина офицеров служит не в стратегической армии, а в нелепом учреждении, где маршируют, подметают гарнизоны, красят заборы, где боевая подготовка сводится к ри-

сованию таблиц, плакатов, схем и шефской помощи соседнему заводу. И в этой армии вся судьба и жизнь офицера зависит исключительно от того, сколь сильно он нравится своему начальнику.

Примчались однажды вестовые, вызвали нас на совещание. Собрались. Сидим. Ждем. Командира нет. Наконец прибегает, глаза вылупле- ны, весь трясется.

— Я должен сообщить вам известие, у нас сменяется командир сектора. Прибывает такой-то. Кто о нем чего знает?

Предыдущий командующий любил инспектировать тыловые службы. При нем между поездками солдаты не успевали ни выспаться, ни вымыться, ни даже спокойно поесть, ибо в ожидании его очередного приезда перекрашивали по десять раз столовые, драили ночами бани, обкладывали дорожки дерном, вырезанным в загрязненном радиацией лесу. Новый же шеф, как выяснилось, происходил из вооруженцев и больше всего любил смотреть в частях автопарки. В момент совещания половина техники стояла на приколе. Но военные не были бы военными, если бы они не умели выходить из самых сложных ситуаций. На следующий день команды на реактор сократили до возможного минимума. Всех остальных бросили в автопарк: сыпать песок, мести мусор, конечно же, красить, и главное — маскировать сломанную технику под якобы законсервированную на зиму.

Сейчас появилось много глубокомудрых интеллектуалов, которые пишут, что вот русские не умеют работать и никогда не умели, теперь же и тренированность потеряли. Я готов основательно поспорить с подобными типами, но не в этом повествовании, а сейчас хочу подбросить господам скептикам один факт: на реакторе все, почти без исключения, вкалывали. Вроде и зарплата была не сдельная, и нормы не маленькие. Армия. Радиация. Но вдруг в людях появлялось просто упоение, азарт, хотя да, в лагере комбату неделю приходилось орать на меня, чтоб мои бойцы перекра- сили галльон, да и я, честно признаюсь, инициативу не проявлял и, так же как мои солдаты, считал комбата дураком, а он, наверно, нас не умеющими работать разгильдяями, но разве в умении работать тут дело?

У меня лично отличные служили

ребята. Нет, был, правда один — ну и бог с ним. А вот служил у меня сержант, санинструктор, бывший заточник из города Владимира Иванов Валерий Алексеевич. Это был носатый, большеротый, крикливый тридцатипятилетний мужик, он обладал огромнейшим достоинством, уверенностью, его можно было убить, но нельзя унижить. Если требовалось сделать что-либо и вправду серьезное, он говорил:

— Есть, командир, — и стыдно было проверять. И вот он уже набрал положенные ему «рейганы», скоро ему уезжать, я и спрашиваю:

— Валерий Алексеевич, что тебе могу?

А в то время можно было брать из части требования на всяческие дефициты, коими столь обильна стала наша земля, хоть на машину — действовало. Иванов мне отвечает:

— Командир, тут такие есть почетные грамоты, на которых фотография реактора, мне бы такую на память.

Достал я в бригаде такую грамоту, оформил на него, подписал у комбата, приказ какой-то составили и отдали писарям в штаб, печати там поставить и прочую лабуду... Ему уезжать, а грамота пропала. Приходит ко мне расстроенный неописуемо:

— Ну как же так, командир?

Я и сейчас не знаю, Валера, и хотя сам я верю не в награды, а в то, что за все воздастся сторицей, и если не нам, то внукам нашим, но до сих пор мне грустно, когда я вспоминаю, что ты уехал без грамоты...

...Уже день на третий службы ко мне пришел особист — ласковый молодой блондин. Поздоровался за руку:

— Давай будем на ты, зови меня Толей. Я прошу помочь мне, вы же, врачи, все знаете.

Тут он в точку попал, врач в армии единственный человек, к которому все ходят поплакаться, излить душу. Но хотя был этот Толя с виду симпатичным парнем и хотя убеждал он меня, что сейчас не тридцать седьмой год, что все, что я ему скажу, пойдет на пользу родине, но при нем, даже не сознательно, а где-то, наверно, на генетическом уровне смыкало мои уста.

Мой начальник по службе майор Х., тот, который встретил меня ночью, был удивительным офицером, наплечный звездопад словно не су-

ществовал для него, он не суетился, не орал на подчиненных, никого не грозился отдать под трибунал, извести, уничтожить, нет, но все у него отлично делали свое дело. Он не старался казаться всезнайкой, как некоторые проверяющие полковники медицинской службы, безграмотно требовавшие, чтоб грипп лечили сульфадимезином. Нет, он говорил:

— Это надо делать так, а это, ребята, — вы же лечебники, а не я, вы должны знать лучше меня, вот и действуйте.

При своей кажущейся беспечно-сти майор Х. был крайне целеустремленным человеком, он не разбрасывался, он мало говорил, но если что-то решал, то вцеплялся словно бульдог. При угрозе эпидемии гриппа он за два часа развернул сто коек.

Когда по ошибке военкоматы вместо стоматолога прислали в бригаду кардиолога, у нас началась жуткая жизнь. В соединении одновременно служило несколько тысяч человек, и в редкий день у кого не заболел зуб. Не драть же их все подряд, хоть мы и партизаны, но ведь и не на оккупированной территории, не в сорок втором году. А положение такое: пока кто-то из ныне служащих врачей дозу свою не наберет, даже заявку на специалиста в Москву подать нельзя, кругом же земля-то своя — Советская, а военный округ чужой — Киевский. Вздыхал, вздыхал Х., курил сигареты перед бригадным медпунктом:

— Ну все, завтра стоматолог будет, — взял машину, уехал. Вернулся вечером со стоматологом, капитаном.

Но не это все поражало меня в Х., и не то, что кроме службы он еще писал какие-то картины, и не то, что знал три иностранных языка, поражало то, как умел он наслаждаться жизнью и всех окружающих его заражал этой способностью. Откуда в Чернобыле радости? А он выцарапывал их при любой возможности. Помню, пауза у меня в трудах, такая, что ни туда ни сюда — час. Приходит Х.:

— Чего сидишь?

Объясняю: так и так.

— Ну и дурак, пошли в баню.

Раза три Х. где-то доставал водку, это в особой-то зоне! Да простят меня ханжи, но как же прекрасно было после отбоя, запершись в моем фургоне, витийствовать над же-

стяными кружками. Майор Х. научил меня тому, что и на войне можно жить, а не прозябать, и это сильнее всех политпропаганд помогало бороться.

В конце ноября, когда у меня уже начала бунтовать щитовидная железа, правда, я об этом еще сам не знал, просто стал слишком нервным, и слишком часто колотилось сердце, в бригаду прибыл еще один симпатичный майор с гитарой. Потом, как говорилось у нас, он полезет на стенку, получит орден, от облучения облысеет, а пока еще молодой и красивый, стал по вечерам петь песни.

Солдаты все время пели самодельные песни, а мы вот без них жили.

А как заиграл майор на гитаре, вдруг мы, офицеры, тоже запели, но песни все больше известные, про белую акацию, про господ юнкеров, про Боба Кеннеди и про то, как хочется домой в Россию.

В те вечера, когда мы пели, казалось, все плохое уходит от меня прочь, но так только казалось, ибо щитовидка моя вконец расстроилась, — и очень скоро я все же вернулся в Москву, где все уже забыли про Чернобыль или считали его давно прошедшим событием, где везде можно ходить без респиратора, ступать на обочины, забредать в лес!

Я не претендую ни на какие медали, я не выпрашиваю никаких льгот. Высокие награды получают живые победители, а те, кто гибнет в первые дни войны, в том же июне сорок первого, не имеют порой простой человеческой могилы.

Даже материалисты утверждают о материальной природе мысли, тем самым невольно признают, что результат веры миллионов людей должен существовать объективно, а значит, и то, что есть грех, и есть святость. Так ли важно, победили мы формально в Чернобыле или проиграли? Мы не отступили, мы сберегли честь и веру. Это была необычная война, но мы были ее солдатами:

«Простите солдатам последний грех, И, в памяти не храня,
Печальных не ставьте над нами вех...
Какое мне дело до вас до всех,
А вам до меня».

Фото Ю. Рязанова

Приморский край

**НЕ СТАРЕЮТ
ДУШОЙ
ВETERАНЫ
ЯПОНСКИЕ**

К съемкам документального фильма о бывших японских военнопленных приступила на Северных Курилах творческая группа Московской ассоциации американо-советской киноинициативы. Героями ленты станут бывшие солдаты Квантунской армии, которые, выйдя из лагерей на свободу, добровольно остались жить на Дальнем Востоке и в Сибири. Интересно будет узнать, что они думают о «наших» и Курилах?

«Сибирская газета»

Карелия

**ХВАТИТ ЛИ
ВЛАСТИ
НА ВСЕХ?**

На недавней сессии Верховного Совета Карельской ССР Совет Министров республики выступил с неожиданным заявлением:

«Эффективность деятельности Совета Министров снижается из-за того, что Верховный Совет республики и его Президиум регулярно принимают хозяйственные и другие решения, не свойственные законодательной власти. «Далее говорилось о том, что депутаты мешают «плановому осуществлению» и «созданию особого экономического механизма», «функционалированию» и «стабилизации».

В заключение Кабинет министров пригрозил уйти в отставку в полном составе, если Верховный Совет «будет продолжать политику подмены исполнительной власти».

Ольга СИДЛОВСКАЯ

Красноярск
**В «ПСИХУШКЕ»
НЕСПОКОЙНО**

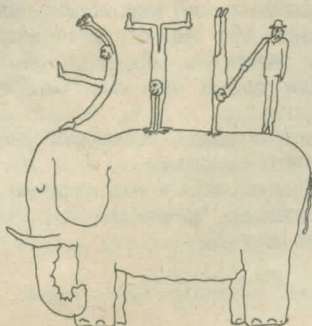
Комиссия народных депутатов крайсовета, занимавшаяся проверкой городской психоневрологической больницы и краевого психоневрологического диспансера, подвела предварительные итоги. Установлены факты необоснованной госпитализации людей, которые нуждались в помощи каких-либо врачей, но не психиатров. Многим это стоило жизни. Однако точное число назвать невозможно — клинико-патологические конференции не проводились здесь с 1987 года.

Лишь в течение прошлого года в «гнезде кукушки» умерло 37 человек. Вскрытия провели только в 12 случаях.

Зафиксировано два случая нанесения сильным телесным повреждениям (один случай — со смертельным исходом). Документы по этим «делам» переданы в прокуратуру.

Факты, что ни говори, страшные. И тем не менее деятельность комиссии приостановил своим решением председатель крайсовета Всеволод Севастьянов. Причина — письмо работников психиатрической больницы. «Люди в белых халатах» жалуются, что депутаты отрывают врачей от выполнения их архиважной миссии милосердия.

«Свой Голос»

Москва

ОХ УЖ ЭТИ «ЭТИ»!

О необычной акции тринадцати молодых людей, выложивших собственными телами неприличное трехбуквенное слово прямо напротив мавзолея Ленина, уже сообщала московская пресса. Кто эти тринадцать? откуда взялись?

Как удалось выяснить корреспонденту «Столицы», вышеназванные отроки состоят в молодежном движении «ЭТИ» (Экспроприация Территории Искусств). Движение это совсем юное, представлено небольшим числом творчески одаренных и не очень одаренных юношей и девушек. На счету движения серия скандальных акций, проведенных в течение года: съемки сюжета фильма под названием «Цена — 2.20» на Красной площади (ох, и любят они это место!), презентация советско-французского проекта «Новая волна: что было у них и что будет у нас», серия статей в прессе и сюжет ТСН. Зимой «ЭТИ» выезжали на Балтику, купались там в ледяном море и через мегафон призывали мерзнущих граждан «отрешиться от гнета тоталитаризма».

Замышлялась акция на Советской площади, напротив Моссовета. Представляет: стоит живой слон, на боку у него написано: «Это сон», а рядом некий гражданин объедается черной икрой. Икра настоящая — целое ведро. А потом человека начинает рвать — оттого что объелся икрой. Сон, да и только!

То ли денег на ведро деликатеса не хватило, то ли со слонем вышла заминка, но «ЭТИ» ограничились нецензурной композицией возле Кремля.

Вот такие «ЭТИ». Ни на кого не похожие. Другие партии и движения то голодовки устраивают, то под танки ложатся, то кандидатов в президенты выдвигают, кладут последние силы в борьбе за светлое завтра. А «ЭТИ»? «ЭТИ» утверждают, что тоже кладут силы в борьбе — за всеобщую деидеологизацию посредством эпатажа и внедрения контркультуры в обыденную жизнь. А может, просто дурака валяют? Только теперь это дорого стоит. От двух до пяти лет. Что грозит «ЭТИМ» за акцию на Красной площади вполне реально.

Александр КУДЯКОВ

Воронеж

ПРИНЦИПАЛЬНОСТЬ НЕНАКАЗУЕМА... И ДАЖЕ ПООЩРЯЕМА!

Газета городского Совета народных депутатов «Воронежский курьер» совсем распоясалась: не спросясь горкома партии, опубликовала ряд карикатур и статей, касающихся образа Владимира Ильича Ленина. Не того образа, к которому мы привыкли за семьдесят лет, а, мягко говоря, несколько более приземленного и жалкого.

«Руки прочь от Ильича!» — одним из первых на амбразуру бросился первый секретарь Воронежского горкома КПСС В.А.Лебедев. Доказательно и убедительно, от чистого сердца написал свою статью Валерий Александрович: о ленинской чистоте и принципиальности, о партийном бескорыстии и стремлении всегда быть с народом. Словом, коммунист-ленинец — всегда и во всем пример для прочих граждан!

А «Воронежский курьер» в ответ на статью «первого» возьми да и расскажи о том, что в горкоме до сих пор функционирует спецстоловая лично для первого секретаря и его заместителей, возьми да и перечисли, какие продукты можно приобрести в закрытом для рядовых коммунистов спецбуфете. Авторитет газеты взлетел до небес, «рейтинг» первого секретаря соответственно упал...

Говорят, когда Валерия Александровича спросили: неужели, мол, трудно было отказаться от этого злополучного спецзала для приема пищи? — он со всей партийной прямотой ответил: «Мы действовали так, как обком партии. Там подобные залы не ликвидированы».

Наверное, именно за стойкость и принципиальность, верность идеалам и установкам вышестоящих органов Лебедев был недавно поощрен — его избрали секретарем Воронежского обкома КПСС. Так что обедает он теперь в спецстоловке рангом повыше.

Григорий СУРКОВ

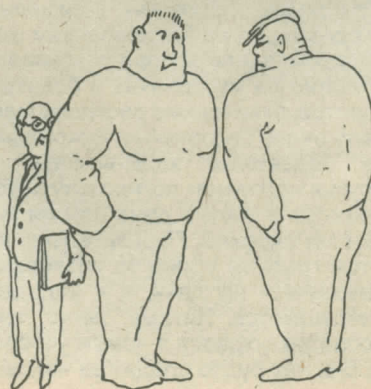
Рис. В.Пасичника

Киев НА РАБОТУ — ТОЛЬКО ПО БЛАТУ!

Похоже, что наконец-то наши и не наши деловые люди в столице Украины смогут спать спокойно. «Заботу» о рэкетирах, шантажистах и т.д. возьмет на себя первое в республике хозрасчетное бюро информации и безопасности предпринимателей, созданное при центре «Содружество» Украинского фонда мира. Бюро собирается всерьез заняться подготовкой классных телохранителей и сотрудников частных сыскных бюро, охраной офисов зарубежных фирм, сопровождением ценных грузов, созданием банка данных. Бюро намерено также оказывать помощь в розыске пропавших без вести людей, помогать военнослужащим-инвалидам с трудоустройством, вести работу с трудновоспитуемыми детьми.

Кто будет работать в бюро? Предпочтение, конечно же, будет отдано профессионалам. Здесь, правда, есть одно «но»: подбор кад-

ров будет осуществляться исключительно «по блату», то есть по личным рекомендациям. Критерии подбора — личная порядочность как рекомендуемого, так и рекомендующего. Как уж эта черта характера будет определяться между «своими людьми» — неизвестно. Руководитель бюро, а в прошлом начальник отдела по борьбе с организованной преступностью УКГБ по Киеву и Киевской области Георгий Онищенко уточняет: «Главное для нас — честное имя, трезвый ум, здоровая психика... И никакой политики!» Как будут платить за обладание столь ценными качествами — профессиональный секрет. Во всяком случае, не меньше, чем в милиции и КГБ.

Виктор ОЛЕНЧУК

Омск

«У ДЯДИ КОЛИ» НЫНЧЕ «ГАДЮЧНИК»

Недавно в Омске случилось непоправимое: закрылось одно из более-менее приличных заведений города, кооперативное кафе «У дяди Коли». Местные власти разместили в его помещении более демократичное кафе-мороженое. Но поскольку места «У дяди Коли» было с избытком, решили использовать его наиболее рационально: в одном конце — мороженое, в другом — пивнушка.

Теперь непьющим омичам, чтобы почувствовать идиллию и сходить молодой семьей в такое невинное место, как кафе-мороженое, надо сначала миновать по пивным лужам прокуренный матерящийся «бар», волоча за собой испуганных и упирающихся детей. Не все на такое решаются. В результате в детском кафе на редкость безлюдно — даже по выходным. И поговаривают о том, что его по причине нерентабельности могут закрыть.

Эльза КЕПОЛАС

Осколки собирали
Елена АВЕРИНА
и Кирилл РЫБАК
Наш телефон: 928-70-79

НАКОСЯ ВЫКУСИ

Маленькая трагедия

Звон разбитого стекла возвестил, что в квартире появился посторонний. Грохот падающих банок, аэрозолей и других предметов хозяйственного назначения подсказал, где искать пришельца. Открыли дверцу в туалете, ведущую к коммуникациям...

Из стенового шкафа вылезла толстая, омерзительная крыса.

Если я скажу, что на каждого москвича, от грудного младенца до заслуженного ветерана партии, приходится одна, лично его, крыса, я не скажу ничего, рискуя тем не менее посеять такую панику среди слабонервных, по сравнению с которой демократические митинги покажутся цветочками.

Спокойствие, только спокойствие. Не звоните по санэпидемстанциям, они крысами вообще не занимаются. Только людьми (после удачного укуса). Для слабонервных, но некушанных — скорая психиатрическая помощь. И не надо линчевать главного врача дезинфекционной станции, он не виноват. Хотя он-то знает про крыс все. Он не знает про людей: откуда у них столько денег, что даже после 2 апреля они продолжают выбрасывать из окон свежие деликатесы?

Не паникуйте, пожалуйста. В Италии на каждого жителя приходится по две с хвостиком крысы. Итальянских! Хотя там и с деликатесами, понятно, попроще.

Правда, венгры утверждают, что в Будапеште крыс нет вообще. Но они врут.

Потому что крыса — такой же полноправный представитель городской фауны, как голубь, бродячая собака или муха. Известно, что крысы бегут только с тонущего ко-

рабля. Следовательно, их изобилие на улицах Москвы зримо свидетельствует, что у нас все — офкей.

У нас их всегда меньше единицы. Единица — это такой хитрый показатель, который рассчитывают, расставляя капканчики через каждые 10 метров на 10 дней. Так велел таинственный 60-й приказ Минздрава. Так вот, если на офлажкованной подобным образом территории в тысячу квадратных метров попадет одна целая крыса, то 60-й приказ гарантирует большой бэмс.

А так как наши крысы все норовят попасться по 0,38 да по 0,42, то все заинтересованные лица спят спокойно. Кому не мешают, разумеется, крысы.

Кстати, означенные грызуны разносят с десятков жутких болезней, в списке которых лидирует чума. Правда, названия этих болезней столь экзотичны, что узнать о них можно разве из медицинского справочника, и чумы в городе вроде бы нет. Но если... тьфу, тьфу, тьфу. А крысиные блохи, между прочим, кусаются, и весьма чувствительно.

Главный московский крысиный питомник — Кировский район с его гигантскими свалками пищевых отходов и целым Алтуфьевским шоссе, дома вдоль которого возведены прямо на мусорниках и болотах. В центре, охваченном реставрацией, стало очень спокойно. Вскрываются подземные ходы-выходы, и «друзья человека» потихоньку перебираются в жилые дома или мигрируют на окраины. Поразительно, но летом грызуны вслед за хозяевами «выезжают» на дачи, а к холодам возвращаются. Хитрые, легко приспособливающиеся к новым условиям, они как будто следят за челове-

ком своими маленькими глазками, считая все его промахи в безнадежной войне за чистоту города.

Крысы травят ядами, ловят капканчиками и живоловками. Причем цифры впечатляют, и кажется, что победа близка. Если в 80-м году соответствующим службам удалось извести 8,5 тысяч особей обоего пола, то к 90-му результаты отлова составили уже 20,7 тысячи. Непонятно, правда, то ли крыс в городе здорово прибавилось (или, наоборот, убавилось, ведь так много поймали), то ли дезслужбы стали работать значительно лучше. Тогда почему хвостатые представители городской фауны, не стесняясь, разгуливают возле наших ног? Будто смеются над нами.

— Но монстров нет, — горячо заверили меня специалисты. — И мутантов о семи головах тоже. Как были — два глаза, четыре лапы, 17—20 сантиметров без хвоста — так и бегают.

...На следующий день в дверь позвонили.

— Где крыса? — грозно спросила одна из трех злоющих теток.

— Ах, убили!!!

А раз убили, то нечего и шум поднимать, и нормальная крыса в квартиру не пойдет, и, значит, сами во всем виноваты.

— Мань, насыпь им там, — закончила длинную тираду главная тетка и, сверкнув напоследок глазами, ошарашила:

— А может, это была не крыса? — А кто? — прошептала хозяйка квартиры.

Елена САЛИНА

Евгений ШКЛОВСКИЙ

ОПЯТЬ ЛИШНИЕ

Последние пять «перестроечных» лет реанимировали проблему поколений. Это естественно: на перекатах истории обостряющееся общественное самосознание ищет более пластичные, более живые категории, природные или историсофские, именно им отдавая предпочтение перед категориями отвлеченно-идеологическими. На волне новой оттепели сразу всплыло понятие «шестидесятники». Вошедшие в пенсионный возраст «дети XX съезда» восприняли перестройку как свое время, как свой последний шанс реализоваться в истории, которая уже однажды прошла мимо. Они уловили связь между старой «оттепелью» и новой, старыми идеалами и новыми и, наживая себе инфаркты, бросились в бой — в публицистике, на депутатском и иных поприщах.

Они, уже однажды пережившие крушение надежд и горечь поражения, снова поверили. Они ощутили в себе даже нечто мессианское.

Три года назад на страницах журнала «Юность» было напечатано письмо молодой питерской писательницы Ольги Хрусталевой «шестидесятнику» Леониду Жуховицкому. Озаглавлено оно было весьма красноречиво: «Леониду Жуховицкому, который есть, от Поколения, которого нет».

От имени тех, кто родился в 50-е и формировался в 70-е, О. Хрусталева скептически рассуждает о социальном энтузиазме, социальном самозабвении, заряженности на социальное проявление шестидесятников, в своем горении не замечающих ничего и никого вокруг.

Она говорит «от имени тех, для кого внутренняя жизнь была и есть единственной точкой отсчета», кого именуют «пропущенное» и «молчащее» поколение, «дети тишины» и т.д., или, как определяет сама О. Хрусталева, «граждане ночи», обратившие свои взгляды «от солнечной социальности (!) 60-х вглубь, внутрь потемок собственной души». Иначе говоря, О.Хрусталева «со товарищи» отрицает сиюминутную социальность — во имя напряженной и сосредоточенной жизни души.

Даже теперь, когда новая оттепель шагнула гораздо дальше по сравнению с достославными шестидесятыми, поколение «тридцатилетних» не верит. Не верит в перемены, в возможность социального переустройства.

Им — все равно, поскольку они живут не в социуме, а в культуре, универсальной по сути. Они предпочитают иметь дело с универсальными, вечными ценностями, если и играть, то в другие, более интеллигентные, на их взгляд, игры, а на долю крикливой социальности оставляют иронию.

Да, они по-прежнему выбирают отказ. Неучастие.

Понятно, что О. Хрусталева — хотя и писала «от лица» — не ответчица за все поколение, которое и внутри себя тоже разное и разных взглядов придерживается. Но важность высказанного ею в письме-манифесте от этого отнюдь не умаляется. И не только о поколении

Фото А. Утробина «тридцатилетних» в нем речь — вот что существенно. В нем говорится — о молодежи, немалая часть которой, вероятно, могла бы подписаться под этим письмом.

В «молодых» у нас сегодня ходят до седых волос, уж до сорока лет точно, если не дольше. Да и не в этом суть. Суть — в отношении молодых к происхо-

дяде в стране; суть — в отношении к молодым; суть, наконец, в расстановке общественных сил, где у молодежи тоже, вероятно, есть свое место, ответственное и реальное.

В чем же дело? Разве не о будущем этой самой молодежи сегодня идет речь, не о ее завтрашнем дне? В конце концов, разве от нее самой не зависит этот завтрашний день?

Разумеется, зависит.

Но ведь и раньше провозглашалось то же самое: молодежи принадлежит будущее и от нее же зависит. Хотя ничего не принадлежало и ничего не зависело. Ни своего дела, ни частной инициативы, ни самостоятельных решений, ни даже мировоззрения... Все — под жестким, снисходительно-подозрительным контролем старших по возрасту — а значит, и по званию. По выслуге.

И так ли уж много поменялось в этой системе с начала перестройки? Изменился ли сам патерналистский тип общества? Конечно же, нет. Этого и не могло произойти за столь краткие сроки, тем более что патернализм — понятие не только социологическое, но и психологическое. А психология куда более инертна, нежели что-либо иное. Так что совсем не случайно пошла широко гулять фраза про «революцию пенсионеров» — о перестройке. Или другая — что «в бой идут одни старики»...

Чрезвычайно красноречивым оказался мне эпизод, упомянутый академиком С.Шаталиным в его открытом письме М.Горбачеву. С огромным уважением говорит Шаталин о «юнцах», которые вместе с ним в минимальные сроки подготовили программу «500 дней» и проекты необходимых для ее осуществления законов, получившие высокую оценку зарубежных экспертов. И Михаил Сергеевич дивится: надо же, такие молодые!

Воистину: если бы молодость знала, если бы старость могла...

Очень точную мысль высказал на сей счет Андрей Битов: «Сепаратизм нужен был власти, сепаратизм поддерживается и сейчас — может быть, сепаратизм поколений является одной из пружин, на которой все держится».

Иногда, право, мне кажется, что в нашем государстве просто нет молодежи. Не знаю, где она. Но ее нет. А если есть, то существует не сама по себе, не как живая, деятельная часть общества, не как мощнейший энергетический источник движения и развития его, не как его будущее, а как некий загадочный социальный феномен.

Иногда мне кажется, что молодым в нашем государстве быть стыдно. Не то что невыгодно, неудобно, нелегко и во-

обще непонятно как — а именно с тыд н о. Ни авторитета, ни социального статуса.

И, пожалуй, неудивительно, что шестидесятники оказались более молодыми по духу, нежели сами молодые, неожиданно проявившие то ли скептическую мудрость, то ли мудрую осторожность. А скорее всего — просто в который раз ощутившие себя лишними.

В том-то и дело, что идея отказа вовсе не абсолютна ни для «тридцатилетних», ни для прочих. Даже в письме Ольги Хрустальной, письмо-жесте, ощутимого р е ч ь непонимания и отторженности. Еще более отчетлива эта горечь, нет — б о л ь, в письме Сергея Таска, опубликованном в журнале «Век XX и мир» (1990, N 5).

«Я верую, — пишет он, — в то, что и в моем поколении, наглотавшемся цитат, есть иноки, поклоняющиеся одному Богу — Правде. Но хотят ли нас услышать? Подхватил ли долгожданный ветер перемен наши голоса?»

Сергей Таск склонен ответить на этот вопрос отрицательно, хотя и надеется, что его поколение когда-нибудь еще скажет свое слово. Не о соперничестве думает он, о сотрудничестве. Не о первенстве и не о лаврах — о взаимодействии и взаимопонимании. О признании права на участие в жизни на своих, а не чьих-то правах.

Можно бы возразить С.Таску: дескать, есть среди молодых личности, не считающие себя посторонними и чье участие в общественной жизни не только заметно, но и имеет конкретные результаты. Есть люди, которые не ждут официального приглашения, а действуют по принципу: права не дают — их берут. За именами, кажется, далеко ходить не надо — они у многих на слуху: С.Станкевич, Г.Явлинский, И.Заславский, Е.Кожокин...

Разве это — не молодые?

Но вот тут-то невольно хочется спросить: а воспринимаем ли мы их как действительно молодых? Почему не покидает ощущение некоторой неуместности, даже чужеродности их в полупатриархальном синклите?

Хорошо, если здесь действует только инерция восприятия, порожденная долгими годами старчества у власти, негласным возрастным цензом, предопределявшим границу, за которую более или менее мыслящему человеку невозможно было переступить. Не скоро, но и она, эта инерция, может быть преодолена. Пока же нередко, к сожалению, приходится наблюдать характерную и печально-забавную метаморфозу: подобно тому, как иной товарищ, получив повышение, тут же наливается чиновной

спесью, так и молодой «перестройщик» почти фантастическим образом вдруг утрачивает свою молодость — словно новый социальный статус автоматически лишает его естественного, природного возраста.

Кто знает, в чем тут дело? То ли бремя ответственности так быстро изменяет человека, вторгаясь даже в его природу; то ли регалии обладают столь магической силой, что лишняя звездочка на погонах способна неизменно исказить личность; то ли здесь действует закон мимикрии, когда от молодости подсознательно тянет поскорее избавиться — хотя бы внешне...

Между тем эту тягу очень можно понять: ведь именно молодым у нас всегда приходится преодолевать неясную, но постоянно ощутимую подозрительность: раз молодой — значит, непременно честолюбец-карьерист, рвущийся к власти, выскочка, «железная челюсть» и т.п.

Но, что существенно, не только со стороны умудренных и убежденных, ревниво оглядывающихся на подпирающих с тылу встречаю эти белые вороны подобно недоверие, но и со стороны своих сверстников: зачем им это нужно? И меньше всего, увы, воспринимающих их голос — как свой, их общественное лицо — как отражение своих интересов и убеждений...

Ни там, получается, ни здесь. От одного берега отплыли — к другому не пристали. Выходит, все же маргиналы? Незавидная участь!

... В том же номере «Юности», где появилось письмо Ольги Хрустальной, кстати, было опубликовано интервью с замечательным нашим философом, недавно ушедшим из жизни, — «шестидесятником» Мерабом Мамардашвили, где он говорил, в частности:

«Ну представьте современный мир и себя в нем. Вы хотите жить в нем молодым. Чувствовать себя живым, то есть уникальным, незаменимым, нелишним — это неотъемлемая потребность человека. Живым в том, что делаешь, в том, что говоришь, думаешь, как поступаешь. Молодому человеку эта потребность более всего свойственна. А тут, когда он открывает глаза в пафосе этой потребности, вдруг осознает себя в лесу из стоячих мертвецов, который как раз это шевеление живого исключает...»

Сказано жестко, даже предельно, и, что существенно, немолдовым человеком сказано, без всякого ложного максимализма. Для лучшей ясности картины.

Для истины, если угодно. Потому что общество, где молодежь — лишняя, увы, не имеет будущего.

И поэтому наше будущее пока еще очень и очень туманно.

Владимир КОВШОВ

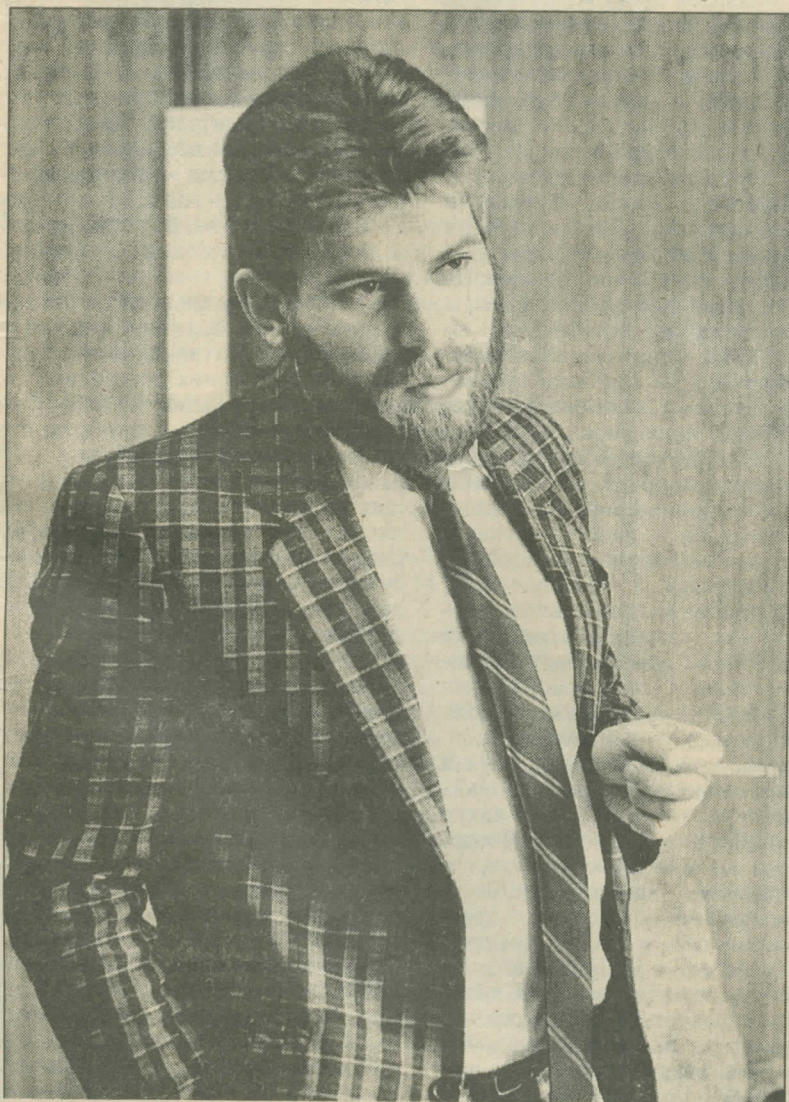
ОБРАЗОВАНИЕ БЕСПЛАТНОЕ.**КТО ПЛАТИТ?****Директор государственной школы в поисках средств на образование.**

Фото В. Шишова

Реформу образования первой постигла участь всех наших реформ. Ею занялись, чтобы спасти систему. К ней обращались в предвыборные дни и в политические будни представители старой и новых партий. Она была материалом для политики, о котором при случае вспоминали и так же легко забывали. По мере углубления кризиса забывали все чаще и прочнее, потому что вещей самой первой необходимости, без которых гибель грозит не в будущем, а уже сейчас, становилось все больше.

Я — практик, занимаюсь народным образованием профессионально, забывать о нем или вспоминать в зависимости от политических или экономических проблем не могу. Околореформенных слов постарайтесь избегать — буду говорить о реальных целях и средствах.

Известно уже, что реформа должна касаться прежде всего содержания обучения, его гуманизации. В постепенном, но кардинальном изменении нуждается прежде всего преподавание языка, литературы, истории, философии в школе. Эти преобразования не могут совершиться революционным путем. Две сферы человеческой жизни должны оставаться консервативными — семья и школа, потому что именно здесь революции приводят к самым пагубным последствиям.

Три условия необходимо выполнить сегодня, чтобы школа выжила (а выжить она может, только реформируясь). Творческий и разносторонне одаренный коллектив учителей, приличные учебники и учебные пособия, более или менее приспособленное для учебы здание. Это минимум. Без этого, к сожалению, обойтись нельзя.

Самое трудное — учителя. Очень мало профессионалов везде. Еще меньше их в учительской среде. Вся система образования была ориентирована на то, чтобы знающий, свободный человек, личность — изгонялась. И новое поколение учительства тут не исключение.

У нас предметы ведут более или менее профессиональные учителя, работники издательства, сотрудники НИИ (преимущественно, правда, по совместительству). Предметы свои они преподают по-иному. И предметы эти могут быть иными. Вместо свода коснейших догм «Обществоведения» в 11-м классе вполне профессионально преподается курс

«Истории цивилизаций», а молодые люди выпускают газету «Классная мысль», некоторые из них способны сами прочесть на аспирантском уровне двухчасовую лекцию, и в прошлом году половина выпускного класса поступила в Историко-архивный институт.

Учебники. Что нового об их качестве можно сказать? «Рассказы по истории СССР» — книгу для учащихся пятого класса, например, — читать просто нельзя — это загубление детей. У нас каждый ученик пятого класса в качестве альтернативного получает учебник для русской гимназии по истории России с IX по XVII век «Родная старина». Три книги на три года. Книги для домашнего чтения по истории. В качестве альтернативного учебника десятиклассникам выдается книга наших историков-эмигрантов. — Геллера и Некрича о Советской России с 17-го по 85-й год «Утопия у власти».

Ну и состояние школьного здания. Это не смешно, когда я облегченно вздыхаю, вспоминая, что за прошлый год мне удалось привести в порядок канализацию, что не было сбоев с теплом, что удалось подготовить новые кабинеты, например, информатики.

Все это замечательно — а платить? Кто за все это должен платить? За идею интересные люди и толковые специалисты придут к одному-единственному директору и докажут при этом, каким замечательным может быть бесплатное образование, при том, что его в стране вообще нет, потому что то, что творится в остальных школах, к образованию отношения не имеет. А книги, за которые даже в ксерокопиях надо платить вполне прилично? А ремонт здания, который, если его делать за госсчет и по госрасценкам, начинается и кончается обмахиванием пыли с батарей?

При этом я убежден, что система гособразования необходима, что она должна быть отличной по уровню знаний и возможностей для развития и при этом абсолютно бесплатной. В случае укрепления системы частного, то есть платного, образования и сохранения гособразования на том уровне, на котором оно в данный момент находится, средние слои интеллигенции — учителя, врачи, инженерно-технические работники, те, кто составляет основательно подорванный культурный генофонд общества, окажутся безо

всяких перспектив продолжить и закрепить линию духовности и интеллекта в своих детях. Частные лица дороги и будут только дорожать. В спецшколах, если они сохранятся, дети интеллигенции по-прежнему из-за территориальных и протекционистских препонов попасть смогут далеко не всегда. В обычных же, рядовых общеобразовательных школах они гибнут, теряют свой духовный потенциал из-за некомпетентности учителей, удручающе скудного круга общения. Так культурный генофонд общества может быть загублен окончательно.

Система гособразования должна быть бесплатной для учеников и платной для государства. Но деньги у него появятся лишь когда-нибудь после двухтысячного года. Кое-что в школе, конечно, можно выкроить из госбюджета благодаря относительной (хотя и далеко не полной) финансовой свободе. Но это крохи. Их хватит разве на мизерные надбавки хорошим специалистам. И все. Остальное школа вынуждена зарабатывать сама. Ей не уйти от коммерции. И не машите рукой.

Только на сдаче в аренду помещений школы во внеурочное время в прошлом году мы заработали и на ремонт, и на оформление кабинетов, отчасти и на надбавки специалистам. Занялись издательской деятельностью, пока, правда, весьма скромно. Заключили договор с коммерческим предприятием «Активитас». Хотя о равном партнерстве тут говорить рано — деньги «Активитас» в нас вкладывает скорее из благотворительных целей, чему, кстати, правительство Павлова противится как может, стремясь как можно больше денег забрать в госбюджет якобы для социальных программ. О том, что может школа из госбюджета, — смотри выше.

Вот так примерно современная школа в современных же условиях может заработать кое-какие средства. Только этого мало. Поэтому когда ко мне обратился директор частного лицея Христианско-демократического союза с предложением сдать в аренду помещения для лицея, я решил на большее. На организацию частного лицея на базе государственной школы.

Разумеется, подобный чудовищный гибрид двух форм собственности возможен только у нас в Союзе. Частная и государственная системы образования должны существовать

независимо друг от друга и не слишком отличаться по качеству образования, чтобы социальное положение родителей не сказывалось на будущем детей. Но пока у государства нет никакой возможности платить за гособразование, мы должны использовать любые возможности обеспечивать его своими силами.

Частный лицей ХДС за год готов выстроить нам помещение под начальную школу (на что государство просто не способно), которое станет нашей собственностью, готов с первого класса предоставить для наших обычных, «государственных» школьников своих учителей — а это, возможно, преподаватели лучших учебных заведений западных стран. После восьмого класса для учеников школы предоставляется бесплатно 25 процентов мест в лицее. Для «своих» каждое место обойдется в две с половиной тысячи в год из кармана родителей. Треть бесплатных мест для госшколы в платном частном лицее — это некий социальный компромисс, он позволяет не оставить за бортом способных детей из низкообеспеченных семей.

Конечно, под крышей госшколы — частный лицей, да еще политической партии... Но лицей заинтересован в аренде наших помещений и в нашем опыте организации учебного процесса. Мы — в его средствах и возможностях. По договору — образование организуется на паритетных началах на основе гуманитарных ценностей, человеколюбия, отрицания классовой нетерпимости. В сущности, это и есть реализация целей гуманитарной реформы образования. Разве нет?

Что-то попритухли в последнее время речи сторонников реставрации режима и так называемой «социальной защищенности человека труда» о том, каково придется нашим детям при разгуле частной собственности и капитала. Нет сомнений, что об этом скоро вспомнят. Неплохо бы, правда, вспомнить при этом, что сильной системы гособразования в нашей стране не было никогда. Что существующая система при существующем и единственно возможном нищем гособеспечении ведет к культурному краху общества. И что, может быть, действительно хватит говорить и надо дать возможность работать тем, кто на это способен.

МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «НОВАЯ РУСЬ» предлагает за рубли: вычислительную технику, оргтехнику, бытовую технику. Заводское оборудование — линии по производству кирпича.

Звоните нам по телефону: 248-47-46 (Москва).

СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКОЕ СП «МИЛО» осуществляет комплекс услуг по организации производства полимерной обуви и других изделий с использованием композиций ПВХ, ТЭП, ППУ. Разработку моделей, постановку продукции на производство с поставкой оборудования, комплектующих. Ремонт литьевых агрегатов, пресс-формовой оснастки, абонементное обслуживание оборудования. Оплата комбинированная.

107564, Москва, Миллионная ул., 13, корп.1, «Центросервис», телефон: 168-24-42.

СОВЕТСКО-БРИТАНСКОЕ СП «ВЕСТМОС». Вниманию предприятий, имеющих СКВ! Дешевле, чем где-либо, вы можете приобрести у нас разнообразные импортные товары (одежду, обувь, трикотаж). Ждем ваших предложений.

117465, Москва, а/я 20, телефон: 208-31-58.

ОРГАНИЗАЦИЯ предлагает предприятиям и организациям вычислительную технику, ксероксы, аппараты факсимильной связи, а также периферийные устройства к средствам вычислительной техники (лазерные принтеры, плоттеры, сканнеры, триммеры и др.). Оплата в рублях.

Обращаться по телефону: 415-77-25 (Москва) в отдел вычислительной техники с 14 до 18 часов.

НТЦ «ИНФОТЕХ» предлагает для языковых курсов и самообучения ноу-хау по изучению английского языка по интенсивной методике Шехтера. Программа для IBM-компьютеров с графикой, 22 урока, 100 ситуаций, синтезирует американское произношение.

Телефон: 208-68-22, 103051, Москва, Б.Сухаревский, 17.

САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ (до 50% их стоимости) на новые товары из США, Азии и Китая.

Телефоны для справок в Риге (0132): 40-69-08, 40-69-98.

ПРЕДЛАГАЕМ ЗАРУБЕЖНОЕ ВИДЕОЗНАКОМСТВО, ТРУДОУСТРОЙСТВО, РЕКЛАМУ, внедрение изобретений, публикацию рукописей, организацию выставок-продаж произведений искусств, обмен, куплю-продажу, аренду, сдачу, увеличение, уменьшение жилплощади в любом городе.

103031, Москва, а/я 814, телефоны: 292-70-00, 203-89-31.

НПО «АЛЬТЕРНАТИВА» поставяет оргтехнику и периферию, настольные издательские комплексы зарубежных фирм, организует наладку и гарантийное обслуживание, обучение персонала. Оплата в рублях.

129010, Москва, ул.Гиляровского, 51, телефоны:

971-62-36, 151-03-33.

ВНИМАНИЮ ОРГАНИЗАТОРОВ конференций, семинаров, выставок, деловых встреч!

Специалисты Технического центра радио- и телевизионного обслуживания обеспечат первоклассный сервис, помогут Вам выбрать оптимальный вариант обслуживания техническими средствами синхронного перевода речи, звукоусиления и телевидения. Имеется возможность перевода видеофильмов на любые языки, выделения переводчиков-синхронистов.

Телефоны: 120-75-94, 128-27-00.

МАЛОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «РОДНИК» реализует мед пчелиный натуральный фасованный, нетто 120 граммов.

Обращаться по адресу: 348000, г.Луганск, ул. 9-я линия, д.1, телефоны: 52-10-90, 52-87-17, МП «РОДНИК».

КОННАС — ОКБ БН, крупнейший разработчик скважинных насосов и гидромеханических систем. Исследования, проектирование, технология, опытные образцы, надежность, прикладное и системное программирование, АСУ, САПР, САЭНИ, сервис, маркетинг.

СССР, 115201, Москва, ОКБ БН, телефакс 113-9407, телефон: 113-97-35.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КООПЕРАТИВНО-КОММЕРЧЕСКИЙ ЦЕНТР «АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК» предлагает за рубли (по безналичному расчету) продукцию зарубежных фирм: ксероксы и телефаксы, расходные материалы к ним; телефоны, автоответчики, телевизоры и видеоманитофоны, видео- и аудиокассеты.

Телефоны: 150-55-77, 283-68-26, 240-96-51.

ОРГАНИЗАЦИЯ предлагает модемы «CompLink C4800» для компьютеров типа IBM, ДВК, ЕС1840/41/42, полирующие дискеты, устройства для прокраски лент матричных принтеров. Продукцию можно приобрести в магазинах-салонах «Приборы и ВТ» в различных городах СССР.

Телефон в Москве: 353-68-58 (с 13.00); факс: 181-1873.

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ ПАКЕТ OPEN ACCESS ЗА РУБЛИ — русифицированный вариант одного из лучших программных продуктов. Обеспечивает решение всех проблем автоматизации учрежденческой деятельности малых и средних предприятий, успешно используется в науке, производстве, с/х, транспорте и во многих других сферах. Имеется сетевой вариант.

117900, ГСП-1, Москва, Б-334, ул.Вавилова, 30/6, СП ИНТЕРСОФТ. Телефон: 278-61-39, факс: (095) 310-7050.

Фото В.Щеколдина

ВЫУЧИМ ЛЮБОЙ ЯЗЫК. ЕСЛИ ЗАХОТИМ

Как быстро все меняется! Вспоминаю времена плавного, планомерного течения Перестройки. (Думаю, что точку на них поставил Сумгаит, но это поняли не сразу.) А тогда нервничали только сторонники Нины Андреевой, поставленные на место пятого апреля 1988 года номером в ту пору еще уважаемой и огромнотиражной газеты «Правда». Готовилась XIX конференция единственно возможной тогда Партии, на которой еще всеми уважаемый Генсек обещал приструнить некоторых отдельных пересек, ставших на пути перестройки. А уютная профессионально-интеллигентная «Литературная газета» вела неторопливую дискуссию на тему «Проблема перестройки школы». И получала письма читателей — и печатала некоторые из них. В подборке заметок под шапкой «Школа с уклоном в будущее» («ЛП», 1988, N 22) среди других вполне толковых мнений прозвучало и такое: «Я бы не включала в понятие грамотности обязательное владение иностранным языком. **Степень языковой одаренности у людей разная**, и для многих изучение языка в школе — мука и пустая трата времени». Воронцова (Москва) (Подчеркнуто мною. — А. Ч.)

Кроме как у русских, подобное спокойное отношение к «отсутствию языковой одаренности» (вроде как музыкального слуха) я встречал только у американцев — такой же крупный одноязычный массив населения с «комплексом численного превосходства». Больше ни у кого, хотя как географ я много ездил по свету.

Трудно представить себе образованного украинца, армянина, казаха, якута, который бы заявил: «У меня нет языковой одаренности, учить русский язык — мука и пустая трата времени». Не скажет того же (об английском, например) и образованный норвежец, голландец, франкоканадец, африканец или араб. В Хельсинки, Стокгольме, Амстердаме, Сингапуре или Найроби вам ответит по-английски, хотя и с разным акцентом, любой прохожий.

«Так то — в Сингапуре! — скажете вы. — Там английский — один из государственных языков!» Да, но выучили-то его поголовно все местные китайцы и малайцы, не задумываясь о «языковой одаренности».

Берусь доказать, что **языковой одаренности не существует**. Есть

только **желание**, вызванное необходимостью — или просто широтой взглядов, освоить язык другого народа, проникнуть в его мышление, понять его. И — проистекающий из этого желания упорный **труд**.

Вот цифры (расчеты мои, а источник — «Численность и состав населения СССР». М., «Финансы и статистика», 1985). На территории Чукотского автономного округа проживает 9094 чукчей, считающих родным языком чукотский. Из них **свободно** владеют вторым языком — русским — 6823 человека, или 75 процентов. Какова «языковая одаренность» чукчей! Для сравнения: из 96 тысяч русских, проживающих на Чукотке, по-чукотски умеют говорить 34 человека.

Может быть, все дело в том, что русским людям не хватает языковой практики? Чукчей мало, и они в тундре. «Не по-русски» и поговорить-то не с кем? Но вот Якутия: русских и якутов здесь примерно поровну. Свободно владеют двумя языками — русским и якутским — 57 процентов якутов и только 1,3 процента местных русских. Чувашия: русские здесь в меньшинстве (26 процентов). Кроме родного чувашского, второму (русскому) языку **научились** 76 процентов чувашей. По-чувашски смогли (или захотели?) научиться лишь 2,8 процента местных русских. Увы, нет языковой одаренности!

Конечно, русский язык — Великий и Могучий. Но — не «в отличие от других». Не менее велики и могучи английский, французский, испанский, немецкий, эстонский языки (это знаю точно, сам изучал, без ложной скромности, не за счет «способностей», а с великим трудом, подстегиваемый **желанием** понять говорящие на них народы). Наверняка не менее велики и могучи язык гениев Возрождения — итальянский, язык Руставели — грузинский, один из самых древних — армянский, обогащенные такими могучими эпосами, как «Манас» — киргизский, или «Олонхо» — якутский, или донесший до нас звучание языка древних гуннов его прямой потомок — чувашский; да и многие.

Величие и мощь отнюдь не делают язык легким. Скорее наоборот. Русский язык — трудный, я понял это еще студентом, когда помогал овладеть им своим товарищам — африканцам, кстати, я сравнивал их муки со своими при изучении английского, которым они владели — без осо-

рых «языковых способностей», — русский для них был уже третьим языком.

Совершенный и несовершенный виды глаголов, шесть падежей, обилие приставок и суффиксов — ничего этого в английском нет. Труднее русского, пожалуй, эстонский (14 падежей), но и он доступен, если хотите понимать язык, на котором говорят и думают ваши соседи, в вашем городе, в вашей республике. Об этом сужу по собственному опыту, так как вырос в Эстонии в русской семье...

Короче, в овладении языком другого народа главное — не в «одаренности» (иначе придется признать, что мы, русские, в отличие, скажем, от чукчей, — народ крайне «неодаренный»), а в необходимости, желании и труде. А мешает изучению других языков (неважно, иностранных или «неиностранных») прежде всего косность мышления, лень и **нежелание** понять других.

Я встречал человека, который не мог «перевести» название газеты «Вечірній Харків». Первое слово ему было понятно, но кто же мог подумывать, что «эти нерусские» так ненормально называют Харьков? «Я по-ихнему не умею» — это он твердо знал. И не считал это стыдным.

Как-то, еще в добрые застойные времена, в Приэльбрусье мне встретила семья из Воронежа — папа, мама и десятилетний сын. Кабардинцев они упорно называли «грузинами», наших попутчиков — эстонцев — «немцами», а главное, при моей попытке объяснить, чем отличаются друг от друга эти народы, они морщились как от зубной боли и скучно тянули: «Нам все равно — одной они породы...» — и вдруг враждебно: «А сам-то ты какой нации?» Все это уходит корнями в допетровские времена, когда все окружающие народы были для отсталой, самоизолированной, автаркической России либо «немцами», либо «бусурманами», а изучение их языков считалось никчемным и даже предосудительным занятием.

Знание других языков в нашей многонациональной стране просто необходимо. Особенно когда речь идет о местных языках. Иначе не будет никакой «дружбы народов», сколько про нее не пой, хоть смешанными хорами, хоть рок-ансамблями.

Все это я написал тогда, в 1988 году, в «Литературную газету». Но мне, как автору, объяснили, что

мой отклик «рассмотрен на редколлегии», и для печати признан негодным, поскольку разжигает национальную рознь.

Рознь разгорелась и без моего письма, горит то здесь, то там до сих пор. Учебников якутского и чувашского нет и поныне. А вот эстонцы — молодцы: наводнили у себя прилавки учебниками эстонского языка для «русскоязычных». Зато теперь наши радетели — Алкнис, Коган, Ермалавичюс и примкнувший к ним Невзоров — кричат о необходимости защиты «русскоязычного» населения Прибалтики от угрозы их обучения, помимо русского, еще и местным, нерусским языкам.

Но только не правы наши радетели, не правы, начиная с терминологии. Никогда я не был «русскоязычным» и никогда не жил в «Прибалтике». А родился и прожил 18 лет в Эстонии — к югу была Латвия, к востоку — Россия. И всегда был русским, чем и горжусь. А еще там жили и живут финны, которые гордятся тем, что они финны, живут эстонские евреи, которые гордятся тем, что они евреи («Памяти» там нет — Эстония культурная страна), украинцы, белорусы, поляки... И дети их — слава Богу, теперь это хорошо организовано — в охотку изучают язык эстонцев, гостеприимных хозяев маленькой, но полной надежд на счастливое будущее, демократической и суверенной страны. Хозяев, а не уплотненных соседей по коммуналке. Как французы — хозяева в Париже, как русские — в Москве, где с давних времен проживают и 200 тысяч татар, которые прекрасно владеют русским, а дома говорят по-татарски, и никто не кричит о «дискриминации татароязычного населения»... Но это уже другая тема.

Вот что приятно — мои маленькие племянники Дима и Олеся на улицах их родного Тарту уже всю щебечут по-эстонски. А дома — по-русски. Значит, есть одаренность! И ходит в Эстонии поговорка: у нас-де в республике «националисты» — это те, которые умеют говорить на двух языках, а «интернационалисты» — только на одном. Вот такое политическое языкознание.

Аркадий ЧЕРКАСОВ,
кандидат географических наук

«В любом государстве за подрыв боеспособности своих вооруженных сил привлекают к ответственности. А если этого не делает правительство, то народ может побить предателей камнями» (Аплодисменты).

(Из выступления генерала А.М.Макашова на Учредительном съезде Компартии России в июне 1990 года)

Свердловский гарнизон выдвинул командующего Приволжско-Уральским военным округом генерала А.М.Макашова кандидатом в президенты России.

Юрий КАРЯКИН

Лев КОПЕЛЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЗОЛОТЕ ПОГОН

Ленинградский кинорежиссер Владислав Виноградов закончил работу над двухсерийным телефильмом «Русский дом».

Это рассказ об исходе нескольких поколений наших соотечественников за рубежи родины, о том, как для миллионов прекрасных, совестливых, талантливых людей она из Матери превратилась в злую Мачеху. И о том, что вопреки всему наши связи, наше родство неразрывно. Более того — сегодня появилась надежда на возрождение России теперь уже совместными усилиями и с той и с другой стороны.

Даже в большой, почти трехчасовой, фильм могла вписаться лишь малая толика материала, снятого в Париже, Риме, Мюнхене. Несколько замечательных сюжетов попросту не вошли в картину.

В частности диалог Юрия КАРЯКИНА, находившегося в ФРГ в силу обстоятельств печальных (тяжелой болезни), со Львом КОПЕЛЕВЫМ, в его доме в Кельне.

Расшифровка этой беседы, нам кажется, имеет право на журнальную публикацию как текст самостоятельный и вполне завершённый. «Столица» выражает признательность за подготовку материала В.Б.Виноградову.

— Наш фильм — о «третьей волне эмиграции» и о ее внутренней связи с историей «оттепели», с тем, что называется «шестидесятиничеством»... Сегодня этот узел русской истории XX века воспринимается как перекресток, перепутье, где действительно в узел оказались связаны десятки и сотни судеб, множество людей, и тогда воспринимавшихся незаурядно. И тем более сегодня.

Для меня важно понять, услышать от вас: что вас, таких разных, объединило, как вы друг друга нашли — как «меченые атомы»...

Ю.Карякин: — Понимаете, произошла удивительная вещь. Если бы мне тогда показали несколько картинок из сегодняшнего дня, то я бы не поверил. Мы на-

столько долго были лишены элементарного и так много сил затратили на достижение тривиального, что почти все силы ушли... То, что должно быть усвоено с рождения, мы стали осознавать, уже когда нам было за тридцать, за сорок, а иным и за пятьдесят.

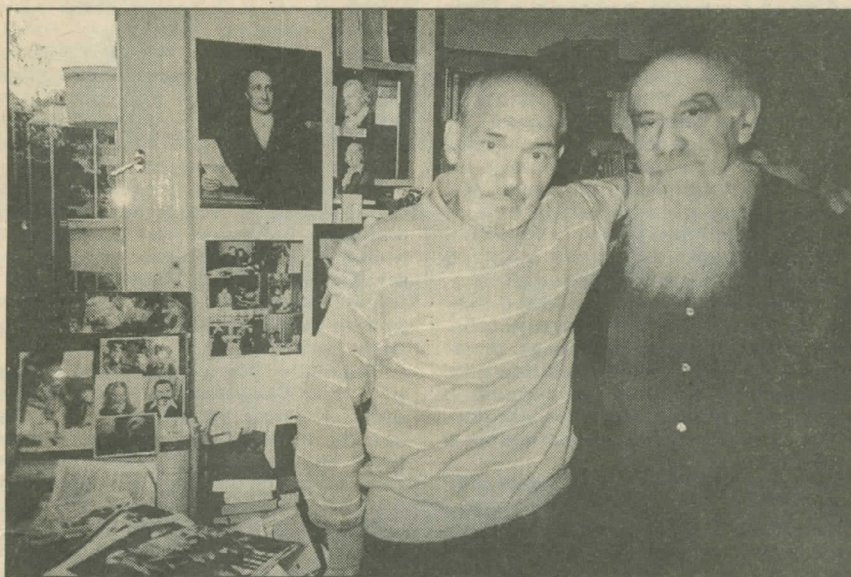
Когда я прочитал «Один день Ивана Денисовича», мне стало ясно, что все старое мировоззрение, мироощущение, вернее сказать, рухнуло. Мне показали кусок жизни, откуда я, «шестидесятник» — еще и «сороковник», так сказать...и «тридцатник»... Это нас сейчас время спрессовало в «шестидесятников». И сейчас плюс-минус десять—двадцать лет, — допустим, я и Копелев, — оказалось как бы одно поколение. Но это не так. И тогда была колоссальная разница! Сейчас принято говорить о «подвигах

шестидесятников», о «нравственной стойкости» — и тут, по-моему, есть некоторая некорректность. Потому что одно дело — о н и: Солженицын, Лидия Корнеевна Чуковская, Копелев — люди, которые жили на грани жизни и смерти, и — м ы... Которые рисковали карьерой, местом. Издали легко оказаться с настоящими героями времени через запятую. И всегда есть искушение сравнить себя, скажем, с каким-нибудь Феликсом Кузнецовым — и при таком сравнении, конечно, выглядеть очень героичным человеком... Но, так сравнивая, не о чем говорить, понимаете? Сравнить себя надо с действительно высокими людьми...

Нам, тогдашним двадцати-тридцатилетним, больше, чем им — и уж вообще не говоря о том же Александре Исаевиче, — казалось тогда: ну, если сейчас еще доведут «раскультирование» до двадцать девятого года, до двадцать четвертого, если... Понимаете? Такая жуткая ограниченность... До семнадцатого и глубже не шли (я о большинстве).

Каждый человек, в сущности, чем скован? Двумя всего вещами: страхом смерти и страхом потери места. (Как его ни называй, это «место»: карьерой, чином, общественным мнением...). В конечном счете нельзя читать морали по этому поводу, мы все так или иначе отдаем дань и страху первому, и страху второму. Но этот второй страх (вот парадокс) оказался сильнее и утонченнее страха потери жизни. Это относится к сталинистам в особенности, когда они были помиллованы, избавлены от неизбежного, казалось бы, возмездия... Но не чуждым этот страх оказался и многим из тех, кого сегодня изображают героями «оттепели». Многим...

Л.Копелев: — Одна из моих книг, между прочим, как раз о том, чего коснулся

Юрий Федорович, — о страхе потери иллюзии. Она в первом варианте называлась «О богах, вождях и героях» — то есть в ней действительно эти три понятия, если говорить о советской истории, ставились под сомнение. Но мне что-то в этом названии все-таки не нравилось — в нем не было меня, а ведь это все-таки воспоминания... И очень хороший, очень умный человек, Александр Межиров, мне подсказал другое название, за которое я ему благодарен: «И сотворил себе кумира». Библейская заповедь, преступать ее нельзя. А вот вы же сотворили! Вот и признавайтесь!

Сколько раз после XX съезда я слышал этот проклятый вопрос: «Как вы могли жить при Сталине? Как вы могли верить, что за все это действительно надо бороться?» — это, конечно, обычно совсем молодые люди спрашивали. Проще всего так представить: одни были жертвами, а другие — соучастниками преступления. Все сложнее было, куда сложнее, куда запутаннее. Были и злодеи, и уголовники, и приспособленцы — те, которые подпевали, и которые выслуживались, и которые охотились за орденами. Но такие при всех режимах есть. Были и просто доверчивые, наивные люди — верившие учителю, верившие газете, верившие комсомольскому секретарю... Но это все — простые варианты. А сложнее было как раз с такими, как я... Ведь я не хотел идти в партию вплоть до начала войны — понимал, придется много врать. Но вместе с тем у меня ни на секунду не возникало сомнения, что мы — в осажденной крепости и, стало быть, нужна железная дисциплина, нужен обожествляемый вождь, которому надо верить во всем, и, наоборот, всех его врагов, какими бы они ни были, с грязью смешивать. Это, если так можно выразиться, рассудочный сталинизм. Это то, чего в себе не могут изжить

очень многие мои сверстники до сих пор. Это то, в чем очень многие слишком поздно раскаялись. И это то, чего я себе не прощу, потому что я не могу о себе сказать: не ведал, что творил. Мы — ведали, что творили, когда агитировали за выборы, когда доказывали: мы — самая демократическая страна, хотя видели и голод и аресты... И вы знаете — сейчас это дико звучит; но 22 июня мы обрадовались: вот она, святая война! Вот — все ясно: кто друг, кто враг! Конец всем сомнениям — куда идти, что делать... И стыдно, и смешно было, когда мне друзья напоминали: помнишь, какой ты дурак был, как бегал по Арбату с восторгом — «На фронт, на фронт»...

И очень скоро восторг сменился ужасом, в августе меня послали на фронт — в Новгород, и я опешил: «Как? Там же немцы! Такой глубокий тыл!» А мне сказали: «Ничего, ничего. Не такой уж глубокий». И начались чудеса войны, я попал... ну, ладно, военные мемуары здесь ни к чему... Еще только одна деталь — это если говорить о знаках судьбы.

Последний мой день на воле, перед арестом, — 5 апреля 1945 года, я в комнате комиссара госпиталя, откуда меня выписывают, он мне сказал: «Полежи здесь пока, найдут машину — и ты будешь или нас догонять, или в Москву поедешь долечиваться». И вот я лежу, жду — не зная, чего ожду. Пачка газет немецких, старых. Я их просматриваю — и одно сообщение мне прямо-таки врезается в память, я его потом в тюрьме повторял несколько раз, так оно в моей памяти звучало. «Груда руин, некогда называвшаяся Кельном, оставлена войсками Вермахта в полном порядке без сокращения в противником...» Меня поразила эта почти римская лапидарность и выразительность: «Груда руин, некогда называвшаяся Кельном...»

И на эти руины я попал тридцать пять лет спустя — а теперь уже сорок пять лет прошло. Мог ли я ожидать, что вообще попаду в Кельн когда-нибудь — на эту груду руин?.. Едва я отложил газету — вошли двое. «Идемте к нашему генералу, он отдаст приказ насчет вашей дальнейшей работы» — и последовало все остальное...

Ю.Карякин: — Я слушал Леву — и неожиданно вспомнил то, свидетелем чему оказался и что для меня является доказательством, что все-таки правда есть и она немножко иногда торжествует.

Пятого апреля девяностого года Копелеву семьдесят восемь лет, и он получает таинственное письмо и пакет. Выясняется, что он сорок с лишним лет назад сидел вместе с немецкими пленными в «шарашке», их кормили, конечно, хуже, и он им помогал. Как-то даже бутерброды с икрой им передал — не Бог весть что по тем временам... И он получает баночку советской икры ко дню рождения от тех немцев — понимаете? Вот такая история. Я бы добавил к этому немножко от себя — так случилось, что как раз в это самое время я умирал — и вот вроде бы заново стал жить. И мне кажется, вряд ли бы это случилось, если бы в цепи, которая меня к жизни снова привела, не было бы Левы — без него бы эта цепь оборвалась, т.е. обязан ему жизнью. Я хотел бы сейчас еще добавить, но так, чтобы он, Лева, меня не слышал. Знаете, это, по-моему, совершенно уникальный человек, взгляды, убеждения которого диктовало единственное — человеколюбие, деятельное, конкретное, живое человеколюбие, как у доктора Гааза (это, кстати, его любимый герой, и не случайно Л.Копелев — президент немецкого «Общества Гааза»).

— А нет у вас ощущения слишком долгой паузы — если касаться не только обстоятельств нынешней вашей здесь встречи, но и вообще истории поколения?

Л.Копелев: — Нет. Нет... Знаете, нас исключали в одно время из партии, в шестьдесят восьмом году. Его — за доклад об Андрее Платонове, нашумевший, который он сделал в Союзе писателей. Прекрасный доклад — прочитайте, если будет возможность... Ну, формулировки-то у всех примерно одинаковые были, стандартные. И тогда я, художник Биргер, философ Шрагин и историк Пажитнов — мы четверо с этим исключением согласились и даже какое-то облегчение испытали, несмотря на все последствия. А Юрий Федорович сказал: «А я останусь и буду продолжать работать против сталинщины, против всего, с чем мы все боролись...» И вот прошло двадцать два года, и я могу сказать, что ни одно его слово, ни один поступок не внушил нам сомнений, хотя, вероятно, трудно ему приходилось... И вот теперь — он народный депутат, а я гражданин Федеративной Республики — мы встретились так, как будто только вчера расстались. Хотя есть о чем и грустить.

Я вот Кельн иногда по рассеянности Москвой называю. Здравомысленно, должен признать, что мне посчастливилось оказаться здесь. Мне — и делу, которому мы служим. Потому что и здесь, как и в Москве, моим призванием было: строить мосты. Когда мы жили в Москве — писали о немецкой литературе, об американской — это жена. Здесь — мы говорили о связи русской и немецкой культур, русской и немецкой судеб.

Вот — у меня на столе — камень. Это — кусок берлинской стены. Вот — осязаемый символ того, что выпало на долю России в нашем веке, как и на долю других народов и стран. Ведь эта стена разделила город людей одного города, один народ — так же, как стены, ограды, заборы, перегородившие и нашу страну внутри и отгородившие ее от всего другого мира. Сейчас люди любят поспорить о России — Европа это или Азия и какая у России миссия? Но ведь сто пятьдесят и сто лет назад ни у кого не было сомнения, что Россия — это часть Европы, более того — часть мира. И это отделение России, ее изоляция от всего мира, произошло в 1917 году, а окончательно утвердилось в тридцатом-тридцать первом, когда граница уже была на запоре. Вот — камень, такой же страшный и абсурдный для судьбы всего мира, как дико и страшно, губительно и тлетворно складывалась наша судьба в последние десятилетия...

В августе 61-го ее воздвигли по приказу Хрущева. А тридцать лет спустя ее ломали — и пели про Горби. Так что и в этой стене — связанность наших судеб. Сейчас такими камнями у Бранденбургских ворот торгуют. А мне — подарили...

Мы вот говорим о случайностях и закономерностях на исторических перекрестках — расскажу вам про один перекресток. Это станция Жуковка, двадцать семь километров от Москвы в сторону Николиной Горы, лето семьдесят второго года. Там на очень тесном пространстве тогда жили Андрей Дмитриевич Сахаров, Дмитрий Дмитриевич Шостакович, на даче Фостроповича — Александр Исаевич Солженицын, на другой даче жил Галич... А чуть подальше, в старом поселке Совмина, жили Булгаков, Микоян, Молотов; ежедневно через Жуковку к себе на дачу проезжал Брежнев... Молотов жил по соседству с Солженицыным — представляете? А Александр Исаевич как-то встретил его: он шел с авоськой, с бутылками из-под молока. Солженицын потом говорил — ведь я, говорит, мог окликнуть его, сказать: «Молотов! Я — Солженицын. Давай поговорим!» Что бы он стал говорить? Может, смутился бы несколько, понес бы муру собачью, мол, при других обстоятельствах он бы... А может, и нет. Может, сказал бы, что ни о чем не жалеет... Вот такой был перекресток.

— И это только подтверждает то, какая тонкая грань отделяла в ваших судьбах подлость от доблести, страх от геройства...

Ю.Карякин: — Хотя одоление страха — любого из его видов, о которых я говорил, — великое дело, но не истина сама по себе, а лишь основа, создание условий для начала поиска истины. Истина и страх несомнимы. Но одоление страха еще не дает познания истины...

Все, что сегодня связывается с нашим поколением, очень далеко от того, к чему оно действительно призвано. Мы должны сегодня свидетельствовать о времени, об истории — это само собой. Но главное, по-моему, — если мы этого не сделаем, то мы и не выдержим решающего экзамена, главное — это все-таки вот что. Мы должны честно судить себя. Не вообще; а конкретно. Да-да, исповедь и покаяние, т.е. очищение. Наш последний долг — не притчи рассказывать, не проповеди читать, не учить, как поступать, а говорить о своем соучастии в преступлениях.

Л.Копелев: — И это для большинства сегодня оказалось неосуществимым. Вообще то, что случилось с «шестидесятниками», можно так объяснить, таким тропом выразить. Вот так называемая оттепель. И от огромного ледового поля откалывается ледяная глыба. И на ней — мы все толчемся. Все — рядом и, казалось бы, вместе... А потом и глыба эта начинает дробиться, льдины расплываются в разные стороны, многих относит друг от друга очень далеко... Я ведь помню, как в первом Сахаровском Комитете рядом с Андреем Дмитриевичем сидел Шафаревич...

И чистую правду говорит Юрий Федорович. Без покаяния, без понимания своей ответственности за наше прошлое не осилишь современности. Надо свидетельствовать — сознавая свою ответственность. И за слово правды, и за меру своего соучастия в том, что было...

Ю.Карякин: — И еще один аргумент за это. В «Архипелаге ГУЛАГ» для меня самое пронзительное — даже не свидетельство, и не энциклопедический свод картин всей этой бесовщины, хотя это все потрясает... но вдруг — какое-то странное на первый взгляд признание, странная такая нота: а повернись моя жизнь иначе, Солженицын пишет, и я ведь мог быть еще и не таким соучастником в этом деле. Мог бы и гбэшником быть... Помните, как он говорит, сколько мне золотой пыли натряслось в душу с моих капитанских золотых погон? Золото погон, вполне заслуженных личной храбростью, одолением страха... Эта нота вызывает абсолютное доверие к нему. И вот я смотрю: странная закономерность. Чем ты меньше соучаствовал, но чем тверже твоя совесть, тем более ты обвиняешь себя, лично себя. Судись себя. А те, кто наиболее виноваты, — все больше судят других.

Вот один пример. Один совестливый русский писатель дает телеграмму в Союз писателей: «Первое, о чем нам сегодня надо подумать, — это о покаянии». Это Дмитрий Сергеевич Лихачев написал. А Юрий Бондарев — в ответ: «Каяться не в чем». И я думаю: мамочки мои,

Лев Толстой, написавший уже и «Войну и мир», и «Анну Каренину», лотом вдруг начинает каяться: «Исповедь». Непрестанная исповедь! Толстой написал «Войну и мир» — и кается, а Бондарев создал «Освобождение» и — как с гуся вода. Да еще после этого на юбилейном заседании в Большом театре читает «Слово о Толстом!» Мыслимо ли это?

Так что Толстой и Бондарева предумотрел. Слово о Бондареве сказал: человек без раскаяния. «Нет раскаяния — потому что нет движения вперед, или нет движения вперед, потому нет раскаяния... важное и самое существенное деление людей: люди с раскаянием и люди без него».

Л.Копелев: — Вот я вам скажу. Для меня встреча с Сахаровым была как чтение книги, в которой все — так, как бы вы мечтали написать. Он высказал, успел, сумел то, чего мы не успели додумать в наши «шестидесятые», — и потом мы уже не могли не жить по его... Это было освобождение от догм, от «плюсов» и «минусов», от ложных представлений о жизни, к которой мы привыкли и готовы дальше жить... Вот я все время твержу одно и то же: настало время, когда неразрывно должны соединиться политика, экономика, наука и — нравственность. Это я понял благодаря Сахарову. Если этого не поймут политики, мы все погибнем. Все...

И для меня тот декабрьский разговор по телефону Горбачева и Сахарова был счастьем. Впервые в России несколько минут говорили гениальный ученый, гениально нравственный человек и политик, который склонен что-то изменить к лучшему. Это были минуты больших надежд.

С тех пор многое приходится передумывать. И каким страшным, по контрасту с тем телефонным разговором, было последнее выступление Сахарова на съезде — я его видел по телевидению...

Вот вам — тоже — судьба «шестидесятников»...

Вы знаете, есть такое понятие — точно не помню, но, по-моему, «коэффициент Калицы». Петр Леонидович Калица говорил, что о том, насколько ученый плодотворно работает и насколько он сам значителен, можно судить не только по его публикациям — они как раз могут быть редкими и незаметными, а по тому, как часто его имя упоминается в других работах — в ссылках, там, примечаниях, сносках и так далее.

Я все чаще вспоминаю сегодня наставление Калицы. Это можно и по-христиански толковать: не люблю грех, но люблю грешников.

Так что давайте не любить грех. Не будем сотворять новых кумиров...

Михаил ПОЗДНЯЕВ

После «ПОКАЯНИЯ»

Вот, Юрий Карякин вспоминает эпизод начала «перестройки» — послание Д.С.Лихачева к братьям-писателям: прежде всего нам надобно покаяться.

И так получается, что один Бондарев нехорош — засветился: нам — каяться не в чем. Про Бондарева сегодня говорить даже неинтересно, а вот то интересно, что следом за ним никто не вышел на трибуну и не спросил: то есть как это — не в чем?! Смолчали — и дальше пропустили. И тогда, когда Бондарев речь о Толстом толкал, — тоже не прервали. Слушали. Скушали. Поморщились, похихикали... но не согласились с трибуны.

Повторю: не про Бондарева разговор. А про то, что — смотрите-ка: не Лихачев, получается, выразитель нашего — общественного мнения, а Бондарев. Высказался Лихачев — имеет как бы «плюс»; ему возражает Бондарев — скажем так, «минус». Вроде — всем все видно: кто Лихачев и кто Бондарев. Но ведь в арифметике «плюс» на «минус» дает в результате, увы, не «плюс».

Все, что связано с «прорывами» А.Д.Сахарова к микрофону Первого съезда народных депутатов, из той же оперы. Мы ужасно гордимся тем, что, когда уже в зале запахло кровью, вышла маленькая Гаер — и эту скрежещущую машину, на полном ходу, всю тяжесть ее на себя приняла... и — остановила!

Надолго ли нас хватило, нашего гнева праведного? От силы — на день-два. А там — уже другие сюжеты подкатили, и возвращаться к обмену речами Сахарова и Червонопиского как будто было уже и незачем: мы же видели кто есть кто!

А Сахаров — не от себя и не о

себе говорил. Он ведь — от имени тех «афганцев», которые не уполномочивали Червонопиского быть на съезде их полномочным представителем. А мы — и через это переступили. Создана была, кажется, какая-то там комиссия «по расследованию заявления Сахарова» — но мало ли там комиссий было создано и многие ли из них публично, гласно доложили о результатах своего расследования?

Привлекли ли к судебной ответственности по итогам слушаний в той комиссии хоть одного генерала? Да что там: кто-нибудь из военного руководства вообще попытался опровергнуть сказанное Сахаровым? Ну, выскочил еще раз Ахромеев... Впрочем, про Ахромеева — так же не интересно, как и про Бондарева.

Мне не дает покоя вопрос: случайны ли — когда Горбачев произнес слова «демократизация» и «гласность» — сразу несколько его подданных выкрикнули: а прежде всего — **п о к а я н и е**?

Думаю — не случайно. И убежден: кризис «перестройки» заложен был еще тогда, когда мы в упор не слышали этого, в унисон, выкрика.

Говорят, что Горбачеву понравился фильм Абуладзе. Говорят, что это была его идея — дать Абуладзе Ленинскую премию.

Горбачев таким образом исправил ошибку Хрущева, не давшего премию имени основателя партии и советского государства автору «Одного дня Ивана Денисовича».

Странные бывают сближения, как Пушкин говорил.

Концепция перестройки по признаниям Горбачева — закладывалась в кабинете Андропова в 1981—1982 годах.

В это же самое время Тенгиз Абуладзе с двумя товарищами пишет сценарий фильма «Покаяние».

Сдача фильма проходила перед новым, 1984 годом.

Если не знать о предыстории «Покаяния» — об автомобильной катастрофе, после которой чудом оставшийся в живых Абуладзе дал обет снять такой фильм, какой он в итоге и снял, — тогда вся история фильма, включая и хронологию, покажется едва ли не подарком Горбачеву ко дню восшествия на престол «отца перестройки».

Знать предысторию — важно: Абуладзе воплощал идею, по тем временам безумную, рассчитывая, что если даже фильм не выйдет за порог

студии, если его увидят всего несколько человек — та комиссия, которая его, разумеется, не пропустит, — то и тогда дело будет сделано, обет — исполнен.

«Покаяние» увидели миллионы.

Сегодня я смею утверждать: успех был и заслуженный и вместе с тем как бы «не про то». Преждевременный успех. Так тоже бывает.

Даже самые проницательные зрители не знали тогда, четыре года назад, каким еще актуальным — в пору не пропускать на экран — будет «Покаяние» сегодня, летом 1991-го! «Аравидзе» — фамилия, которой в действительности нет: образованная от грузинского слова, означающего буквально «н и к т о».

В 1987-м мы смотрели «Покаяние» как фильм об Аравидзе Варламе, который был никем или ничем, а стал — всем.

«Когда в зале зажегся свет, услышал рядом:

— Как можно жить по-старому после такого фильма?

Но сложная оптика «Покаяния» не настроена лишь на поверхностное узнавание «сильных мира того». Здесь другой, более острый, более проникающий угол зрения...» (Из статьи Т.Мамаладзе в «Известиях» 30 января 1987 г.)

Вот оно, искажение, оптический обман: «жить по-старому» — вместо «жить так, как мы живем сегодня».

«Про что фильм?» — спрашивали друг друга. И гладко, без запинки отвечивали друг другу: «Про Сталина. Про Берию...» — но только не: «Про нас. Про меня...»

Сегодня «Покаяние» — фильм об Аравидзе Авеле, который вовсе не претендует быть в с е м, но вполне довольствуется (и готов за это драться) прочтением слова «никто», укорененном в его фамилии как слово «некто».

«Авель — страшен, — объяснял Тенгиз Абуладзе журналисту еще тогда, во дни премьеры картины. — Он даже опаснее Варлама, потому что тот в каком-то смысле образ цельный, его поступки всегда были поступками дьявола, и поэтому их можно было хоть иногда предвидеть. А с Авелем ничего знать наперед нельзя, потому что сознание его раздвоено... «Я проповедую атеизм и при этом ношу крест» — так он говорит, и в этом его суть... Кроме его личного благополучия, Авеля ничто не волнует... Он сын своего отца, ему удобнее, уютнее там, в прош-

лом. Люди, подобные Авелю, — это питательный бульон для будущих Варламов».

Сколько истерических воплей в дискуссии о картине Абуладзе было издано, преимущественно критиками «почвеннической» традиции, по поводу мотива упрямого выкапывания трупа Варлама — страшной мести Кетеван Баратели убийце ее отца!

Говорилось примерно следующее: в основе фильма о действии нравственного закона не может лежать изображение безнравственного, святотатственного акта.

Ход был эффектный.

Игнорировалось, во-первых, то, что, собственно говоря, все события в фильме — не более чем плод фантазии, воображения Кетеван, узнавшей о мирной кончине Варлама, оплаканной всем населением города, где он пролил столько крови. К слову, если уж вести речь о документальной основе «Покаяния» — то это, пожалуй, единственный факт, запечатленный Абуладзе так, каким он явился в не столь давние времена: «В Мингрелии, в деревне, кто-то выкопал только что захороненного покойника и поставил к воротам дома его родственников». Возмущаясь столь экстравагантной формой возмездия, критики фильма по-фарисейски пренебрегли постижением меры скорби, унижения и отчаяния, переполнившей душу мстителя.

А во-вторых, если говорить о христианских чувствах, уделяя столько внимания трупу (оскверненному, но мертвому телу, праху), пристальные зрители как-то странно легкомысленно обходили вниманием совершенное на их глазах самоубийство сына Авеля и внука Варлама.

Киноведы-«почвенники» не в силах видеть, как хрупкая женщина вновь и вновь выкапывает из освященной кладбищенской почвы тушу исчадья ада Варлама, и смакуют пристально отснятую, долгую-долгую сцену: будто кролик к удаву, тянется мальчик к дедовскому ружью...

«Покаяние» — фильм о мальчике Аравидзе Торнике, так страшно разрывающем узел, который не способен развязать его отец.

«В фильме покаяния не произошло, прошлое осталось незатронутым... Но сам фильм ... не что иное, как акт покаяния» — это цитата из едва ли не лучшей статьи о фильме Абуладзе, напечатанной тогда же, в 1987-м, в малотиражном элитар-

ном журнале «Социологические исследования».

«Прошлое осталось незатронутым» — именно потому, что обо всем происшедшем в фильме узнала одна Кетеван, ибо все это случилось только в ее душе.

Авель — пребывает в блаженном неведении.

Но, к счастью, свидетелями оказались мы.

Автор упомянутой статьи доктор философских наук Леонид Ионин одну из глав очень густо, внятно написанной им работы озаглавил знаменательно — «Политика покаяния». Тогда, в год публикации, текст читался как характеристика постсталинизма; сегодня — это едва ли не ремарки на полях Нобелевской лекции М.С.Горбачева:

«Есть три вида дурного, неправильного поведения: ошибка, преступление и грех... Ошибка совершается по незнанию или неумению, неспособности предугадать последствия; преступление — результат злой воли; грех — это поведение, которого человек стыдится. Ошибка подлежит исправлению, преступление — наказанию, грех — покаянию... Продукт нераскаянного греха — двоемыслие... отсутствие ясного морального стандарта...»

Это — о том, как соотносить слова о «приоритете общечеловеческих ценностей» и проклятую цепочку «Сумгаит—Тбилиси—Баку—Вильнюс»...

И — далее:

«Деятельное общество видит в прошлом необходимый фундамент сегодняшнего строительства. Оно поэтому хочет знать, что в прошлом достойно доверия, а что недостойно, на что можно опереться, а что надлежит, проверив, разоблачить как миф, выдумку, зловещую фантазмагорию.

Наоборот, неподвижному обществу важно самосохранение любой ценой. Сохранение не себя даже, а собственного respectable образа в чужих и своих глазах. Оно вмешивается в прошлое с одной лишь целью — отыскать в нем

подтверждение данностям нынешнего дня...»

А это — о том, как непостижимым образом, при колоссальных и еще не окончательных результатах стихийного для власти бедствия, именуемого «гласностью» — а точнее бы сказать, «огласкою!» — размытого зыбучие пески, на коих возведено наше общественное здание, власть, уже теряющая равновесие, продолжает делать вид, что где-то там, внизу, — все-таки краеугольный камень!

Зачем нам гласность? А для контраста: ГУЛАГа, мол, о котором вы теперь все всё знаете, больше не будет. Вот уже и до дедушки добрались — так и дедушку не жалко; и вынос из мавзолея наверняка предусмотрен — как предпоследняя уступка, заначка на черный день. Только — нас не трогай! Нас не замай!

В первые века христианства люди приносили покаяние перед лицом всей общины — у всех прося, при всех у Творца прося прощение.

Н и к о г о! ни одного человечка из тех, с кем Горбачеву так дружно работало при Брежневе, Андропове, Черненко, не пригласили для объяснений в Верховный Совет. Что там Щербицкий — когда палач Молотов ушел в мир иной вполне реабилитированным, а сегодня — так вон, тиражом под стать «Малой земле» солидное издательство выпустило его побасенки в записи сочинителя стихов, по первым буквам читаемых как девиз «Сталин в сердце», — чего автор, впрочем, никогда особо не скрывал.

Выпуск мемуаров какого-нибудь Гесса всю Европу на дыбы поднимал — а у нас, вишь ты, плюрализм. Не «политика покаяния» — но вопреки всему: логике, времени, природе человеческой — «политика вседозволенности, безнаказанности»!

Имеет, наверное, основания предполагать, не сомневаться Е.Г.Боннэр, что статья, которую сегодня написал бы Сахаров, была бы о «втором дыхании» сталинизма...

Карякин вспоминает о взволнованном послании Лихачева — а я его, карякинскую, статью вспоминаю, все того же 1987-го: «Стоит ли наступать на грабли?»

Финал статьи вспоминаю — тоже вдруг и вновь злободневный, уже не к некоему Инкогнито, но по конкретному адресу бьющий:

«... Как обнадеживает достоинство тех людей, которые ошибаются в поисках истины и — первыми признают ошибку, как только в ней убедились, признают — искренне, открыто, красиво (потому что заняты не собой, а делом, работой). Но что же это за взрыв такой мутационный произошел в Ваших генах духовных, если Вы исповедуете: Грехи — и не кайся! и чем больше грехишь — тем больше и не кайся!..

Наверное, тут все дело в том или ином отношении к двум древним и вечным истинам.

Первая: смертны же мы все.

Вторая: и после нас будут люди.

С чем придем мы к своему последнему часу?

И что скажут нам вслед?

А времени у нашего с Вами поколения остается совсем уже мало».

Состояние, в каком оказалось ныне общество, по всем внешним приметам, удивительно соответствует глубокому духовному недугу, называемому «унынием». Это состояние нераскаянности. Неосознания своей греховности.

Это важно прибавить: поскольку не в одном Горбачеве и в людях его поколения дело. Дурной пример заразителен.

Пока не уясним — слово «покаяние» так и будем ставить в кавычки. Как название фильма Абуладзе. Рабочий термин Карякина. Риторическую фигуру Лихачева. Максиму Сахарова. Людей разных — но в одном схожих. В мере свободы.

«Доказательством свободы воли служит факт всем известного переживания души, которое называется раскаянием, и каждому знаком по личному опыту...» (Игумен Филарет. Конспект по Закону Божию. Харбин, 1936; М., 1990).

ВОЙНА БЕЛОЙ И АЛОЙ РОЗЫ

«КРАСНОЕ И БЕЛОЕ»

Выставка плакатов гражданской войны Музей революции СССР

Было время — могли и спеть: «Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон...» Теперь так же слаженно поем про поручика Голицына. Маятник легко качнулся в противоположную сторону, и заклятые враги превратились в кумиров. Трудно утверждает себя историческая справедливость в наших политизированных мозгах, нелегко учится намозоленный глаз видеть объемную картину мира. Нынешняя выставка наглядна и прямолинейна. На стенах друг против друга плакаты, пролежавшие в фондах с 1926 года: «Плотным змеиным кольцом охватил большевизм сердце России» и «Борьба красного рыцаря с темной силой», «Зверства Красновских белогвардейских банд при занятии Борисоглебска» и «Зверства большевиков в харьковской чрезвычайке», «Ты записался добровольцем?» и «Я — доброволец», портреты Врангеля, Колчака, Дутова и

— Троцкого, Чапаева, Дзержинского. Одинаковы эти листы до оторопи, отличаются разве что «ятями». Истоки их одни — мир фольклорных образов и символов, одна национальная школа плаката, скорее всего и типографии были общие, переходившие из рук в руки. И неколебимая убежденность в своей правоте. И любовь к России тоже. Так, может, хотя бы на 75-м году расширим палитру — добавим, скажем и зеленого? Экологию, например, на пепелище восстановим.

Марина КАМИНАРСКАЯ

РАДИОСПЕКТАКЛЬ НА СЦЕНЕ

«МАРТОВСКИЕ ИДЫ»

Театр им. Евг. Вахтангова, реж. А.Кац

Можно предположить, что напишут те, кому спектакль понравился. Напишут, что, инсценировав «фантазию о некоторых событиях и персонажах последних дней Римской республики»

Торнтон Уайлдера, театр исследует драму власти, не поддавшись искусу прямых исторических параллелей. Напишут, что приглашенный режиссер из Риги сумел вдохнуть жизнь в остывшие академические стены и раздражить творческими задачами скованных вахтанговцев. Напишут, что создателям спектакля удалось найти театральность в череде писем и документов, составляющих знаменитый роман. Наконец, напишут, что Михаил Ульянов, освободившись от подавлявшего в последние годы его актерский талант практического опыта исполнения ролей председателей и маршалов, сыграл Цезаря неожиданно свободно и свежо. Но я не подпишусь под этими утверждениями, вызывающими потребность убедить себя и других, что не так все печально у нас на театре. На деле же Ульянов просто пополнил коллекцию «царей», одинаково уверенно играя и мужество, и сомнение. На деле же актеры, появляясь из-за окружающих сцену гигантских осколков амфоры, просто зачитывают письма, так и оставшиеся текстами, не озвученными языком театра. На самом деле, наверное, радиоспектакль получился бы неплохой.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР имени Евг. ВАХТАНГОВА

Торнтон Уайлдер

МАРТОВСКИЕ ИДЫ

«Восстановление подлинной истории не было первоочередной задачей этого сочинения. Его можно назвать фантазией о некоторых событиях и персонажах последних дней Римской республики».

Торнтон УАЙЛДЕР

ВРЕМЯ ЛЕПЕТАТЬ

«СНЕГУРОЧКА»

Музыкальный театр «Экспромт», реж. Ж.Тертерян

Двуединый синопсис знаменитой пьесы Островского и не менее знаменитой оперы Римского-Корсакова, поставленный на сцене Учебного театра ГИТИСа, прелестен. Подтекст не требуется — уж больно хорош текст, и артисты радуются сочным страстям, звучным стихам и сладким звукам. Исполнители-студенты — театр, совершенно разумной традиции, создан на базе курса — молоты, оперные маски им еще не обрыдли и примеряются с детским ощущением первоначальности ритуала. Кисейная Снегурочка, молодцеватый Мизгирь, порывистая Купава, конфетный Лель, необоримо добродушный царь Берендей — «что за прелесть эти сказки!» Что за чудо — невнятный лепет предков, невесть почему помнящийся с детства! Родителям не приходится выводить посмурневших детей во время спектакля из зала: даже самые маленькие не ерзают, а мирно засыпают, но в конце со всеми громко кричат «браво».

Хочется, чтобы идиллия стала нормой, а понимание классического репертуара — престижным смолоду. Сколько можно надрываться в тоске по традиционным ценностям? Разве не ясно, что время любить, лепетать, встречать Солнце, плакать навзрыд и заламывать руки — не то чтобы пришло, а не уходило?

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ИГРАЕМ «БИТЛЗ»

«ПЕСНИ
ЛИВЕРПУЛЬСКОЙ
ЧЕТВЕРКИ»

Издательство «Музыка»

Неисповедимы пути нашего знакомства с мировой культурой. Иногда веками сохраняются пробелы, иногда (редко) явление замечается сразу, но чаще ему предстоит знакомый путь: от официального шельмования к «прощению» и признанию. «Битлз» для целого поколения стали символом духовного раскрепощения, по ним, как по лакмусовой бумажке, проверяли: «свой не свой». Сегодня положение, конечно, иное, советская власть признала «Битлз», тем более, что Джон Леннон убит, а мы так любим реабилитировать посмертно. К тому же, как выяснилось, за ним следило ФБР, а такой повод лягнуть империалистов для нас — это почти индульгенция. Теперь любители «Битлз»

получили возможность не только слушать, но и исполнять их песни. Два нотных сборника (для гитары и фортепиано), несомненно, заинтересуют и меломанов, и специалистов. Очень хорошо, что издательство не включило в сборники переводы песен на русский язык. Подобные эксперименты в прошлом ничего, кроме смеха, не вызывали. И все-таки странно. Мы уже можем сами за семейным столом тихонько, задушевно попеть песни «Битлз», но очень многим их музыка по-прежнему остается неизвестной. Кроме двух пластинок с ранними записями, выпущенных «Мелодией», любителям «Битлз» в нашей стране купить нечего. Мы опять должны полагаться на вкус и настроения кого-то, кто решает, что нам слушать, а что — нет. В этом плане ситуация за 25 лет не изменилась. Естественно, в этом нет вины издательства «Музыка».

А.Г.

СОВЕТСКАЯ ЛЕДИ

«ЭМАНСИПИРОВАННАЯ
ЖЕНЩИНА»

Пластинка ВПТО
«Мелодия»

Нет, вы о них никогда не слышали. Это нормально. Они не играли в

«Олимпийском». Их музыка — не для большинства. Она вообще неудобна для «трудящихся масс». Под нее нельзя ни отдыхать, ни танцевать, ни спать. И не поет из них никто. И в сочинениях их какая-то философия кроется, реминисценции какие-то. И в названии группы сам черт ногу сломит: арт-фанк-джаз-рок-группа «Комбо».

И правильно, что вы о них не знаете. В Штатах их уже принимали. В Западном Берлине о них сняли фильм. Солистка и лидер группы — как-никак королева. Рита Тимофеева, не припоминаете? Да нет, не бюстом, не ногами она завоевала свою корону. Она «леди гитара». Лучшая гитаристка фестиваля «Мисс рок»-1988.

Плохо быть леди в Советском Союзе: тебя нельзя продать массовому потребителю, твоя виртуозность владения инструментом — для гурманов. Плохо быть и эмансипированной женщиной. Это крест, а не крылья.

Дар Риты Тимофеевой надо бы беречь, холить и лелеять. А не поступать с ней, как шоу-фирма ЛИС@С: засняли выступление — ее единственный хлеб, и два года она ждет обещанного гонорара. Фирма «Мелодия» — тоже женщина. Будем надеяться, уж она-то и дальше не оставит без внимания леди рока. А мы для начала давайте ее послушаем.

Аэлита ЕФИМОВА

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

ЭТО БЫЛО, было, было...

«Как разбираться с
делами»

США, реж. А.Хиллер

Довольно скучная попытка комедии с непродуманным сюжетом, натянутыми поворотами и натуажными репликами. Даже блистательный Джеймс Белуши не спасает положения — фильм слишком узок для него, актер просто не знает, что еще сделать, чтобы спасти картину, которая по сути — просто перелов знаменитой комедии Дж. Лэндиса «Поменяться местами». Но лента Лэндиса при всей невероятности завязки — пари двух злодеев-миллионеров — кажется намного реалистичнее и потому — смешнее, чем то, что предложил Хиллер.

НЕУЖЕЛИ ОБЯЗАТЕЛЬНО УБИВАТЬ?

«НОЧНОЙ НАРОД»
США, реж. К.Баркер

Знаменитый Стивен Кинг назвал Клайва Баркера, постановщика этой ленты, «будущей надеждой жанра ужасов». Действительно, «Ночной народ» выделяется из чудовищно-урдалачного ряда лент, которые чаще всего нам попадают. Фильм неожиданно ставит серьезнейшую проблему: легко защищать права меньшинства, если оно доброе, интеллигентное или беззащитное. А что делать, если оно — злобное, отвратительное и агрессивное? Неужели единственный выход — уничтожение его во имя человека и на благо человека?

Дневник У.

— Вы поддерживаете сексуальные меньшинства. Каким же образом?

— С помощью рок-музыки, конечно. Она имеет большое влияние на своих поклонников. Подростки расскажут своим родным и друзьям об увиденном, поинтересуются их мнением — так, через «просвещение народных масс», и произойдет смягчение общественного мнения.

— Во время съемок документального фильма вы исполнили знаменитую роль Нижинского в балете «Послеполуденный отдых фавна» и в конце — обнажились. Зачем?

— Я только выполнил первоначальный замысел автора. Сам факт обнажения меня не смущает — я снимаюсь для западных эротических журналов. Все полученные деньги отдаю в фонд «АнтиСПИД».

— Какова реакция ваших знакомых на это?

— Сначала был стресс, потом привыкли. Мой имидж тоже помогает не конкретизировать собственную частную жизнь.

— Как воспринимаются ваши номера «мужского стриптиза» на Западе?

— На «ура»! Но там нет такого патологически пристального внимания к бисексуалам, как у нас.

— Вас не пугает Указ Президента «о нравственности»?

— Он вселяет пессимизм и лишает людей свободы выбора, а значит — лишает их надежды.

— Если бы общество сексуальных меньшинств, которое сейчас борется за регистрацию, выдвинуло вас кандидатом в народные депутаты, что бы вы включили в свою предвыборную платформу первым пунктом?

— Я уже сейчас являюсь активным участником Фонда сексуальных меньшинств им. П.Чайковского. Собираю подписи за отмену 121-й статьи Уголовного кодекса РСФСР. Но за отмену не всей статьи, а только 1-го ее пункта, поскольку считаю, что сексуальный террор должен быть обязательно наказуем.

— Каковы ваши дальнейшие планы?

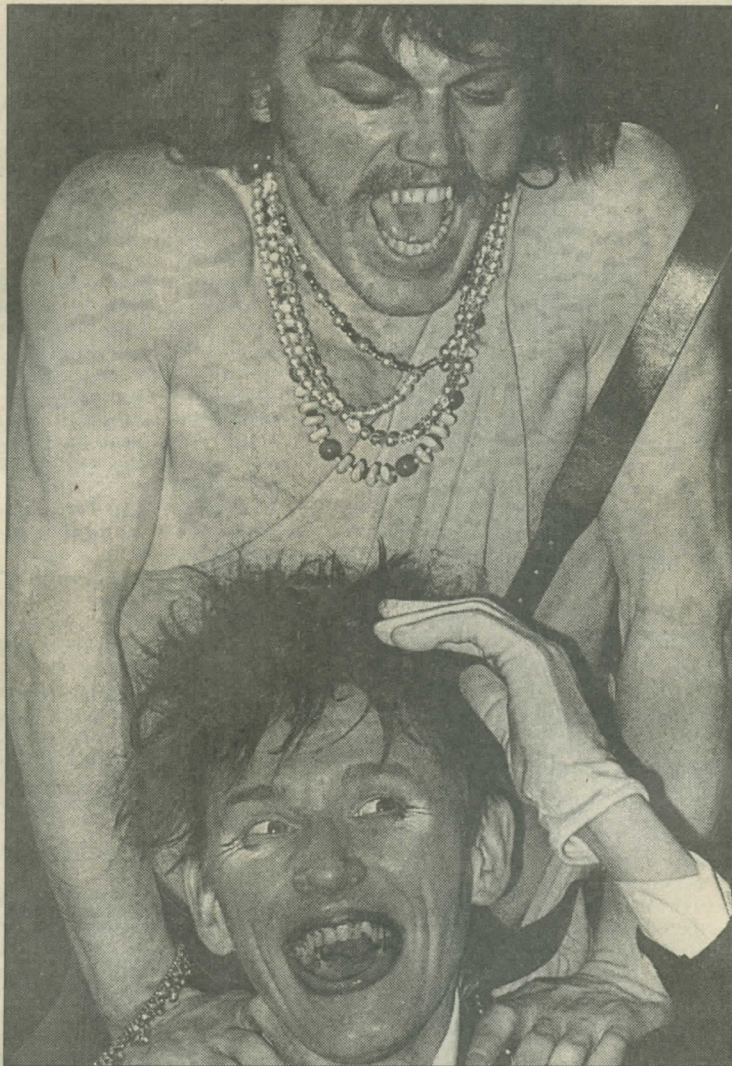
— Готовлю чисто гомосексуальную программу, для которой сам пишу песни и ставлю танцы. Работать в ней будет моя собственная группа.

— Значит, вы теперь выступаете вне «Аукциона»?

— Параллельно с ним.

Вопросы задавал В.БАТУЕВ

Концерты ленинградской рок-группы «Аукцион» можно, конечно, называть «шоу», но точнее — «шоком». Панк-рок и должен шокировать. Однако дело не только в музыке. «Аукцион» активно выступает в защиту сексуальных меньшинств в нашей стране. Один из музыкантов — Владимир Веселкин — согласился стать мишенью для нескольких вопросов по этому поводу.

В.Веселкин и О.Гаркуша

МИШЕНЬ ДЛЯ ВОПРОСОВ

Сергей МЕЛЬНИК

ПЕРВОИСТОЧНИК

Задумывались ли вы, читатель, до чего все-таки равнодушно, если не сказать «благодушно», отнеслось наше «выздоровливающее общество» к целому граду предупреждений, прогнозов, официальных заявлений: диктатура — грядет! Как мы легко и быстро отпустили с трибуны Шеварднадзе — в то время как в любой цивилизованной стране заявление об отставке с подобной формулировкой повлекло бы за собой многомесячные слушания в парламенте! Диктатура предполагает репрессии, террор. Сегодня у нас предметом обсуждения является не сам факт возможного террора, а его размах: будет ли он мягче террора 30-х годов, кого будут в первую очередь репрессировать, в какой последовательности, как долго и т.д. Собственно, что говорить о народе, когда даже те, кто так или иначе влияет на общественное мнение через прессу, принимают приход этой самой диктатуры как неизбежное зло. Как неизбежное!

ОПТИЧЕСКИЙ ОБМАН

Мой маршрут в главную библиотеку страны неизменен: общежитие бывшей высшей комсомольской школы — станция метро бывшая Ждановская — недра метро, некогда носившего имя Кагановича, — пересадка на станции, все еще называемой в честь Железного Феликса...

В 1987 году, когда отмечалось 110-летие со дня рождения «пламенного революционера, большевика Ленинской когорты» Дзержинского, международный журнал «Посев» поместил статью, в которой, в частности, говорилось: «Не будем перечислять... заслуги создателя советских органов бессудной расправы... Дзержинский умер в 1926 году, и неизвестно, как выполнялись бы им партийные решения, которые неуклонно проводили в жизнь его преемники Менжинский, Ягода, Ежов и Берия... Ранняя смерть оставила Дзержинского «великим примером служения революционным идеалам» для всех его преемников...»

Тогда, в самый разгар перестройки, такая преемственность почиталась за честь. КГБ был чуть ли не героем дня. А как иначе? «Многим приглашенным повторяли в КГБ одну и ту же парадоксальную фразу: «У нас сейчас так много работы, нам поручено насаждать демократию и гласность в стране», иронизировал в самиздатовской «Гласности» (1987, N 2—4) С. Григорьянц.

Сегодня слепая (или близорукая) вера в миф о благородных «рыцарях революции» заставляет вспомнить один из рассказов Даниила Хармса — про некоего гражданина, то снимающего, то вновь надевающего очки и, соответственно, видящего то смутное пятно, а то свирепого вида мужика, показывающего ему здоровенный кулак. Гражданин в очках, испытывая известное волнение, успокаивает себя в конце концов мыслью о том, что все это — оптический обман...

Откровенным издевательством над обществом являются заявления руководителей «насаждающего демократию» ведомства о приверженности нормам и традициям ЧК. Органы, призванные охранять безопасность порочно зачатого государства, сегодня устами своих генералов отрекаются от сталинских репрессивных методов, но по-прежнему с гордостью называют себя чекистами — ленинцами и дзержинцами. Людями с «головами, сердцами и руками» (не вспомню, какими именно...).

Писать о ЧК нужно, конечно, по первоисточникам. Таковые сохранились. Речь идет о периодических изданиях «чрезвычайек».

ПОЭМА ЭКСТАЗА

В фондах крупнейших библиотек страны хранятся сегодня: шесть номеров «Еженедельника Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контр-революцией и спекуляцией», выходившего в Москве с 22 сентября по 27 октября 1918 года, и по одному номеру журнала «Красный Террор» (Еженедельник Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией на Чехословацком фронте. Казань, 1 ноября 1918 г., N 1) и газеты «Красный Меч» («Орган Политотдела Особого Корпуса войск В.-У.Ч.К.», Киев, 18 августа 1919 г., N 1). Считается, что это — все номера перечисленных изданий, которые увидели свет.

В лучших традициях партийной публицистики начну с правительственного постановления, опубликованного в 1-м номере «Еженедельника ВЧК».

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью;

Что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии и внесения в нее большей плановости необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей;

Что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях;

Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам;

Что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры.

Секретарь Совета Л. Фотиева
Москва, Кремль
5-го сентября 1918 г.»

Вот такой, чрезвычайно важный документ.

Формально он связан с покушением на жизнь Ленина (имя Ф.Каплан без каких-либо комментариев можно обнаружить в списке имен 90 расстрелянных в Москве «террористов» в последнем, шестом номере «Еженедельника ВЧК»).

А сколько всего «вражеских голов» осталось в ту пору в чекистских рвах в отместку за одну горячую головушку — ни один журнал не вместит!..

«Мы железной метлой выметем всю нечисть из Советской России, — писал в журнале «Красный Террор» заместитель ВЧК на Чехословацком фронте Лацис. — Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он (обвиняемый. — С.М.) против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какое у него происхождение, какое образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного Террора».

Страницы чекистских изданий тотчас заполнили донесения с мест.

Вот, к примеру, сообщение из Иваново-Вознесенска, с «родины красных ткачей»:

«В области по борьбе с контр-революцией комиссиями взято в виде заложников в общем количестве 184 виднейших представителей местной крупной буржуазии и несколько лидеров социал-предателей. Комиссиями произведено несколько расстрелов... Кинишемская уездная Чр.К. оборудовала для своих белогвардейцев концентрационный лагерь на 1000 людей» («Еженедельник», N 3).

Естественно, многое в эти донесения не входило. Но уже по тем фактам, которые афишировались карателями, можно составить представление как о масштабах «борьбы с контрреволюцией», так и о ее методах.

Надежным средством подавления смуты, наряду с

расстрелами и концлагерями, которые отличались от расстрелов лишь тем, что люди там умирали дольше и мучительнее, стал «институт заложничества».

«В одном Кожуховском концентрационном лагере под Москвой (в 1921—1922 гг.), — рассказывает Мельгунов, — содержалось 313 тамбовских крестьян... в числе их — дети от 1 месяца до 16 лет. Среди этих раздетых... полуголодных заложников осенью 1921 года свирепствовал сыпной тиф. Мы найдем длинные списки заложников и заложниц за дезертиров, например, в «Красном воине» (12/XI—1919 г.). Здесь вводится даже особая рубрика для некоторых заложников: «Приговорен к расстрелу условно».

Вскоре расстрел стал рядовым явлением. В расход пускали заводчиков, купцов, инженеров, фельдшеров, учительниц, священников... Проще перечислить те категории населения, которые не подлежали расстрелу. Практиковались расстрелы на месте, без суда и следствия. В первую очередь это касалось заложников. Чекисты не мучились в подборе формулировок для обоснования правомерности казни. В «Еженедельнике ВЧК» и в «Красном Терроре» после фамилий расстрелянных читаем: «отставной артиллерист, капитан, правый»... «маклер, правый»... «лидер местного отделения партии Народной воли»... «жена кулака»... «бывший охранник»... «лесничий»... «сын заводчика»... «бывший редактор газеты»... «бывший студент, выдающий себя за матроса, при переводе в арестное помещение пытался бежать»...

Были групповые обвинения: «шестнадцать кулаков за насилие над красноармейцами», или «трое за шулерское обгрызание в карты бывшего председателя Земельного отдела Псковского Губсовета Белова», или «пятеро как явные противники Советской власти». Существовали канцелярские штампы, облегчавшие «работу» составителям списков убитых ими: «приверженец старого строя» или «за контр-революционность». А когда и вовсе лень было тужиться — сходило так, без фамилий и вменяемой вины, просто двузначное число.

Была, однако, такая категория казненных, сообщения о которой представляли собой настоящие шедевры, образцы красноречия, целые детективные сюжеты. Речь идет о «своих» — не оправдавших доверия или излишне переусердствовавших в исполнении обязанностей: «Комиссар В.Ч.К., пытавшийся продать револьвер милиционеру. При попытке милиционера задержать преступника, он, желая покончить с собой, произвел в себя два выстрела, ранил себя в грудь и в бок».

Поэма экстаза — или сюжет для небольшого рассказа...

Или — вот: «Серемягин, бывший комиссар продовольствия, за спекуляцию, мародерство, растраты народных денег, пьянство и вооруженное сопротивление при аресте Чрезв. Комиссией».

В Юхнове «по постановлению Чрезвычайной Комиссии расстрелян секретарь означенной комиссии Михаил Кудряв за подлоги и спекуляцию. Кудряв выдавал себя за председателя Чрезвычайной Комиссии и вымогал у родственников арестованных взятки».

В другом месте — расстреляли «бывшего члена Чрезвычайной Комиссии за попытку изнасилования арестованной, пьянство и прочее».

Чекисты сокрушались: «Также привлечен к ответственности член Высшей Военной Инспекции... Тов. Подвойский пожалел, что его не расстреляли».

И уж вовсе откровение:

«Тов. Зиновьев считает, что взяточничество комиссаров в 5 рублей должно так же караться, как в 5 миллионов, что красноармеец, захвативший крынку молока, также достоин расстрела».

Большевики и в те времена не могли поступиться принципами: грабить награбленное тоже надо с оглядкой!

Кажется — так: жестокость — но по отношению ко всем. Принцип есть принцип. И точка!

Ан нет. Дифференцированный подход все же имел место и в то «романтическое время»...

О том, как вершилось в ЧК правосудие, дает представление документ, опубликованный в «Еженедельнике»:

«Протокол заседания Западно-областной Ч.К.:

...Дело Романова Захара, бывшего стражника Поречского уезда, отличавшегося жестоким обращением с крестьянами и поркою их. Постановили: Расстрелять...

Дело Бражко, обвиняемого в пьянстве и убийстве. Постановили: заключить в тюрьму на три месяца...

Дело Гончарова Ефима, начальника района милиции, и милиционеров Пирогоу, Козлова и Егорова, обвиняемых в служебных злоупотреблениях. Постановили: освободить...

Дело Гладышева Василия, бывшего пристава города Смоленска. Постановили: расстрелять...

Дело Петрова, бывшего полицейского пристава, работающего в отделении по борьбе со шпионством... освободить как нужного работника».

Комментарии, кажется, излишни...

Окончательный итог «ленинского призыва» одному Богу известен — во всяком случае, ни Совнаркому, ни ВЦИК до этого дела не было. Их вполне устраивала ситуация, при которой:

«...В своей деятельности В.Ч.К. совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы...»

Это разъяснение было опубликовано во втором номере «Еженедельника ВЧК» и являлось руководством к действию.

Дальше — больше. Аппетиты чрезвычайцев росли пропорционально аппетитам большевиков. Постепенно у идеологов и практиков террора возникло сомнение в целесообразности сохранения дипломатической неприкосновенности иностранцев. В № 3 «Еженедельника» появилась статья трех местных авторов — главного уездного коммуниста, чекиста и военкома — под заголовком «Почему вы миндальничаете?». Речь шла о деле Локкарта. Авторы считали, что отпустить дипломата из ЧК — преступление! Их приговор гласил: «Пойман опасный прохвост. Извлечь из него все, что можно, и отправить на тот свет».

Да что дипломаты! Вот выдержка из помещенного все в том же «Еженедельнике» отчета о конференции ЧК Северной коммуны (Петроград, 15—18 октября 1918 г.):

«Тов. Зиновьев касается внутренней жизни Чрезвычайных Комиссий и отмечает с прямотой коммуниста нежелательные явления споров о том, что выше в государственной работе. Он указал пример, что в одной Ч.К. возникал вопрос, может ли она в случае надобности арестовать Совет Народных Комиссаров».

Здесь же тов. Зиновьев снимает все сомнения по поводу решения международных проблем: «Председатель Совета Народных Комиссаров (Петроградского. — С.М.) убежден, что тов. Бокию придется ездить в Берлин, давать уроки по организации Чрезвычайной Комис-

сии и созывать конференцию в мировом масштабе, — это вопрос будущего».

Не правда ли, впечатляет «громადье планов»? И ведь — будут пытаться, вплоть до недавних пор, их воплотить в жизнь...

СТРЕЛЬЦЫ И ОПРИЧНИКИ

От мала до велика... Наши «историки» в своих панегириках ЧК особенно проникновенные и пламенные строки посвящали этому «всемирному содействию» карателям:

«...Рядовое явление — когда два-три члена комитета бедноты ведут в чрезвычайную комиссию под конвоем скрывающегося буржуа, кулака, самогонщика, дезертировавшего красноармейца и т.д.».

Доблестные чекисты не только не отказывались от услуг «добровольных помощников» (современный термин КГБ), но и сами насаждали гнезда стукачества, выполняя вердикты чиновников террора — как, например, «Об агентуре в деревнях, военкоматах». Впрочем, социальная база у них была: голь, как известно, не только хитра на выдумки, но и скоро на расправу. «Сама жизнь» ставила вопросы, на которые чекистам приходилось давать немедленный ответ. В сообщении ЧК из Иваново-Вознесенска читаем:

«Характерно то, что поднятию деятельности Чр.К. способствуют самые широкие народные массы... По собственному почину создают комитеты и комиссии для борьбы с классовыми врагами... В конечном итоге пришлось только санкционировать таковые начинания и разграничить сферу деятельности».

Самосуд стал «законом!» Это вам не «мертвый кодекс законов», против которого печатно протестовали идеологи ЧК. Это — воля народа!

Депеша из Ядринского уезда:

«Комиссия работает хорошо. Положение уезда хорошее. Во всех деревнях Комиссией образованы комитеты бедноты... Комбеды для нас лучшая опора и лучше всяких агентов».

Чрезвычайки не только «образовывали комитеты бедноты», но и переизбирали Советы. И в Красную Армию призывали. Чем только они не занимались, великие труженики, насаждая советскую власть!

Так создавалась армия стрелцов диктатуры. Теперь — об опричниках. О чистоте чекистских рядов.

В № 6 «Еженедельника ВЧК» редакция ввязывается в спор с «оппонентами», которые «заявили даже, что в Чрез.Ком. идут люди, готовые заниматься бандитизмом». Журнал приводит «сводку анкетных данных» пятнадцати Губчека, в которой единственная графа — партийность. Всем должно быть ясно, что ЧК «конструировались при активном и ближайшем участии коммунистической партии». Ну, нас-то вряд ли стоит в этом убеждать...

Вот что, однако, пишет о рядовом составе ЧК в книге «На заре красного террора» (Берлин, 1929) Аронсон:

«Больше всего меня поразило, что среди чекистов (речь идет об одной из Губчека. — С.М., почти нет коммунистов. В Чеку — да пустить нейтральных, беспартийных. И затем: почему бы чекистам не записаться в партию? Оказывается, дело не так просто. Большинство чекистов — простой народ, черная кость... Кто освободился таким путем от мобилизации на фронт, кто соблазнился двумя фунтами хлеба в день и жалованием, кого потянуло русское озорство, а кто по неспособности к производительному труду пришел в чекисты. Одному льстит, что его сверстники, с которыми он в детстве играл в бабки, сейчас его побаиваются, а другого прельстила бездельная, легкая жизнь и безнаказанность человека с ружьем. К партии, к коммунистам у большинства чекистов сложилось отношение почтительное и боязливое, как к господам, барам — а в глубине души царило к ним равнодушие или недоброжелательство».

Поразительно точное наблюдение! В значительной мере отвечающее на мучительный вопрос: как, каким образом удержались в этой стране большевики? В книге «Кремль за решеткой» (Берлин, 1922) приведено другое свидетельство — письмо одной из бесчисленных жертв ЧК:

«В Уфимской губернии было восстание, подавленное с жестокостью средних веков. По официальным данным расстреляно 10 тысяч крестьян, а по неофициальным — 25 и больше. Когда поговоришь с рабочими и крестьянами, то кажется чудовищным, как большевики могут держаться, когда около 99 процентов населения против них. Это может быть только при отчаянной запуганности населения...»

Думаю, права была в одном из своих выводов Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, созданная при главнокомандующем на Юге России, обнаружившая в 1919 году особое «заключение» (находится в спецхране «Ленинки»):

«Полное разнуздание страстей и похотей является главной приманкой для темной массы народа. На этом и на терроре большевики строят свою власть»...

«ВСЕ РАЗРЕШЕНО»

В предисловии к сборнику «Че-Ка: Материалы по деятельности» (Берлин, 1922) один из лидеров правых эсеров, В.Чернов, писал:

«Пусть не говорят нам... что террористический режим был большевистской власти навязан, как единственное средство спасения, всей исторической обстановкой...»

Никакая самооборона не может оправдать ни диких издевательств, ни изнасилований, ни коррупции... — возражает автор адвокатам большевизма, которых в Европе было предостаточно тогда, не меньше и сегодня. — Ссылаться же на антиподов из белого лагеря — значит косвенно сознаваться в собственном ужасоущем и бесповоротном падении...»

Пытался проанализировать причины «падения» большевиков и С.Мельгунов: «Я не избегаю характеристики белого террора... Я допускаю, что мы можем зарегистрировать здесь факты не менее ужасные...»

Но нельзя пролить более человеческой крови, чем это сделали большевики, нельзя себе представить более циничной формы, чем та, в которую облечен большевистский террор... Это система планомерного проведения в жизнь насилия (подчеркнуто мною. — С.М.), это такой открытый апофеоз убийства, как орудия власти, до которого не доходила еще никогда ни одна власть в мире...»

И далее — уже для тех, кто и сегодня кивает на «белый террор»: «Это прежде всего эксцессы на почве разнузданности власти и мести. Где и когда в актах правительственной политики и даже в публицистике этого лагеря вы найдете теоретическое обоснование террора, как системы власти? Где и когда звучали призывы к систематическим официальным убийствам?..»

Как бы в продолжение этой мысли В.Чернов считает, что обществу, навязанному большевиками, больше всего соответствовал «примитивный, потребительно-распределительный грубый военный коммунизм». История подтвердила это и продолжает подтверждать до сих пор.

И, право, трудно сразу определить, когда — в 1918-м, в 1938-м или поближе к нашим дням — сделано было нижеследующее заявление:

«Наша мораль — новая, наша гуманность — абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам все разрешено...» Что может быть еще страшнее? Оказывается, может: «Жертвы, которых мы требуем, — жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды».

Обе цитаты — из одного источника: чекистской газеты «Красный Меч»...

Этот сатанинский культ положил на алтарь большевизма десятки миллионов жизней. Можно только гадать, скольких жизней стоила «абсолютная гуманность» кучки маньяков в первые годы (1917—1922). С.Мельгунов считает, что в те «легендарные годы» чекисты расстреливали в среднем 1,5 миллиона человек в год. К этому можно (и нужно, ибо все это — звенья одной цепи) добавить сотни тысяч убитых на фронтах гражданской войны и около 13 миллионов умерших от голода и болезней в первые послеоктябрьские годы.

О том, что было после, — уже так много написано...

Но я — о другом: вопрос о первоисточнике, о ответственности карательных органов — по сей день остается открытым.

Михайло Михайлов (Михаил Николаевич Михайлов) — «югославский Сахаров», как называла его в 60—70-х годах западная пресса, — вышел из широкого диссидентского движения Восточной Европы после отставки Н.С.Хрущева в 1964 г.

После окончания в СССР короткой хрущевской оттепели М.Михайлов стал пешкой в игре по очередной нормализации советско-югославских отношений. Советский посол в СФРЮ предпринял официальный демарш против публикаций филолога в журнале «Дело», его публично поддержал всесильный тогда Иосип Броз Тито, публикации прекратились, а Михайлова в марте 1965 г. арестовали и уволили из университета. Суд приговорил его к тюремному заключению за «клевету против дружественного государства».

Дальнейшая судьба Михайлова напоминает судьбу Милована Джиласа — его то арестовывают, то, под давлением международной общественности (писательского ПЕН-клуба, Международной Лиги прав человека и др.), выпускают, но не дают штатной работы. Такие «качели» длятся с 1965 по 1977 год, т.е. 12 лет.

В конце концов после выступлений ряда участников Белградской конференции по гуманитарному сотрудничеству и правам человека в 1977 г. Михайлова освобождают окончательно, выдают заграничный паспорт, и весной 1978г. он выезжает на Запад, сначала в Европу, а затем в США, где он обосновывается на постоянное жительство сначала как преподаватель ряда университетов, а затем как политический обозреватель вашингтонского бюро радио «Свобода» (ведет постоянную передачу «Демократия в действии»).

В тюрьме и на свободе, помимо «Лета Московского», Михайло Михайлов опубликовал несколько книг — «Русские темы» (1966), «Абрам Терц, или бегство из реторты» (1967), «Мертвый дом» Достоевского и Солженицына» и другие.

Однако мировую известность ему принесла книга «Планетарное сознание» (первое английское издание 1976 г. вышло под названием «Подпольные записки»).

Ниже публикуется отрывок из этой книги, посвященный злободневной сегодня теме о «германских деньгах» для большевиков. (см.: «Столица», 1991, N 1, 4). Не со всеми выводами автора можно согласиться, но он представляет «третью» точку зрения на Западе на эту в целом второстепенную проблему, пытаясь быть арбитром в споре А.И.Солженицына и Б.Суварина.

Владлен СИРОТКИН,
доктор исторических наук

Недавно на страницах французского журнала «L'Histoire» и парижской «Русской мысли» разыгрался спор между Александром Солженицыным и французским историком Борисом Сувариним о том — брал ли Ленин в 1917 году деньги от немецкого правительства или нет. В спор вмешались и другие авторы, а редакция «Русской мысли» заявила, что будет приветствовать присылку и других материалов, так как «тема этой полемики носит характер слишком большой исторической важности». Несмотря на то, что прямых доказательств о получении большевиками немецких денег пока что нет, в чем Борис Суварин совершенно прав, — для каждого, кто знаком с историей большевистской фракции русской социал-демократической партии до революции, является самоочевидным, что если в самом деле германское имперское правительство предложило 50 миллионов золотых марок на поддержку большевистской пропаганды, то Ленин бы не отказался. Дураком был бы Ленин, не использовав внезапную поддержку в тот самый решительный момент, после падения самодержавия. Об основателе первого в истории тоталитарного строя, конечно, можно сказать, что он был злодеем, каких свет не видел, однако никак

Был ли **ЛЕНИН** агентом германского Генштаба?

Михайло МИХАЙЛОВ

СПОР НЕ ПО СУЩЕСТВУ

нельзя сказать, что он был дураком. Для каждой политической партии, а не только революционной, денежные средства на пропаганду являются вопросом жизни и смерти. Большевики в этом отношении отнюдь не были щепетильны. Довольно того, чтобы вспомнить об использовании «экспроприированных» денег грузинского банка, то есть просто награбленных под руководством Иосифа Сталина, или скандала с арестом в Швейцарии видного большевика и будущего первого советского министра иностранных дел Литвинова при попытке «реализовать» награбленные деньги. Поэтому если немцы дали деньги, то большевики их взяли, в этом Солженицын совершенно прав.

И тем не менее нет абсолютно никаких причин считать такой факт (если он имел место) столь исторически важным и решающим, как это кажется участникам спора.

Несмотря на то, что уже более полувека известно заявление идеолога II Социал-демократического интернационала Эдуарда Бернштейна о финансировании Германией большевистской пропаганды в 1917 году, ни это заявление, ни большая вероятность его правдивости никакого особенного впечатления не произвела ни

на западных коммунистов, ни на их противников. Просто весь этот случай не считался настолько важным. Очевидно, надо было появиться людям, полностью с детства воспитанным в Советском Союзе на «культе Ильича», привыкшим к вечной пропаганде о «наймигах империализма», «изменниках родины», «диверсантских заданиях», для того чтобы вопрос о немецких деньгах вдруг приобрел в наше время такое значение. Для людей же, живших в нормальных, а не советских условиях, вопрос о том, использовал ли Ленин немецкие деньги или нет, в самом деле является малозначительным. Что меняется в случае, если Ленин деньги взял? Разве коммунистический тоталитарный строй был бы лучше и гуманнее без немецких денег? Разве русская империя не рухнула бы без этих пятидесяти миллионов, по всей вероятности, все же полученных большевиками начиная с апреля 1917 года?

Вот Солженицын пишет: «И на эти деньги большевики становили на ноги и осуществляли именно такие тиражи сотен газет и листовок, которые в три месяца разложили десятиmillionную армию, что и требовалось». Совершенно верно, что с апреля до августа 1917 года тираж сорока одной большевистской газеты возрос на 320000 экземпляров ежедневно. И тем не менее для того, чтобы заразить своими идеями, и то в течение только ста дней, всю российскую многомиллионную армию, — совершенно необходимым условием являлась полная подготовленность людей к большевистским лозунгам и желание следовать за ними. Мало ведь того, чтобы печатать газеты. Необходимо ведь, чтобы люди хотели их читать, тем более в демократических условиях того времени, когда каждая политическая партия свободно печатала свои газеты. Уверенность Солженицына в том, что «такие тиражи...» в три месяца разложили десятиmillionную армию..., очень смахивает на убежденность советского прокурора, что неподцензурная печать «разлагает общество, государство и армию». Позволительно спросить — да какое же это было государство, которое можно было разрушить за сотню дней, да за 50 миллионов марок, истраченных на печатание газет? Почему же это миллионные тиражи коммунистических газет в демократических странах не разрушают государственный строй? Десятилетиями Россию разрушали не только в общей сложности очень малочисленные революционные партии, а главным образом бездарное правление руководящего слоя Российской Империи; нежелание проводить назревшие реформы; нежелание пойти по пути других европейских монархий, ставших уже в XIX столетии конституционными; трагическое опоздание с земельной реформой; неумелое ведение войны, и т.д., и т.д. Только в таких условиях клич, брошенный большевиками, — «Мир и земля!» мог быть воспринят миллионами русских солдат. Кстати, в разложении русской армии намного более повинен «Приказ N 1» Временного правительства, чем тиражи большевистских газет.

Совершенно очевидно, что и без немецких денег на финансирование газет большевистские демагогические лозунги в российских обстоятельствах 1917 года имели бы немалый успех. Как известно, в то время большевики выступали за мир без всяких контрибуций, аграрную реформу и требовали как можно скорее провести выборы в Учредительное собрание. Популярность этих лозунгов отнюдь никак не зависела от немецких денег (если они были). Можно легко себе представить, что, не имея большевики возможности выпустать

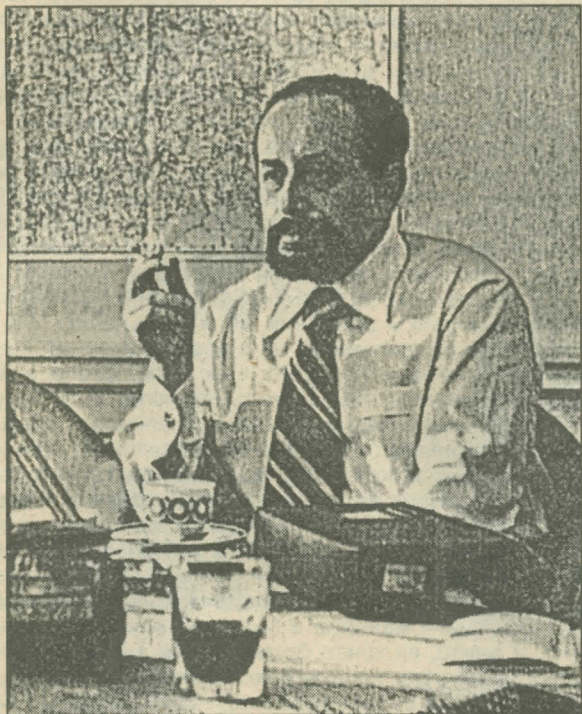
газеты таким тиражом, — благодаря преступному постоянному откладыванию выборов в Учредительное собрание со стороны Временного правительства, — произошёл бы не «октябрьский», а «ноябрьский» или «декабрьский» переворот. Вот все это было прекрасно известно плеяде блестящих русских мыслителей и публицистов из первой эмиграции, и поэтому вопросу о немецких деньгах никто не придавал серьезного значения.

Для западных коммунистов этот вопрос тоже не имел большого значения, кроме элемента антикоммунистической пропаганды, просто потому, что всем было самоочевидно, что не Ленин послужил немецкому правительству (если брал деньги), а сам его использовал. Кстати, расчет Ленина был совершенно правильным: не прошло и полтора лет, и немецкое правительство, пропустившее несколько сот русских революционеров в поезде через свою территорию, рухнуло вместе с немецкой монархией. Правда, Ленин надеялся на большее — на то, что и в Германии произойдет успешная коммунистическая революция.

Комичнее всего то, что очень часто люди, ужасающиеся тем, что Ленин проехал в поезде из Швейцарии в Швецию через Германию, страну, воюющую в то время с Россией, — в то же время полностью оправдывают и защищают генерала Власова, который не то что не сумел использовать немцев, а волей-неволей им послужил в борьбе не только с Красной армией, но и с западными союзниками. Кстати, надо подчеркнуть, что, в отличие от гитлеровской Германии, вильгельмовское правительство отнюдь не преследовало идею физического уничтожения и порабощения русского народа, а все силы направляло к осуществлению сепаратного мира с Россией.

Тот факт, что генерала Власова в самом деле можно оправдывать на том основании, что он был уверен, что сталинская диктатура — намного более опасный враг русского народа, чем немецкая армия, показывает, насколько нелогично и бессмысленно обвинение Ленина в «государственной измене». Именно это делает Солженицын в своей полемике с Борисом Сувариным. Очевидно, Солженицын забывает, что Временное правительство, то есть в тот момент единственное легальное российское правительство, не только не осудило Ленина и несколько сот других революционеров за проезд по железной дороге через Германию, а даже приветствовало приезд Ленина в Россию. Солженицыну вторит и даже ставит точки над *i* израильский профессор М.Френкин. Этот Френкин так и пишет черным по белому: «В. Ленин предал свою страну и народ... Ленин и его единомышленники претворили в жизнь эти германские задачи диверсионного характера... Государственная измена и предательство интересов своей страны со стороны В. Ленина заключались не столько в получении им германских денежных средств для борьбы с его родиной... Суть дела заключалась в том, что русский гражданин В. Ульянов-Ленин заключил с противником своей родины формальное соглашение». Профессор Френкин разыскал даже якобы «германофильские и холопские статьи» Ленина.

В самом деле, смехотворно звучит обвинение Ленина и большевиков в государственной измене. Ленин был лидером одной фракции русской социал-демократической партии, и не только его фракция и не только русская социал-демократическая партия десятилетиями вели борьбу за свержение русского самодержавия. Вели пропагандой, подпольной литературой, террором, а когда представилась возможность, то и в Думе. Все партии так называемой русской «революцион-

М Михайлов

ной демократии» совершенно открыто преследовали цель изменения государственного строя и свержения русской монархии. Однако, в то время когда другие революционные партии, и даже меньшевистская фракция русской социал-демократической партии, выступали за демократическую, парламентскую систему, ленинская фракция открыто боролась за введение так называемой «диктатуры пролетариата». И когда разразилась первая мировая война, то в европейском социал-демократическом движении произошел раскол. Кроме сербской социал-демократической партии, все другие европейские социал-демократы проголосовали за поддержку своих правительств, несмотря на то, что и дальше их считали классовыми врагами. Ленинская фракция и еще маленькие фракции некоторых других социал-демократических партий во время войны, в Швейцарии, на конференции в Циммервальде, открыто выступили за поражение правительства своих стран и за превращение мировой войны между государствами в гражданскую против так называемых «классовых врагов». Уверенность большевиков, что поражение русского государства в войне вызовет революцию, была полностью обоснована. Первая русская революция 1905 года явилась результатом именно поражения в русско-японской войне. Кстати, без немецких денег.

Если серьезно поверить в то, что для перестройки мира, разрушения несправедливого эксплуататорского строя, для освобождения всех человеческих способностей и сил необходимо хотя бы на короткое время введение «диктатуры пролетариата», — тогда все, что делал Ленин, полностью оправданно. Что есть бессмысленнее, чем предъявлять обвинение в «государственной измене» партии, десятилетиями открыто воевавшей с государством? Ведь большевики же совершенно открыто выступали за поражение Российской Империи, ко-

торое должно было бы привести к революции, «пролетарской революции» во всех европейских странах. Вот поэтому совершенно последовательно Ленин и утверждал, что поражение Российской Империи будет означать введение в мировую пролетарскую революцию. И поэтому Плеханова, меньшевиков и социал-демократов других европейских стран он и называл «социал-предателями».

Да не только Ленин, а вот и Максим Горький еще до первой мировой войны, в 1907 году, опубликовал свое известное обращение к французской общественности с призывом воспрепятствовать большому государственному займу, который Франция собиралась дать России. Никто за это не назвал Горького предателем и «изменником родины», как теперь никто в демократическом мире не называет так Солженицына за его точно такие же обращения к Западу в наши дни. А если бы какое-нибудь нынешнее западное государство, в тех же целях — восстановления мира или недопущения войны, — предоставило миллионные кредиты на распространение солженицынского «Архипелага ГУЛАГ» или других антисоветских книг или на постройку мощных радиостанций, вещающих правдивое слово на Советский Союз, — разве кто-либо, кроме КГБ и вождей КПСС, протестовал бы? Разве Солженицын назвал бы это «государственной изменой»? А ведь речь идет не только о русской эмиграции, от Бердяева до Солженицына, политически, идейно и духовно воюющей с тоталитарным строем, что для людей, отождествляющих государство и народ, является чистойшей воды изменой. Разве Солженицын скажет хоть слово против тысяч немецких эмигрантов, антинацистов, во время второй мировой войны воевавших не только пером и словом, но часто и с оружием в руках против армий своей родины? Так же, как и нынешняя русская эмиграция, и немецкая состояла из писателей, артистов, ученых. Нобелевский лауреат Томас Манн, Бертольд Брехт, Вилли Брандт, Марлен Дитрих и десятки других известнейших людей годами делали то же самое, что теперь делает русская эмиграция. Нельзя никак забывать, что в Нюрнберге после войны судили именно за исполнение долга перед правительством своей родины, а не за измену.

Все это показывает, что в наше время просто бессмысленно говорить о «государственной измене», о верности своей родине, несмотря на политическую систему, которая в ней господствует. То есть бессмысленны именно все обвинения против Ленина и большевиков в полемике между Солженицыным и Сувариним. Ленин и большевики в миллион раз больше повинны, но в другом, а не в том, что Ленин проехал через Германию и что, может быть, взял немецкие деньги для печатания своей «Правды». Сами по себе и этот проезд через Германию, и возможное финансирование немецкими деньгами большевистских газет отнюдь не являются такими страшными деяниями. Настоящий спор ведется только между двумя духовными, идейными и политическими установками, между людьми, оправдывающими насилие и диктатуру как средства, обычно временные, видимые якобы в интересах своего народа, или класса, или всего человечества, и — людьми, знающими, что — словами Бердяева — «насильно вводимое добро превращается во зло». Вот спор между этими двумя установками и явился бы настоящим спором, спором по существу. Особенно важным такой спор может быть потому, что Солженицын и многие другие русские эмигранты нередко выступают в оправдание авторитарного строя для

будущей России и этим напоминают большевистскую фракцию русской социал-демократической партии, задолго до падения самодержавия ратовавшую за будущую диктатуру. По сравнению с таким спором по существу вопрос о поддержке вражеского государства — совершенно несуществен. Изменить можно только человечности и человечеству, но никак не своему государству. А человечности нет без свободы. Значит — изменить можно только свободе.

В наше время мир стал настолько маленьким и взаимозависимым, что, конечно, все, что происходит в нацистской Германии, или в коммунистическом Советском Союзе, или в Китае, или в Африке и т.д., — еще как касается всех жителей Европы, Америки и вообще всего мира. А поэтому можно с уверенностью сказать, что больше никогда в истории ни один народ, ни одно государство не сможет рассчитывать на то, что само по своему усмотрению будет распоряжаться на своей территории. Коммунистическое движение, хотя и основанное на ложных предпосылках «классовой солидарности» и на ложных идеях насилия как «повивальной бабки истории», и так называемой «диктатуры пролетариата», — все же является первым общемировым движением новейшей истории. В этом его сила и его правда. Интернациональному тоталитаризму можно противопоставить только тоже интернациональным демократическим движением. Трагедия нашего мира в том, что такого движения даже в идейном плане все еще не существует. Борьба ведется именно не между государствами, а между демократией и тоталитаризмом.

В споре с Сувариным Солженицын, как он это вообще

стал делать в последнее время в своих статьях, упоминая коммунизм, начинает просто писать банальности. Он, например, пишет — «бандитский октябрьский переворот», «Коминтерн для России был вампир, выпивший ее кровь и соки», и так далее. К сожалению, этот прием не усиливает, а, наоборот, ослабляет впечатление от чтения его новейших текстов. Таких переворотов против легального правительства происходит в мире бесчисленное количество, и не всегда в худую сторону. Так что опять нельзя сказать, что переворот сам по себе является злом. Я уверен, что Солженицын приветствовал бы переворот в нынешнем Советском Союзе. И Ленина, и Дзержинского, и Троцкого, конечно, можно назвать фанатиками и злодеями, но, к сожалению, они не были просто бандитами. И, ни в коем случае не желая защитить Ленина и Троцкого и их дело, мне все-таки хочется напомнить, что, до того как попал в тюрьму, и сам Солженицын верил в коммунистические идеалы, был комсомольцем и капитаном Советской Армии и арестован был за критику Сталина с «ленинских позиций». Это несмотря на то, что вырос в стране, в которой уже прошла насильственная коллективизация, кровавые чистки и все прочее. На каком же основании можно ставить Ленину в упрек фанатичную веру в коммунистические идеалы, да еще в те времена, когда «пролетарская революция» маячила в будущем, как светлая приманка, а никто, включая большевиков, не мог знать, к какому кровавому концлагерю приведет их борьба за насильственное создание рая земного? Особенно Солженицыну не стоит об этом забывать.

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ
ЧИТАТЕЛЕЙ

«СТОЛИЦА» —

ЕДИНСТВЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛ, КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ ЗАРУБЕЖНЫМ
ПОДПИСЧИКАМ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ЧТО И СОВЕТСКИМ!

По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь по адресу:

ECONEWS
BOX535
1001 LAUSANNE
SWITZERLAND

TEL. 41.21-311.45.05
FAX. 41.21-311.45.11

	ЦЕНА НОМЕРА В РОЗНИЦУ:
Швейцария	4,90 шв. фр.
Франция	20 фр. фр.
Германия	5,60 н. марок
Великобритания	1,90 ф. ст.
Другие европейские страны	3,80 ам. долл.
Израиль	5,15 шек.
США	4,25 ам. долл.
Канада	4,85 кан. долл.
Другие страны	4,25 ам. долл.

ЦЕНА НОМЕРА
ПО ПОДПИСКЕ:

3,43 шв. фр.
14 фр. фр.
3,94 н. марок
1,34 ф. ст.
2,68 ам. долл.
3,60 шек.
2,98 ам. долл.
3,40 кан. долл.
2,98 ам. долл.

30%
скидки
подписчикам!

Mr./Ms. Family name

Address _____

Town/City _____

Postcode _____ Country _____

Please charge: Access/Mastercard/Eurocard Visa Diners Club American Express

Please bill me later

Card No. _____ Card expiry date _____

Signature _____

72 Weeks

52 Weeks

36 Weeks

26 Weeks

В стоимость подписки
включена доставка
авиапочтой.

Please send this coupon to ECONEWS Box535 Lausanne1001 SWITZERLAND.

СЧАСТЛИВЫЙ

ЧЕЛОВЕК

МИХАИЛ

ЛЕВИТИН

Фото В. Помигалова

Левитин знаменит.

«Вся Москва» ходит на его спектакли, по крайней мере с начала 80-х, когда появились «Чехонте в Эрмитаже», «Хармс! Чармс! Шардам! или Школа клоунов», «Соломенная шляпка». Левитин знаменит, ибо даровит, и даровит разносторонне. Кроме двух десятков спектаклей, за четверть века в Москве, Ленинграде и Риге Левитин выпустил в свет три книги прозы: «Чужой спектакль», «Болеро», «Мой друг верит».

Левитин не только знаменит и даровит, но еще и признан. Принадлежа к поколению режиссеров, несколько бравирующих своей действительно драматически путанной и неустроенной судьбой, 45-летний Левитин как-то естественно и без лишнего шума сделался главным режиссером театра «Эрмитаж», а его спектакль «Вечер в сумасшедшем доме» по обзриутам был признан московскими критиками едва ли не премьерой номер один прошлого сезона.

Наконец, Левитин чудовищно дерзок. Его последняя постановка — «оперетка-обзриу» «Парижская жизнь» — явилась в разгар всего того, о чем не будем как о грустном. Грохочет на сцене «Эрмитажа» этот соблазнительно роскошный и мудро легкомысленный спектакль, а мы сидим в уютном кабинете Левитина, и хозяин приглашает репродуктор.

— Говорят, вы родились в Одессе. Или это легенда?

— Легенда, легенда. Сама Одесса — легенда, и все, кто в ней родились, — люди из легенды. В Одессе густой быт, в Одессе большие страсти, в Одессе море, свобода... у моря. В Одессе есть ощущение, что ничего тебе не грозит. С этим ощущением и стараюсь жить.

— И вот из Одессы вы приехали в Москву, поступили в ГИТИС... в 17 лет.

— Что-то, вероятно, показалось обнадеживающим Ю.Завадскому и И. Анисимовой-Вульф. Пока учился, поставил в Казанском драмтеатре «Вар-

шавскую мелодию» Л.Зорина, а в Рижском ТЮЗе — «Синюю птицу» Метерлинка. Для взрослых. Мой первый спектакль в Москве — «Как господин Мокинпott от своих несчастий избавился» Петера Вайса в Театре на Таганке. Я очень благодарен Любимову — 20-летнему человеку дал спектакль. Это он сейчас говорит, что навел обо мне какие-то справки, но я-то помню, что вошел к нему просто с улицы.

— Общение с Любимовым как-то повлияло на вас? Не праздный вопрос, ибо, на мой взгляд, то, что вы делаете

в театре, прямо противоположно тому, что в совокупности зовется «Таганкой».

— Именно так и повлияло — в отрицательном смысле. Таганка — это абсолютно чужой мне, прекрасный театр, чужие прекрасные актеры. Другой мир. Я вспоминаю Таганку, как запах цирка. В цирке пахнет лошадьми, опилками — такой приятной затхлостью. Таганка — не цирк, но у нее тоже очень специфический запах. Я на Таганке понял, что мне делать в театре нельзя или невозможно или, точнее, чего я делать в театре не сумею. Таганка — это глубоко демокра-

тичный театр, который мыслит так, как мыслит большинство людей. В этом сила и достоинство этого театра, он способен придать острую эстетическую форму расхожим общим мыслям и настроениям. Это и есть в каком-то смысле настоящий театр — театр людей.

— Ну а ваш театр — какой он?

— Наш театр... монолог. Мы для себя делаем театр. А если он кому-то еще близок — очень хорошо. А если у него еще находятся зрители — замечательно. Значит, близкие люди нашлись. Прекрасно. Рассчитывать же на толпу совершенно нелепо. А сегодня — просто исключено. Сегодня требуется признать бесплодными попытки завоевать всех. Можно завоевать всех на время только одним способом — накормить. А театр не может накормить...

Границы театра — это границы личности, имеющей право заниматься театром. Человек есть театр. Будь он режиссер, актер, один человек. Он может все. Что такое театр? Театр — это выразительность. Актер — выразительный человек. Режиссер — человек, создающий композицию. То, чего не достает нашей рыхлой, аморфной жизни: выразительности, силы, определенности, силуэта. Это умеет делать театр. И конечно же — призыв к свободе.

— Кстати, о свободе. Такое впечатление, что вы всегда делали то, что могли и хотели.

— Я просто отношусь к категории не жалующихся людей. То есть я могу дома жаловаться, выть, но публично — нет. Несмотря на абсолютно банальные обстоятельства моей жизни, совершенно такие же, как у Васильева, Гинкаса, Додина... У меня шесть «закрытых» спектаклей. В течение 12 лет ни один театр не брал меня на работу. Был я и в жидомасонах. Были обстоятельства, при которых я просто вел робкую жизнь, буквально только морковку и хлеб мы с женой покупали, но... Знаете, кличка «непотопляемый авианосец», Зингерман мне данная, устраивает меня значительно больше, чем ореол мученичества. Хотя два года велась невероятная борьба в связи с моим назначением главным — с письмами, с поклонниками... Ульянов, Лавров и Ефремов — это три человека, которые меня сделали главрежем. По настоянию труппы. И когда мне партийными людьми был задан вопрос: «Почему вы так хотите быть главным?» — я сказал: «Это не я хочу, это вы хотите. Я ни разу к вам не пришел с этой просьбой». Всякое было... Та же «Синяя птица» в Риге — невероятно скандальный был спектакль. Его запретили, но Шапиро, главный режиссер ТЮЗа, добился, чтобы все-таки можно было показывать. Спектакль шел, а на афише было написано двусмысленно: «Закрытый спектакль». В Ленинградском театре комедии мы с Давидом Боровским сделали спектакль по первой пьесе Жванецкого «Концерт для...», попавший в доклад Романова как «главная ошиб-

ка ленинградских театров». В нашем театре с того же началось: с Боровского, Жванецкого и закрытия. Мы сделали спектакль — я еще не работал здесь — с огромным названием: первые три слова были «Когда мы отдыхали...», а дальше — еще 50 слов. Весь смысл в этом был. Это название стояло на афише. Управление культуры запретило и «закрыло» спектакль мгновенно, на генеральной репетиции.

Так что все у меня было, как у всех. Но главным было этого не заметить! Я внутри себя этого не впускал. Я родился с ощущением победы, с ощущением счастья, удачи и даже с нелепым, смешным, может быть, ощущением славы, которой мне не надо достигать: слава уже в том, что я могу делать то, что хочу. Что являюсь тем, кого люблю... Понимаете? Это — в пределах моей славы. И вот с таким одесским мироощущением я, наверное, и доживу эту жизнь. А периоды грусти, печали были, конечно, но я стараюсь не открывать этого людям. Хотя, как ни парадоксально, в нашей стране самый быстрый путь к карьере — это вызвать жалость окружающих к себе. Наша страна обожает несчастных и неудачников. Я хочу, чтобы мои актеры шли за мной, а не утирали мои слезы... И тогда я действительно справлюсь!

Когда закрывали мои спектакли, я сразу оглядывался и думал: «Что такое? Кто рядом со мной несет неудачу?» И потихоньку расставался с такими людьми.

— И кто ее нес?

— Отдельные люди. Догматического склада. Они придавали моему только возникающему стилю жесткую форму. И когда я сам становился апологетом собственного стиля, спектакли были обречены на закрытие. Закрывали их всегда по причинам эстетическим. Все проблемы с ними оказывались в сфере подозрительной эстетики.

— Об этом писал А.Синявский в статье «Диссидентство как личный опыт»: «Эстетические разногласия с Советской властью» всегда приводят к политическим, так как эстетика и политика в нашей стране переплетаются.

— Они антиподы. Наша жизнь глубоко неэстетична, потому что она политизирована. Она политизирована, потому что некультурна. С людьми сейчас можно сделать все что угодно. И их проявления никогда не будут выглядеть эстетично — это всегда хаос. Хаос политизированного мышления как такового. Мне глубоко отвратительна политика. Я часто повторяю фразу Хемингуэя: «Политики уходят, а поэты остаются». И уже слышу в свой адрес слово «чистоплюйство». Разумеется, я прекрасно понимаю, что от политики никуда не деться, но тем не менее политики должны делать свое дело с ощущением, что они временники. Конечно, цели, которые ставятся политиками, во многом единственно верные, благородные... Ну, в частности, уничтожить так называемую однопартийность. Нет сомнений, что это правильно. Или,

я бы сказал, наверное, это правильно. Очень интересно, однако, знать, чего ждать многострадальному искусству от других партий.

Я думаю, что никакой свободы ни при каком режиме не будет в нашей стране. Искусство всегда будет сражаться, пробивать, прорывать землю, подтачивать камень. Всегда будет существовать за счет жизни своих создателей.

Препятствия у нас носят самый разный характер. Были раньше препятствия идеологические, затем, как я говорил, у меня лично появились эстетические. Теперь — препятствия материальные. Невозможно же практически ничего реализовать! Всем этим мы обязаны политике.

— А не лучше ли покинуть этот «вечный бой»? Не так давно в предтождественном интервью режиссер Е.Арье сказал: «У меня возникло ощущение, что свою здешнюю жизнь я уже прожил». У вас не появляется такого ощущения?

— Ничего не хочу говорить плохого о коллегах, но мне кажется, он и не начинал здесь своей жизни. Ему ведь не удалось создать театр.

— На фоне всех и всяческих театральных распад, вошедших в притчу конфликтов актеров с режиссерами, ваш театр выглядит завидно цельным и прочным. Как на руинах Московского театра миниатюр удалось создать столь яркую и одновременно единую в устремлениях труппу?

— Это странный в смысле труппы театр. Он был создан в 1959 году блестящим писателем-юмористом того времени В.Поляковым. Здесь работали Марк Захаров, Высоковский, Лемке, Енгибаров, Высоцкий. Первые лет восемь этого театра были просто прелестью. Это был такой небольшой полуэстрадный интеллигентский театр, где люди довольно удачно развлекали друг друга и публику. Потом он разросся, стал тяжелым, неуклюжим театром с разными руководителями. Вообще, когда я пришел, тут было безобразие. Меня оно очень устраивало. Я понимал, что иду в так называемый «непрестижный театр», разоренный дом, и для окружающих это покажется незначительным событием. А мой замысел был в том, чтобы получить целый театр, не получив никаких традиций.

При мне постепенно сложилась компания странных, особенных актеров. Среди них нет кинематографических звезд, но они составили труппу, которая понимает язык своего режиссера.

Для меня артист — это человек, который играет так, как хотел бы играть я. Автор — человек, который пишет так, как хотел бы писать я. Это как бы мое продолжение, лучший в какой-то области вариант меня самого...

Все стали главными режиссерами. И Додин. И Яновская. И Васильев. И даже кто-то написал оскорбительно, что вот стало поколение «главными» и ничем не отличается от прежнего. Чуть собачья! Отличается. Непродажностью.

Что касается меня, то я действительно стремился стать главным режиссером государственного театра. Не студии. Я не сумел бы создать студию, я не люблю студии. Для того, чтобы заниматься студией, надо быть оч-чень увлеченным собой. Нужно быть крысоловом, играть на дудочке, вести за собой людей... А я, знаете, люблю расписание на доске, мастерские хоть какие-то, кассу. Люблю, чтоб была бухгалтерия, чтоб была сцена, чтоб я знал, куда мне войти, поздороваться с вахтером. Мне не нужны спектакли на улицах, в коридорах.

Я не верю в театральное братство... Вообще не верю в долгие взаимоотношения людей на основе какого-то энтузиазма, этакое тупого горения. Я верю в то, что существует художественный мир, который принимается или не принимается.

Вообще, это большая роскошь — то, что жизнь позволяет нам заниматься своим делом. Поэтому я и счастливый.

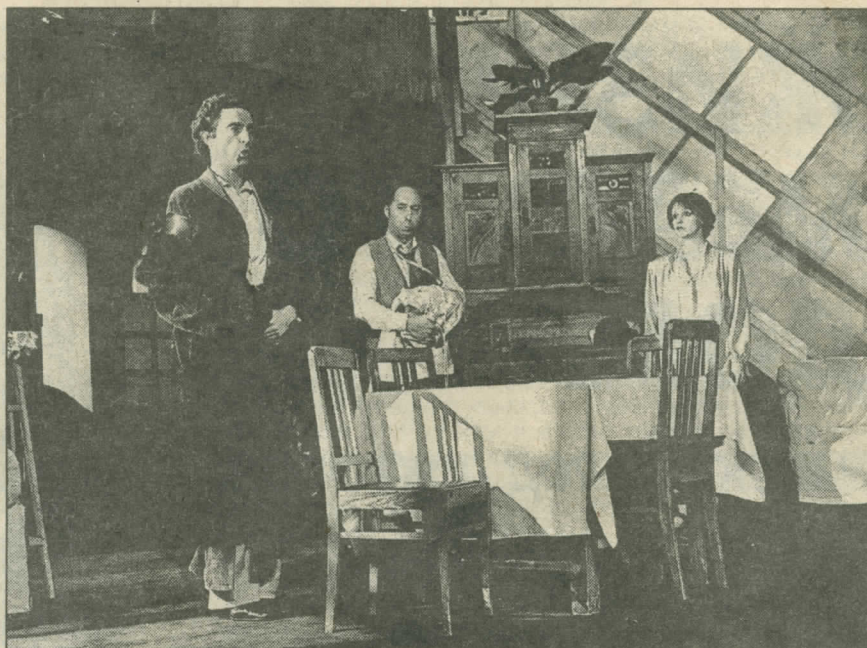
— Но жизнь, кажется, не очень-то и позволяет...

— А я на протяжении жизни никогда не занимался ничем, кроме того, что хотел. Ничем! Никогда! Ни одной минуты! Я не общался с теми, с кем не хотел общаться. За исключением, разве, тех, с кем было нужно общаться ради спасения чего-то мне очень дорогого. Ни одного поступка вне искусства я не сделал. Ни выступлений, ни писем, ни выходов из партии, в которой я не состоял, ни входов — ничего. И горжусь этим... ну просто чрезвычайно, понимаю.

Очень интересно, что теперь в центре внимания находятся пьесы, которые я 25 лет назад предлагал поставить или которые я 11 лет назад поставил. «Адама и Еву» Булгакова я принес 25 лет назад в Казани Н.Орлову. Платоновские пьесы тоже. Эта литература всегда была со мной. Я дружил с замечательной переводчицей Ритой Райт-Ковалевой. С Алисой Георгиевной Коонен я переписывался с 8-го класса — а в то время ей мало кто писал... Очень хорошо знал Елену Сергеевну Булгакову. О наших спектаклях писали не критики, которые не считали нужным в свое время даже заходить в этот театр, а Каверин и Шкловский. А сейчас, когда эти пьесы ставит ВСЯ СТРАНА, — вы себе не представляете, как я счастлив! Я не брал патент на литературу 20-х годов, но мне ужасно интересно видеть, как людям нравится то, что здесь, в этом театре, — давно существует!

— Как вы расцениваете то, что спектакль «Вечер в сумасшедшем доме» получил премию критики?

— Я на вручении сказал, что страшно удивлен наградой. Награды в нашей стране дают только тем, кто их всегда получает. Это российская советская традиция. Я не нахожусь в этом лауреатском кругу и надеюсь, что и не вступлю в него никогда. Но... получил, после какой-то гигантской борьбы — тех, кто видел, но не очень авторитетен, с теми, кто не видел, но очень авторитетен при этом.

«Нищий, или Смерть Занда»

«Вечер» — это даже не спектакль, это какой-то... поступок, совершенный театром и мной. Мы говорим в этом спектакле о том, о чем не говорят... О главном говорим, о смерти! Надо думать о смерти, о том, что все чрезвычайно коротко! Но на это трудно решиться. Считается, что эти мысли омрачат человеку жизнь. Полная глупость какая-то...

— Эпиграфом к «Парижской жизни» на афише стоят ваши слова: «Есть Парижская жизнь и много всяких других

жизней». Так какой же из последних, по-вашему, мы все живем? — Жизнь будней. Бесконечной, ежедневной, тоскливой... Все понятно, никуда не денешься. Но надо признать, что это страшно неинтересно. Очень, очень, до такой степени, что... Влюбленность, пафос, состояния души — все это где-то отдельно от жизни. Жизнь — а где-то отдельно все остальное.

Беседу вел Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

«Парижская жизнь»

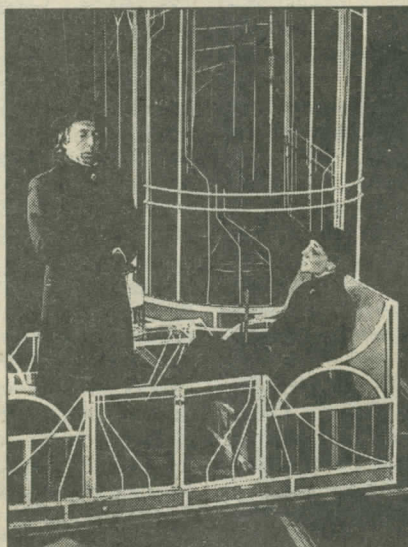

Фото А. Иваншина

«Вечер в сумасшедшем доме»

ЖИЗНЬ МЕРТВОГО ДОМА

РАССКАЗЫ ПОД ДИКТОФОН

33-летний московский поэт Андрей Шведов, сын профессора -ракетостроителя, семь лет назад был осужден за нанесение в бытовой ссоре травмы соседу по дому с помощью приема каратэ. Вышел из заключения прошлым летом. Тогда же, по горячим следам, накопленные впечатления выплеснулись в цикл наговоренных им на диктофон рассказов, четыре из которых мы предлагаем вашему вниманию.

КОДЕКС ЧЕСТИ

Арестовали неожиданно. Приехал к следователю узнать, забрал ли потерпевший свое заявление, мы уже договорились. Оказалось, следователь, Таня Столярова, ушла в отпуск, новый — ни лица, ни фамилии не запомнил — переквалифицировал повреждения из легких в тяжкие, соответственно — статью. Мера пресечения — арест.

Экспертизы сделано не было, он ее провел по медицинской карте. Доказать, что была самозащита, — без свидетелей невозможно. Презумпция невиновности — у милиции. Тебе надо, ты и доказывай. Советский суд, «пользуясь внутренним убеждением» (как записано в кодексе), докажет все, что захочет.

Конечно, сел не так, как хотел бы. Отказавшись от работы на эту власть, государство, попал в тюрьму не за убеждения, а как уголовник. Случайность, которую я расцениваю как подарок судьбы. Попадай я с политиками, которые отделены сейчас от общей массы, не получил бы и десятой части тех знаний, которые имею.

Ночь провел в КПЗ, в отделении милиции, мать принесла передачу. На следующую ночь — Матросская Тишина. Сразу — скрежет запоров, грохот, мрак, духота, к тебе и отношение соответствующее: «Встать! Сесть!» Думаю, ладно, творческая командировка. В записке пишу: «Жаль, что тюрьму увижу, а зону — нет. Хоть бы месячишко-другой зацепить!» Настолько был уверен, что не осудят.

Всю ночь таскают по камерам, не дают спать, полный шмон, чтобы иголки не пронес. Утром, часам к десяти, раскидывают. Первоходчиков — всех вместе. Ну, чего ждешь?.. Что сейчас к горлу с ножом, избыют, разденут... Открываешь дверь, там — час пик на крымском пляже: жара, духота, все в плавках, собрание развалившихся всюду голых тел. Камера на двадцать пять персон — там шестьдесят.

Содержание подследственных хуже, чем в зоне. Ни кровати, ни простыней, ни одеял. Скатанный матрас — «машка», — на котором уже померло человек сто, совершенно слипшийся, скомканный. На нижних «шконках» — по одному, наверху — сплошняком. Прижмемся друг к другу, и все вместе падаем, чтобы уместиться.

Так, в общем, и задумано. Оглушить человека, сломать, насрать на него, забить даже, заставить расколотся, чтобы он тут же дал те показания, которые им нужны.

В камере круглые сутки свет, лампы по пятьсот ватт, жара, на всю камеру маленькое окошечко под потолок. Решетка, потом стекло, еще одна решетка, потом «реснички» — металлические пластинки под углом, чтобы ничего не было видно, на них — «намордник» — сетка, чтобы ничего нельзя было передать. А в итоге в решетке делаются две-три дырки, реснички разгибаются, намордник рвется, и можно и коня пускать, и словиться с другой камерой. Там — мастера. Все закрыто, а информация расходуется моментально.

Плетется «конь» — распускается нейлоновый носок, из него веревка в палец толщиной — на ней всю Матросскую Тишину

поднимешь! — из газеты удочка, на нее веревку, раскачивают, а в другой камере ловят на свою веревку и затягивают. Менты знают, что практически с этим бороться невозможно.

Еще передают по дальному (туалету). Все туалеты связаны по трубе. Привязываешь к коню кусок мыла, чтобы прошел. В соседней камере — то же самое. Дальняк закрывается грушей, набирается вода, груша выдергивается, вода несет нашу веревку, она сцепляется с их, те вытягивают — будь здоров! связь налажена! По этой дороге в прочно упакованных целлофановых пакетах ходит все — сало, колбаса, чай, курево, записки... Запахло не считается.

Меня это увлекло, я коня плету, удочки закидываю. На воле забот полным-полно, тут — покой, ни о чем думать не надо. Камера приличная, молодые ребята, москвичи, страшного ничего. Взяли в «семью» — шконки рядом, друг другу подходим, ларек едим вместе, посылка придет — десятую часть отрежем — на общак. В камере «телевизор», то есть ящик, где «шлемки» (миски) лежат, ложка у каждого при себе — и вот на общак покурить, покушать. Кто только пришел, — передачи еще не было, кто вообще один на свете, — нет никого...

Жратва лучше, чем в армии. Суп — так не только лист капусты, но и моркови кусок плавают, картошка черная. В армии там просто — лист и вода. Там уж так воруют, что вообще ничего не остается. А тут каша, рыбки кусочек маринованной — «мариника», картошка. Считается, на Матроске кормят хуже, чем в других. Но при всех чудовищных представлениях о тюрьме — вполне сносно. И еще при «положняковом» питании каждый месяц пять килограммов передача. На десять рублей ларек, в Москве и масло есть (везде — маргарин), сало, колбаса, сыр — ништяк.

Причем и сейчас — и масло, и молоко. Это на воле, где ты пришел в магазин — пусто, — пожал плечами, ушел. В тюрьме положено — подай! Иначе хлипш, голодовки, шум, гром, отказ от работы! Норма есть? — все! Приходишь в «хату» — нет картошки. Должен просвещать: брата, обманывают менты, себе забирают. Пачку махорки обязаны — пусть дают! Ты, может, с фильтром куришь, картошку эту вообще выбросишь, но возьми все, что положено. После тебя другие придут, у которых не будет таких возможностей, они получат полную пайку...

Быт этот мне понравился. Собралась компания. «Хозяйственники» (кто за хозяйственные преступления сидит) сначала загуливали. Они и за столом, и с верхних нар на нижние переходили — чем больше просидел в камере, тем у тебя место лучше... Но правила уже знаешь немного. «Ты кто? Комуняка? — Комуняка! — Твое место где? У параша? — У параша!» Ну и переложили их всех, внизу только старика оставили.

Просто потому, что ты сильнее, ты прижать никого не можешь. Но есть законы, и, если они не исполняются, тебе же потом на зоне припомнят: почему, куда смотрел? Они что, с автоматами были?.. Там арестантские законы десятилетиями вынашиваются, и, в основном, они правильные, я их принял, потому что они близки к природе человеческой, естественны, в отличие от официальных законов государства, которые делают из человека нелюдь.

Внешне среди арестантов отношения удивительные — все мягко, спокойно, совершенно не то, чего ждешь: никто волком друг на друга не бросается, грубить нельзя, скандалов не допускается, никакой корысти, торгов, купи-продай быть не может. Приходишь в камеру — «свое здесь только говно» — все братья, все общее, все только на идее, на сознании!

В камере на крытой чистота, как правило, идеальная. Убирают все — руками, тряпками трут — и парашу, и пол, и стены. Никакой очереди, считаешь нужным — помыл, никто тебя не заставит, ты никого не заставишь. «Это, земляк, у ментов графики и расписания дежурства!» Материшься — дело твое,

но ни в коем случае не должен даже в малой степени задеть окружающих. «Ох, сука...» — «Кто сука?» Там, не подумав, не лепишь «для связки слов». Те выражения, что там бытуют, на воле практически не услышишь...

И за всем этим ты сделал шаг в сторону — капкан! Без ноги! Ошибиться нельзя, не то сделать, не то сказать — нельзя! Не тот вопрос задал — к тебе осторожность, уж не «кумовской» ли? Ляпнул, не зная, это — оскорбление! Лишнее спросить? — Бог с тобой! Сосед твой несет сто кило сала. «Откуда?» — «Земляк, интересуются только менты!» В полуметре от тебя что-то происходит — ненужного интереса не проявляй, тебя не касается!

Незнание закона не освободит тебя от ответственности. Мало того, что никто с тобой правилами делиться не будет. Тебя еще так незаметно, технично подведут к его нарушению, чтобы потом больнее наказать! Чтобы ты на равных ни с кем больше не был! Там у многих желание тебя сожрать! Одним сломленным больше — другим легче. Когда пятьдесят сильных, им тереться друг с другом. А если пять сильных, пятьдесят слабых — им вольней, сфера влияния шире.

Живут, допустим, фраера и козлы. Фраера дергаются между собой, с козлами враждуют и вдруг — раз! — менты собирают вместе одних хороших, одних фраеров, одну отрицаловку. Вот тут самое тяжелое! Тут начинается поедание! Потому что кто-то обязательно должен взять верх.

На крытой, в непосредственно воровском мире это выдавливание идет всюду. Все крутые, все озлобленные, все законы знают и — пункт за пунктом — практически больше ни о чем не думают. Как говорится, «крытник спит одним глазом, слышит через стену, видит через дверь...»

Утром встает, каждый свой шаг под контролем, каждое движение других фиксирует. Все сознание сосредоточено только на одном: как правильно себя вести. Тут уже не рассудок, тут пятое, шестое чувство просыпается. Потому что ни малейшей ошибки, ни малейшего нарушения правил тебе не простится.

Договорились, чтобы в камере был порядок, а ты шконку не заправил. Тебе не сказали. Идут с работы, ты подошел к другой камере, всех задержали. Опять ничего. Пошли в баню, ты полотенце лишнее взял — всех пересчитали, наказали. Молчат. Но потом ты войдешь с ним в какой-то незнающий конфликт, он все это тебе припомнит, приведет людей, которые все это видели: «Как ты относишься к братве? Почему допускаешь такие вещи?» Чтобы ты на равных больше с ним никогда не был...

Идет общетюремный прогон, передают из камеры в камеру: «Кашкаров попал в карцер...» А ты спутал фамилию, передал: «Машкаров». Серьезнейшая вещь! «Ты братву ввел в заблуждение!» На самом-то деле ерунда, но с тебя спросят, как с вафельного полотенца... Не говоря уже о том, чтобы взял и «спалил маляву», то есть из-за тебя записка попала к ментам. Если воровская малява — вор писал! — и она попала не по адресу, тут уж все, тебя точно сломают и физически, и морально. Ребра переломают и выбросят из этого мира. Если только сам вор не заступится... И отказаться нельзя, за отказ тоже по головке не погладят. «Тебе передали, ты почему не берешь?» И вот человек ухищряется, делает специальные уски, узелки, чтобы в желудке лежало, менты достать не смогли! Пусть у него язва потом будет, все что угодно, но донести эту бумажку, спасти свою жизнь! А там, может, просто: «Привет братве». Но от вора!

Все, что я пишу, это стопроцентная правда. По своему положению я не могу соврать. Кроме того, что я щелкопер, я — фраер. Я не могу соврать.

Допустим, Шаламов пишет: вор играл в карты с каким-то мужиком, этот мужик проиграл ему, и он сказал — сними вон того свитер... Это ложь. Такого теоретически быть не может.

Как не может врач сказать: этот больной хуже себя чувствует, возьми у него сердце и поставь тому. Он тогда перестанет быть врачом. Так и вор перестанет быть вором. Или пишут сейчас: воры вступают в кооператив, отмывают бабки... Глупость. Вор вообще никогда официально не может работать. Это сложно сравнить. Ну, допустим, холодежник сейчас начнет согреть еду, вместо плиты работать... То есть само понятие вора исключает понятие работы. Он палец о палец не имеет права ударить. Его будут убивать — не имеет права работать. Как только ударит палец о палец — перестанет быть вором в законе. Вот сейчас пишут о Монголе: он открывает кооператив. Монгол — вор, да. Что он откроет?! Он Монголом перестанет быть. За имя — «вор» — он ничего больше делать не будет, он — вор, ему все тут же пойдет. Где угодно. Как только он что-нибудь там откроет, тем более кооператив, — какой он вор? Это больше чем нонсенс. Этого не может быть никогда.

Допустим, тот же Шаламов пишет: они пришли, тот психанул, в столовой не понравилось, он взял, отрезал ухо, выколол глаз... Да, выкалывают глаза, режут уши... Но все это происходит по-другому. Все это не так. Да, там делают средневековые вещи. Заставляют людей есть уши. Отрезали у человека ухо, заставили его съесть свое же ухо. Для нас фантастика. Страшная фантастика. Но — чисто по закону. Подведя вину. За что именно. Никак не иначе. Есть, скажем, китайский император, далай-лама... Перед вором преклонение больше, чем перед китайским императором. Вот ему семнадцать лет, его объявили вором, это прошло по Союзу — все! Его слово — жизнь, его слово — смерть.

Это уникальная воровская система. В Европе, в Америке — там мафиозная система, другая. А в Союзе, в Индии, в ФРГ — система воровская. Все они примерно равны. Человек пятьсот. Каждый обязан подчиняться им беспрекословно. И подчиняются. При Сталине, при Хрущеве их уничтожали. Когда-то их оставалось восемь, легендарные личности вроде Васи Бриллианта. Сейчас, в основном, «сучьи» линии, связанные с ментами. Но, в общем, они пользуются именами легендарных людей, выдерживавших уникальные вещи, которые нормальный человек выдержать не может. Двадцать лет одиночной камеры... Ему только дотронуться до венчика одним пальцем — он тут же бы вышел. Он двадцать лет просидел и не дотронулся. Двадцать просидел, мог двести просидеть — сколько угодно. И эти имена, их легенды и полномочия принимают на себя и сегодняшние воры. Сейчас, в основном, грузины. У нас на крытой был один Валера Хубашвили. Он вот так сидел: «Начал-ны-ка сю-да...» Начальник тюрьмы приходит. «Вот это, вот это, вот это вон в ту камеру. Вмэстэ са мной». Все, переводят в нужную ему камеру. Все двери для него открыты. Вообще свободно ходил по тюрьме, на волю выходил. Баб приводили ему. Анашу курил, коньяк пил. Почему? Потому что: «Братва, чтобы нас мэнты нэ щемили, чтобы была жрачка, чтобы буханули — нада па-ра-ботать. Нада план дать, папахать...»

В тюрьме план — главное. Менты дубинками будут выбивать — никто не пойдет. А тут вор сказал. Слово вора. Кого угодно заложить... Тот же Александр Мень... К Валере подойдет: такого-то там-то... В любом конце Союза. Мень — не Мень, кто он для него?.. «Сделать...» Тот сделал — все. Для него вся жизнь открыта. Слово вора исполнил. В тюрьме еду будет иметь, о нем заботиться будут. Он все потерял — он преступник. Мать потерял, все потерял. Тут все получил... Какая разница: кто, зачем... Воровская система...

В общем-то я эту внутреннюю борьбу ждал, просто в более непосредственной, в грубой форме. Я ее не испугался, она меня даже увлекла. Да, сразу на тебя никто не наскокивает, не ломает, хотя и это может быть. Но придет время, и тебе при-

помнят все твои ошибки... Поэтому я сразу сажаю перед собой опытного человека и начинаю расспрашивать. Он не имеет права не ответить. Как так, человек интересуется нашей воровской жизнью, а ты его отталкиваешь! Не хочешь, чтобы он был с нами? Или ты о нем что-то знаешь плохое? Скажи! И вот я эти сведения из него выдвливаю. Знаю, на крытой ко мне внимание повышено. Я от работы отказываюсь, а администрация ставила на воров. Делала им поблажки, а те заставляли план делать. Прямо «за работу» им сказать ничего нельзя, вот они и ищут повод, где цапнуть.

Непрерывное это, утомляющее, из года в год, внимание. Расчет всех вариантов. Знание всех законов. Разговариваешь, в голове одно: насколько он полезен — использую, насколько невыгоден — задавлю. Одно дело — ты абсолютно чист, на тебе ничего нет. Другое — какие-то ограничения. Это замкнутое иерархическое, пространство и единственный идеал — сохранить полное право голоса за собой и отнять его у других!

Заступился, допустим, за человека, который был виноват. Неплохой, в принципе, парень. Взял на работе у соседа инструмент, отвертку, которая крайне ему была нужна, и не спросил. Чисто по-вольному: возьми, положу. Все! — подвоили... Ты не имеешь вообще права касаться чужой вещи. Крайне серьезно — крысятничество... Я положу себе на тумбочку кусок тряпки, рваную газету. Она год будет лежать, ты не имеешь права ее трогать. Может, у меня там малява или денюги, это — тюрьма! Есть приколы такие. Видят, человек неопытный. Кладут на видное место интересную книгу. Ты взял, перелистал, положил на место. Он подходит, берет ее: «Кто брал?» — «Ну я...» — «Земляк, да у меня тут столик лежал!» — Ты: «Какой столик!» — «Как какой? Лежали сто рублей, ты последний брал, все видели — где они?» Все! Плати сто рублей! Человек опытный знает, как отмазаться. А неопытный — все!..

Тот, что с отверткой, действительно по наивности ошибся. Но мне: «Как, ты заступаешься за крысу? Значит, и сам можешь скряться!» И тут уж надо вступать в борьбу, дух проявлять. «Да, он нарушил, нарушение есть нарушение, но я прошу отнестись к этому по-человечески, не сурово, не бить, руки не отбивать, просто сказать: «Земляк, ты в следующий раз думай немного... Хочешь, напишем с тобой маляву, спросим кого угодно: есть за что ломать сейчас человека или нет?»

То есть, пожалуйста, заступайся, но по закону. Сидим мы, например, в камере, все правильные, все фраера. Сажают к нам козла, он мастером работал, хороший парень, его менты специально ломали. «Пошел отсюда, с козлом не будем сидеть!» А там все камеры заняты, кругом отрицаловка, в трех — педерасты. Ему остается только из камеры ломиться. А к кому идти? Его отовсюду выгонят, кроме пидаров. А человек, который сидит с педерастами, — все, сам будет считаться таким. Но где-то же он должен сидеть, на волю его все равно не выпустят!

Я на этом сыграл: «Что мы делаем? Куда человека гоним?» Постучали в соседние камеры, спросили мнение... То есть они подстраховались, чтобы на них пятна не было, чтобы на зоне не спросили за то, что с козлом сидели... «Неплохой парень?» — Говорю: «Неплохой». — «Ну добро, пусть остается...»

Если человека проучают по всем правилам, тут заступаться нельзя. Если ты при этом нарушаешь, то спрос переходит на тебя. И опять же здесь твое положение важно. Вижу, бьют человека на зоне. Подхожу: «В чем дело, ребята?» Я — фраер, они обязаны мне сказать: за то-то, за то-то получаем... Можешь выяснять: правильно, неправильно. Подходит козел, то есть человек, хоть как-то сотрудничающий с администрацией: «В чем дело?» — «Да пошел ты на ... Козлу еще говорить!» Если мне так ответят, я уже с них сам могу спросить, я имею право. Все по закону! Если человек просто не дает себя в обиду, за это наказывать нельзя, иначе — беспредел.

Собралась кодла, назвали себя блатными, бьют кого хотят, отнимают у мужиков ларьки... Фраер обязан сделать все, чтобы положить предел! Пошел, поговорил с ними, тебя не поняли. Тогда иди — режь! Обязан резать! Пусть тебя за это раскрутят, добавят новый срок, но ты обязан выступить. Не только не допустить, чтобы тебя самого не били, но чтобы при тебе и с другими так не обращались. Они знают, ты крутой, к тебе подходят: «Земляк, мы тебя не тронем, но и ты дай нам жить». Нет! Не имеешь права! Пусть они тебе и пожарить принесут, и костюм, и телогрейку новую... Потом вас раскидают на этап, тебя встретят. «Ты был там, что ты сделал? Ничего?» И с тебя же за это получают! То есть звание блатного, оно еще крепко обязывает...

ОТКАЗ

У Ольги Ивинской в воспоминаниях о Пастернаке есть такая фраза: «Он победил путем отказа». В случае, о котором она пишет, это, может, и не так, но сам тезис — **победить путем отказа!** — сознательно или бессознательно жил во мне с детства. Я, думаю, прошел этот путь, если не до конца, то в значительной мере.

Не хотел идти в детский сад, петь эти песенки, носить флажки, ходить строем, не хотел ходить в школу, сидеть за этой партией, смотреть на нудные рожи, учиться у людей, которым не верю, — все это, конечно, бессознательно. В девятый класс уже практически не ходил, несмотря на роман с учительницей литературы...

«Не хочешь учиться — иди работай» — так кажется?.. Опять же не хотел принимать участия в этом унижении трудом. Лишь постепенно росло осознание отказа, даже религиозное осознание — во имя приближения к нравственному естеству, к Богу. Не ради показухи, исключительности, а чтобы хоть немного приблизиться к тому, каким должен быть человек... Годам к семнадцати как раз и был этот расцвет нравственного абсолютизма.

Время — в армию. Многие друзья из интеллигентных семей «закосили», легли в дурдом, все же не тюрьма. Я не стал это делать, почему — не знаю. Может, художественное любопытство роль сыграло... Даже мать удивилась: зачем тебе армия? Говорю — хочу... «Может, потом в тюрьму захочешь?».. Ну вот...

И пошел в армию, заранее зная, что с первого дня буду там против всего. Шел — отказаться от службы! Отказался от муштры — на гауптвахту, с которой через два года, кстати, и освобожден. Думал, так просто не отпустят... Отказался от присяги — каким-то путем, не в общем строю, ради матери, деда, все-таки подписал... Грозил четыре годами, и, наверное, надо было именно тогда сесть, не идти на компромисс. Служил в ракетных войсках — ни до каких ракет и близко не подпустили, сидел в дизельной, давал свет на жилую зону и — за забор постоянно. Знал, что попадусь, — все равно.

После армии опять же не пошел никуда устраиваться. В Москве был один только приличный театр — на Таганке. Хотел репертуар посмотреть — чтобы в очередях не стоять, устроился рабочим сцены. Месяц. Потом — в Большой. Там спектаклей побольше, задержался почти на год.

И в литературе отказался идти путями, которые мне предлагали во всех редакциях, в литобъединениях: влиться в общий строй, в коллектив, подышать литературным процессом, писать в струю...

А самый большой отказ это — конечно, в тюрьме, шесть лет. Отказ от работы, потом отказ от гражданства, я требовал перевода в спецколонию для политиков, для иностранцев, для людей без гражданства... Держал месяц голодовку, было прилюдное питание, потом со слезами матери, с провокациями пошел

на компромисс, снял ее. Слабости — были... И, когда отказ, ты всякий раз знаешь, что идешь на страдание. Это, кстати, в преступной среде понимают и ценят. И администрация тоже. Если ему по службе или по сучьим законам надо тебя преследовать, то он, конечно, тебя убьет, но — уважая...

Слезы и страдания матери — это самое страшное, что есть в отказе, но ты знаешь, что и умирать будешь достойно, с сознанием своей правоты: сделал все, что мог.

Все же в тюрьме я первое время притаился, хоть и знал, конечно, что буду в отказе, но уж больно свобода звала. Это как у Фрейда. «Сверх-Я» говорит: иди до конца, будь собой, все познай, ты обязан! А «ОНО»: смойся, смойся отсюда!.

Три раза пытался бежать. Тоже свобода выбора: не ты меня освободишь, дашь справку и вещички у выхода, а я сам, когда посчитаю нужным.

Несколько раз казалось, что все уже знаю, два года отсидел, четыре. Но два последних года крытой и дали основные знания о воровской системе. Я ее уж было принял — по тезисам своим абсолютно все правильно. Но в итоге тоже оказалось работой на одного человека, показухой. И опять — отказ! Через сломанные ребра, через отбитые почки — отказ! Как отказался на хозяйна пахать, так и на вора не буду! Лишь подойдя к элите воровского мира, я это разглядел. В воровской системе так построено все, что в ней нельзя что-то принять, что-то — нет. Или все принимай, или уходи, или тебя уберут. Анализировать, выбирать — дело вора. Твое — подчиняться беспрекословно.

Если ты в армии и в тюрьме не сачкуешь, не вывертываешься, не оттягиваешь «на авось», а прямо объявляешь — я работать не буду, подчиняться не буду, сажайте меня сразу, — то тебя поймут. Иначе потом тебе же будет хуже. Тут должна быть сразу готовность идти до конца, иначе они тебя своими методами сломают.

Когда я на курской зоне отказывался от гражданства, мне уже и «антисоветскую» не хотели давать (87-й год, не ко времени!), просто морили в карцере, чтобы продержат в БУРе полгода, потом трешку по 188(3)-й — «злостное неповиновение законным требованиям администрации». Избавиться от этого практически невозможно: пуговицу не застегнул, на работу не вышел — «законные требования».

Поэтому мне пришлось в первый раз именно в БУРе вскрыться, чтобы в больницу попасть. Нам давали там из картонок бирочки делать и случайно между бумагами попалась железка, семь сантиметров в длину, полтора в ширину. Я об стену заточил и — книжкой между ребер! Кровь, лег, сосед по камере ментов вызывает: «Человек вскрылся!» Довольно быстро приходит врач. Посмотрел, что не обманываю — бывает, что под кожу просто загонят, не в плевру, не под ребра. Пощупал пальцами, попробовал — торчит, длину он не знает, предполагает, что в легком. Выдернет — начнется кровотечение, нужна срочная операция. Значит, носилки — в санчасть. Это, что в первый раз было.

Если один в карцере, сам кричишь менту. Зовешь его: «На, смотри!» — и при нем вгоняешь, чтобы видел, что не обман. Или глотаешь при нем, стекла глотаешь, гвозди.

После БУРа (спецдурдом уже прошел) привезли обратно, сунули в карцер, мне выходить время, как раз мой день рождения, «кум» говорит: не выйдешь! Пятнашку тебе — ни за что...

Я с пареньком сидел, в карцере вообще ничего нет, только в обед ложки и миски дают. Между первым и вторым я черенок от ложки отломал, приставил к груди: «Делай, брат!» — весь черенок вбил. И удачно получилось, он между ребер скользнул — весь там, а в легкое не попал. Я-то думал — в легком, воздух пошел. Парень стучит: «Ложку вбил!» Прибегает врач, смотрит: черенок, кровь... Он длинный, сантиметров

15—17. «Все, говорит, пи...ц. Сейчас пол-легкого тебе отрежут!» Меня опять на больницу. Хирург посмотрел, выдернул — на рентген. Ничего! Под ребрами скользнуло! Потом еще два раза ложки забивал. Гвоздь засовывал.

Перед самой крытой специально хотели на кичу посадить, чтобы с матерью свидания не дать. Она уже выехала, в дороге была, меня ребята предупредили, что запрут меня, побежал, вскрыл себе живот — все, на изолятор нельзя! Полежал два дня в больнице, потом на свидание, зашитый, со швами. Будете, говорю, на кичу сажать, буду вскрываться, пока свидания не дадите!

А к мастыренному, когда в первый раз всадишь в себя, отношение уже определенное. Ложки четыре раза глотал, гвоздь — в больницу не пойдешь. Алюминиевые ложки в эзковских желудках переварятся... Гвоздь? — ну сам выйдет...

Потом вскрыли, вынимали все это. Заморозку сделали на пол-операции, резали практически по живому. Вторую ложку из легкого он вообще вырывал без заморозки, даже новокаиновую блокаду не сделал. Я говорю ему: «Смотри, ответишь за это!» Он: «Да ладно...» Вырвал ее, кровь. Зашивает, я рвусь, ору благим матом. То есть специально так тебя оперируют, чтобы ты никогда больше не захотел сюда попасть, не мастырился.

Я все-таки передал письмо матери, так, мол, и так, надо мной здесь издеваются, операцию без заморозки делают, есть, кто это видел, эски подтвердят. Она письмо это получила — трезвон! По всем прокуратурам, по министерствам здравоохранения, пошла в ГУЛАГ... Оттуда звонок за звонком: в чем дело? почему хипши? Мать тут всю Москву обегала...

Вызывает меня начальник санчасти, вызывает хирурга: «Что хочешь?» Говорю: «Пусть то, что он тогда должен был колоть, сейчас вколеть». — «Пиши заявление, что претензий нет...»

И промедол — четыре раза! В тюрьме это, как морфий, — кайф! Мечта для каждого уголовника — на зоне промедолом уколется. И передачу — внеплановую. Такая была компенсация.

А один раз пришлось вены себе вскрыть. Когда в карцер ни за что посадили. То есть, по их понятиям, конечно, очень даже «за что». Я им «рабочку» разложил. Меня посадили в рабочую камеру, чтобы сами эски заставили работать. Это вообще главный их неофициальный ход — и в армии, и в тюрьме: посорить тебя с такими же, как ты. Собирают бригаду, вводят тебя в ее число, работа — на всех, со всех потом и спрашивают. Шьют, допустим, рукавицы. Один режет материал, второй — прошивает палец, третий — обшивает, четвертый — выворачивает. Если цепочка разрывается, страдают все. Лишаются магазина, отоваривания — вплоть до карцера всем. И тут уж твои товарищи, эски, будут тебя давить. До того доходит, что тебя твои же сокамерники привяжут за ногу к столу, к швейной машинке, чтобы ты не ушел.

Ну и я этой своей «злостной агитацией и пропагандой» сделал так, что вся камера, а их человек восемь было, стала нерабочей. Стихи, правда, писать не начали, но работать бросили.

Я, конечно, не стал говорить: не работайте! Постепенно начал. Мы эски все, ты ходишь на работу, а я слежу в камере, мне так нравится. Я себя человеком чувствую, знаю, за что страдаю, за что иду в карцер. На зоне не работал и здесь не буду. А ты — на зоне не работал, а сюда специально что ли пахать пришел? Зачем тогда на крытую тебя занесло? Пошел бы вместо нее на поселок, на УДО...

Ну, это уже задевает. Да и люди на зоне страдали, отказывались от работы, умеют в карцерах сидеть. Видят, что человек не понтуется, действительно, раз пошел в карцер, вышел, хоть сейчас же обратно готов... Ну и потянулись. Сначала один, другой, третий: «Да на ... их всех! Я лучше тоже в карцер

пойду, чем пахать на них!» Тыр-тыр-тыр, вся «рабочка» и развалилась...

Конечно, всякие там люди есть, и необразованные, и неграмотные, и многие вещи не для них. Но кое-что они поймут лучше, чем студенты философских факультетов. Именно поэтому, что пострадали много. Тот, кто идет к мысли через страдание, тот воспринимает очень глубоко.

РОЗЫ ДЛЯ НОВОДВОРСКОЙ

Вот мне дают в тюрьме за отказ от работы пятнадцать суток. Я выхожу, мне суют газету. Два слова: выступила Новодворская, ей дали пятнадцать суток, она заранее предупредила на работе об отпуске за свой счет, оделась теплее... Мне было тяжело в мои пятнадцать суток, да?.. Так вот, когда я это читал, мне делалось стыдно. И я тут же шел на следующие пятнадцать. Тут же!

Я там связан, не денешься никуда. Это полудобровольная жертва. А тут ее на долларах, на чем угодно вывезут, вынесут... А она идет. В каком-то плащике за 60 рублей. Вообще не видит в чем. В тюрьме это понимают хорошо. Все остальное — неважно. Что хочешь говори, правильно, неправильно — разговоры...

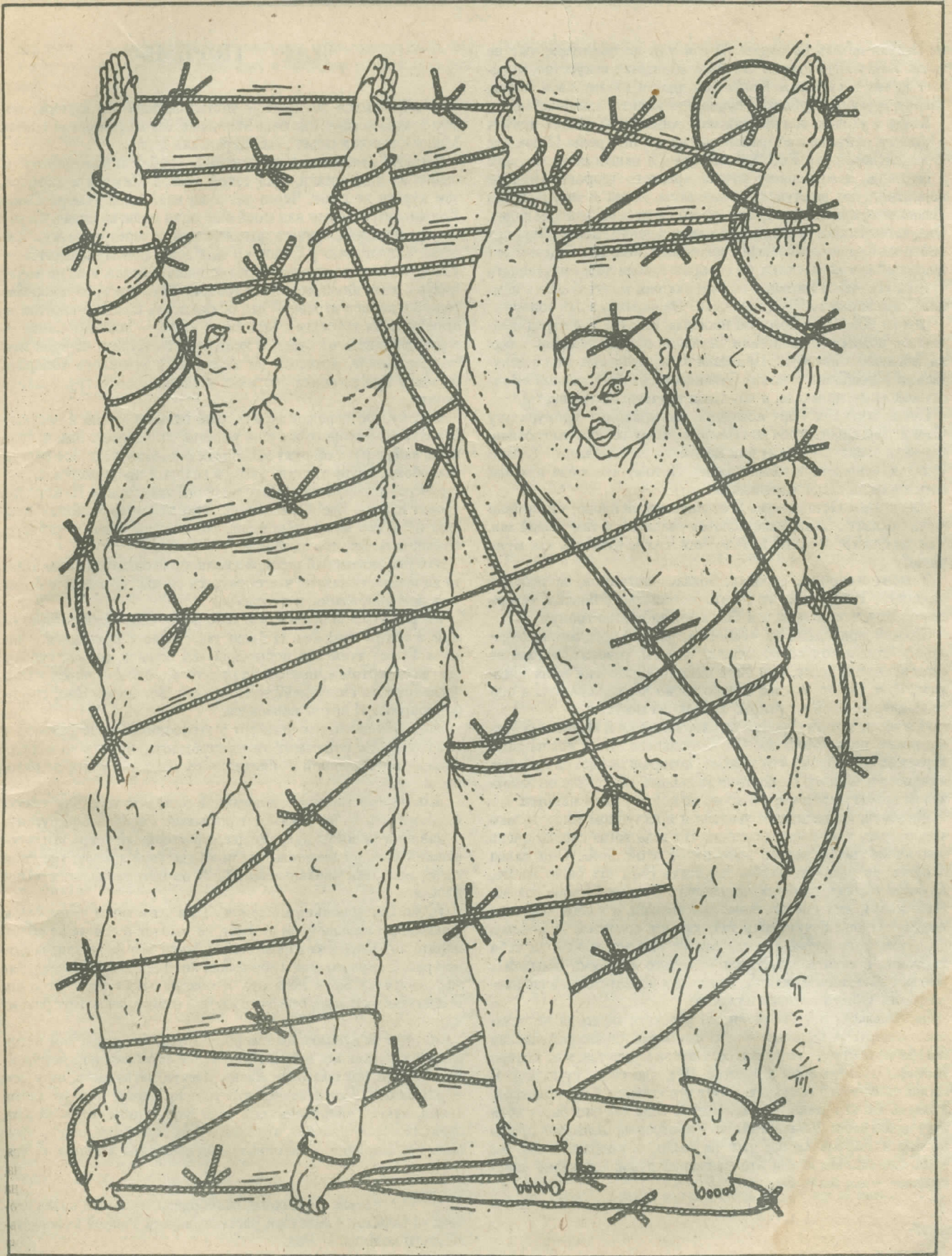
Почему она идет? Ей кругом: «Валерия, остановись, успокойся... Ты нам живая нужна». Но она правильно чувствует, что она именно такая — Валерия. Насколько я знаю, восемь сухих голодовок за год. Будь ты самый умный, сверхмудрец, говори притчами, чем угодно — никто тебя даже слушать сейчас не будет. Наслушались. Но когда человек восемь раз голодает — вообще можешь ничего не говорить.

И в тюрьме так. Там не будут читать, что она говорит о Горбачеве, что она говорит о Ельцине. Это женщина, которая держала восемь сухих. И она это знает. А те, кто ее удерживают, они ошибаются, ломают образ. Нельзя. Нужен именно образ героини. Будь ты умнейший, мудрейший, тончайший... никого это сейчас не колеблет. Нужна героиня, то есть человек, который готов: вот мое здоровье, вот моя жизнь — бери! Это всегда чувствуется, и люди простые могут газет не читать, но они знают: она идет на девятую голодовку.

В 88-м году мне присылают на зону «Московские новости», говорят: смотри, первая партия, которая открыто противопоставила себя КПСС, — Демсоюз. Первые, которые сказали: сажайте нас, бейте нас, режьте нас, мы ничего скрывать не будем, прятаться не будем, делайте что хотите, наша жертва.

Чем и для меня, и для уголовников привлекательна эта партия... Многие сейчас говорят правильные слова, или полуправильные, или неправильные. Но говорят. А эти люди идут под дубинки, под спецназ, под сапоги. Добровольно идут на наказание. А выше воли к жертве нет ничего. Я могу говорить что угодно. Ты можешь говорить что угодно. Но проверься мы так: вот стоят менты, сейчас нас будут бить — пойдём? Нет? Ты — ничто. Да? Ты — человек. И вот Новодворская именно этим берет. Сорокалетняя женщина, двадцать раз в год ставит себя под дубинки... Правильно там, неправильно... фашистский палач Горбачев, нефашистский палач... Она ставит себя под спецназ. Вот что потрясает. Эски не будут смотреть, что там Травкин говорит или еще кто. Ну это, говорят, политика, грязь...

А Новодворская не то что авторитетом на зоне пользуется, но только ее и знает. То есть знают и Ельцина, и Травкина, и Царькова. Но Новодворская это Новодворская. «Опять на пятнадцать суток села... Во, баба!» Они, уголовники, чем поражены... Женщина, у которой, по их понятиям, все есть, деньги есть, идет и добровольно жертвует своим телом. Все. «Она

на ментов пахать не будет». И это уже не политика, уже не грязь. Как у Пастернака: «И здесь кончается искусство, и дышат почва и судьба...» Когда она идет и ставит свои плечи, голову, грудь под дубинки спецназа — политика кончается.

Когда я уходил, вся крытая мне: Андрей, ты обязан прийти в Москву, найти ее и от нашего имени вручить розы. И поклон. И поцеловать руку. Все! Это мое дело. Я нашел ее на митинге в сентябре, в годовщину начала красного террора. Пришел на митинг, она выступала, с плакатом. Я так и так, Валерия Ильинична, принес вам цветы от себя и от всех, кто там сидит. Она, естественно, говорит: как я могу в день красного террора пойти на Красную площадь с красными розами?.. Рядом с ней поддатый какой-то стоял, он говорит: заходи через пятнадцать суток... Ну, через пятнадцать, говорю, они могут подвать немного... На нарах, говорю, возьмете? На нарах возьму, говорит.

Потом пошли на Красную площадь, их окружил отряд омоновцев, потом нас разогнали, оставили восемь человек, кинули, избивая, в автобус... Привезли ее в отделение. Мы с депутатами Моссовета, с замом Станкевича на Мосовской «Волге» нашли ее, приехали, и вот были вручены ей эти цветы.

После того как Леру посадили, мы пришли в прокуратуру Союза. Там сидели трое из «Памяти», кому-то чего-то грозили, держали плакат... Почему они Демсоюзу не угрожают? Только увидели — вылетели моментально. Потому что люди пришли с горячего, пришли жертвовать.

Или с этим Осташили... Я считаю, очень плохо, что пошли в суд подавать. Этих было человек двадцать, а там целый зал. Что вы бежите отсюда? Вместо того чтобы ответить как мужчины?

У меня женщина, еврейка, боялась погромов, за ребенка страшно... Теперь она не то что погромов не боится, теперь она боится, чтобы я, не дай Бог, кого-нибудь не тронул.

Ко мне приходили из «Памяти», деньги предлагали, туда сюда... Чтобы только не мешал. Что ты, говорят, в доме за евреев заступаешься, они тебя посадили... Не они меня посадили. И те знают, что им только слово угрозы сказать, и они не выйдут из моей квартиры. Удалво на месте.

И я знаю, что ни строчки не напечатано ни в «Нашем современнике», ни в «Москве». Я с Бородиным хотел поговорить. Я уважал его, потому что человек, который не едет за границу, а садится в тюрьму, он достоин уважения. Но сейчас он затопделом прозы в «Москве», и я уже не пойду к нему никогда.

Шаламов, Солженицын увидели в преступном мире только зло, острое, к ним направленное. Но ведь тогда сидело очень приличное число лиц по знаменитой этой 58-й... Они палец о палец не ударили, чтобы защитить себя. Их было много, их были тысячи, их были миллионы... Почему на зоне два чечена живут, или там осетины, или ингуши, и к ним никто не придет? И они будут жить так, как им нравится. А почему, будь там хоть сотня евреев, они не смогут толком за себя постоять, а если и защитятся — только «сучьим» образом?.. Это вот та потеря мужества, которой и пользуется сейчас партократия. Общей потерей мужества.

За семьдесят лет выжибли, ни русского офицера не осталось, никого. А единицы — это единицы... Общегражданская потеря мужества — вот главное. Потеря мужества, а не потеря колбасы. Потеря воли к жертве. «Ну, иди сюда, сука, иди. Я жизнь свою готов поставить». Вот что главное. Как у Валерии: я жизнь свою ставлю за это. Все! И если бы это было хотя бы у одной десятой населения, то и программа Штаталина прошла бы, и Горбачева бы уже не было, и колбаса была бы в магазинах... Было бы это движение души: «я жизнь свою ставлю» — все было бы...

Я освобождался из крытой чистопольской. Из камеры номер двадцать семь, где был Марченко. Из тюрьмы, где сейчас Миша Казачков сидит*, где Щаранский был.

Я сумел связаться с политиками, пробил к ним дорогу. С одним из них, кстати, был такой эпизод. Сажу я в карцере, там курить не дают. Через два окна надо мной камера Саши Должикова, а прямо над моей еще один политик сидит. Стучу к нему по трубе, стучу в потолок, кричу через решетку... Тишина. Спрашиваю у Саши: «В чем дело, почему молчит?» — «Этот человек пострадал много от вашего брата, и он не хочет иметь с вами никаких дел». Я говорю: «Это его проблемы. Передать в карцер курево — это обязанность каждого арестанта, если он себя таковым считает». — «Нет, — говорит Саша, — и разговаривать не будет, и не передаст». Курить передал мне сам Должиков, который не курит. Ему пришлось собирать бычки в прогулочных двориках и сложно, по ветру, пускать «коня».

Тот, кто не передал курить, был один из очень известных политиков. Которого я очень уважаю, солидарен с ним и, если надо, выйду рука об руку защищать ценности, которые дороги нам обоим. Но вот деталь быта, в которой проявляется характер, через которую видно, кто ты есть в этих стенах. Из карцера просят курить. Все! Обязан дать. Будь там хоть злейший твой враг и ты его потом зарежешь. Но пока он сидит в карцере, обязан дать все, что он просит.

Это уже тюремный закон, и я полностью согласен с ним. Никто же не посмеет сказать, что обратился ко мне, находясь в более тяжелом положении, и я отказал.

Ты вешаться собрался, а к тебе постучали: «Дай сигарету». Дай, а потом вешайся! И было так. Человек повесился в камере. Перед этим его попросили чай, курить, он все сделал, передал сверточек, притом не просто все было — через мента договорился... Получили? — Получили. Все нормально, спасибо, ништяк... И потом повесился.

Это именно то, что развито у уголовников и не развито у политиков. Не понимают этого, страдают, а винить-то некого. «Мы — хорошие, они — плохие...» Не надо. Ни врать не надо, ни винить.

Это мир со своими законами. И если Бог тебе дал такую возможность — не наказал, наказывает Господь по-другому, — дал возможность: иди, смотри, серьезнейшие вещи, интереснейший мир, ты писатель, ты поэт, где твой зрачок, где твои глаза, материал уникальнейший... А он отворачивается: «Они плохие...»

Те же Солженицын, Шаламов... При всем моем уважении к Александру Исаевичу он не смог, не захотел и сейчас не хочет понять тот мир, в котором был. У меня это была задача номер раз. С первого дня! Творческая командировка. Шести-, пяти-, десятилетняя — неважно. Я обязан посмотреть: от и до. И я изучал этот мир, от которого они отвернулись. Вот разница.

Об этом не думают, но так получается, что люди, там находящиеся, ставят все в более или менее естественный порядок. Потому что там проходит жизнь. Десять, пятнадцать, пять лет — это жизнь. Естественно, что те, кто бывает там на такое время, как-то упорядочивают этот мир, чтобы жить можно было. Поэтому правила, которые существуют там, они — правильные. Порядки — законные! Они диктуемы жизнью. И, по-

* О Михаиле Казачкове, освободившемся уже после выхода из тюрьмы А.Шведова, рассказывалось в одной из передач «Пятого колеса». — Ред.

пав туда, можно сказать: я — счастлив, я благодарю Бога, что я туда попал, мне было даровано, я владеец уникальных знаний.

За два года крытой я написал больше, чем за всю остальную жизнь. Потому что таких условий мне на воле никогда не представится. Тебя заключили, никуда не пойдешь: вот стены. Условия идеальные. Вот ручка, вот стол, сиди и работай. Это

идеальные условия, чтобы спастись. Люди с ума сходят: годами — одни стены. А для меня идеал. Ни соблазнов, ни водки, ни женщин — ничего. Здоровье сохранил. Я бы точно за это время уже умер, если бы жил той жизнью, что до тюрьмы. Не тюрьма меня впитала и высосала, а я — ее.

Запись и обработка И.ШЕВЕЛЕВА

ПОСЛЕСЛОВИЕ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

Прочитав по просьбе редакции рассказы Андрея Шведова, я, признаться, не нашел в них ничего такого, что требовало бы специального ответа. Быть может, многим это покажется странным — речь ведь идет о довольно жестоких законах уголовного мира, которые автор не только не осуждает, но, наоборот, считает «правильными». «Законы», придуманные ворами, насильниками, моральными уродами...

Не стоит торопиться с осуждением. Негодовать по поводу их жестокости столь же нелепо, как ужасаться уродству верблюда. Законы эти вполне адекватны условиям, в которых пришлось выживать многим поколениям людей. Они — уникальный образчик народного правотворчества и хотя бы только поэтому заслуживают уважительного отношения. И не то важно, кто их придумывал, а то, что их приняли миллионы людей, отнюдь не склонных к законопослушанию. Одним принуждением этого не объяснишь. Вот ведь и коммунисты издавали тьму законов за семьдесят лет и принуждали к послушанию вполне свирепо. А не прижились их законы.

Естественно, отношения между людьми в экстремальных условиях, будь то на войне, во время стихийных бедствий или в концлагере, гораздо суровей, чем в нормальной жизни. Разумеется, в лагерных законах есть и свои дикости, и свои нелепости, но есть в них и что-то бесспорно морально-здоровое, «нормальное», как пишет Шведов. Верность своему слову, своим друзьям, арестантская солидарность, способность к самопожертвованию — все то, чего так не хватает в советской жизни, в «большой зоне». Говорю не понаслышке. В 1966 году власти, отчаявшись справиться с нашим движением при помощи традиционных методов, решили поставить эксперимент — расковать нас по уголовным лагерям. Надеялись расправиться с нами руками уголовников, полагая, что мы с ними никак не уживемся. Видать, какой-то умник из МВД, из сталинских еще кадров, посоветовал, помня о той вражде между уголовниками и политическими, которая тогда процветала. Вот и придумали нам новую статью, 190'. Разницу между ней и 70-й понять могли разве что юристы, но — другая глава кодекса — гнали по уголовным лагерям. Причем старались так распределить, чтобы пришлось по одному на лагерь.

Я был одним из первых, кому довелось идти этой дорожкой, и никогда не жалел о том впоследствии. Наоборот, я должен быть безмерно благодарен этому чурбану из МВД за его «эксперимент» — он обогатил меня тем уникальным знанием жизни, людей, самого себя, наконец, какого иначе не обрести. Всего-то и дали мне тогда три года «за организацию и активное участие в групповых действиях, грубо нарушивших общественный порядок на площади Пушкина», — смешно вспоминать, — но это были самые насыщенные, самые полезные три года моей жизни. Дело даже не в том, что лагерь не допустил запланированной чекистами расправы, взял под защиту своего «закона». Было нечто гораздо большее: я как бы обрел семью, нашел свой народ и ощутил себя его частичкой. Я обнаружил, что есть целый мир, точно так же не приемлющий эту власть и эту роль! Я вдруг стал «нормальным»,

как тот гадкий утенок, который нашел свою стаю. И это был не «уголовный мир», не каста профессиональных преступников, это был НАРОД, наш народ, о котором никто уж и не думал семьдесят лет, разве что поминали в партийных лозунгах. А он все эти страшные десятилетия продолжал жить по своим нравственным канонам, как старообрядцы в глухом скиту.

Что тут скажешь — я был счастлив впервые за всю свою жизнь. Осознание того, что мы, участники правозащитного движения, были, оказываемся, не отщепенцами, не психами, а плотью от плоти своего народа, выразителями его мыслей, защитниками его интересов, придало мне столько силы, что хватило на много лет.

Помимо же сил это дало мне особое понимание своей страны. За десятилетия до нынешней «перестройки» я понял не выживет эта античеловеческая система, так как нет у нее опоры в народе.

Мне трудно судить, почему старшее поколение политзаключенных, прошедших сталинские лагеря, не вынесло того же чувства. Время ли было другое, люди ли в лагерях другие, а скорее всего, сами они были другими. Ведь большинство из них попало туда совсем случайно, часто не ведая за что. Многие даже верили, что «по недоразумению». Для остальных арестантов они были вроде законной добычи — эти вчерашние партийные деятели, офицеры, начальнички, не желавшие к тому же считаться с лагерными порядками.

Мы же были вполне сознательными врагами власти, оттого, видимо, и отношение к нам было другим. Никогда не забуду, как наш лагерный «пахан», уходя на этап, завещал лагерю, ткнув в меня пальцем: «А этого берегите. Мы сидим каждый за свое, а он — за общее».

Быть может, главная причина «недоразумений» между уголовными и политическими в те далекие времена заключалась в отношении нашей интеллигенции к «народу», до сих пор, к сожалению, еще сохранившемся. Я имею в виду известное высокомерие, теперь еще перемешавшееся со страхом. Ведь совсем недавно, испугавшись «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», затосковала интеллигенция по «железной руке» и преподнесла Генсеку диктаторские полномочия. Нужно ли говорить, что людям, боящимся своего народа больше диктатуры КПСС и собирающимся вводить «демократию» под охраной КГБ, не следует заниматься политикой?

Конечно, не все тюремные правила стоит внедрять в нетюремную жизнь. Если мы не собираемся сохранять в нашей стране режим концлагеря, то и законы нужны иные. Но пока мы не избавились от своего соцлагерного положения, следовало бы, мне кажется, уважать и арестантскую этику. Не мне судить, глядя издали, но странно видеть, как бастовали шахтеры не за свое, «за общее», а вся страна, вполне им сочувствуя, продолжала ходить на работу.

Да, видать, плохие мы еще эски. Не досидели еще...

Лондон

«ПОЛИТИКА — В КРЕМЛЕ, А МЫ ЗДЕСЬ ЛЕЧИМСЯ»,

— сказал корреспонденту «Столицы» в городе Гаване в ортопедическом госпитале «Франк Паис» Игорь, больной со стажем, воин-интернационалист по горькой судьбе, инвалид — по второй профессии, москвич.

Ихоть я и рядом не сидела с ТЕМИ, кто в Кремле погоду делает, но мне вот тоже Игоревы и его товарищей раны и увечья виделись на Кубе в ракурсе нашей домашней политики.

Игорю двадцать восемь. Ранение в бедро. Семь лет — по госпиталям. Операции считать сбился. Результат последней отечественной — инфекция, воспаление костного мозга. На острове Свободы уже год, две операции.

— Почему лежим здесь, не дома? Это вы у наших врачей там спросите. Мы там никому не нужны. Сюда меня привезли полной развалиной... Отношение здесь лучше? Не знаю, я уже ко всякому привык за эти годы. Просто у них ответственности за нас больше, чем у наших... Программа? Море, лето тут. На пляж нас возят каждый день, театр есть на территории госпиталя, в цирке мы были. Телевизоры нам в палаты поставили, в других корпусах такого нет. Антенну провели, теперь Советский Союз смотрим. Нормально...

Со всех сторон критикуемый за застой и бюрократизм, Советский комитет защиты мира искал новые формы миротворческой своей жизнедеятельности. В том числе и на последнем островке социалистического лагеря. Дружественному кубинскому Движению за мир и суверенитет народов наш Комитет пред-

ложил принять с десятков наших бывших воинов-интернационалистов в знаменитом на всю Латинскую (и не только Латинскую) Америку национальном ортопедическом госпитале, куда даже штатовские миллионеры, случается, приезжают полечиться. Думали наши товарищи из СКЗМ продемонстрировать обоюднo красивый жест.

Попали в точку. На кубинском «уровне» к предложению отнеслись с восторгом. Суть в том, что нами провозглашенные принципы там пока еще работают без сбоев. То, что у нас перенимается, принимается всерьез, не за правила игры, а за школу жизни. Установка — та же: пусть мы самые бедные, но у нас общество самое прогрессивное, и потому мы должны всем помогать. Кубинское руководство догадалось в дежурный, по сути показательный жест гуманизма привнести политику. Фидель приехал в госпиталь, общался с первой, «пробной», партией наших юных инвалидов войны, отобранных из всего инвалидного «афганского» корпуса страны самими кубинскими медиками. И — отдал приказ «пропустить» через госпиталь на Острове 500 человек советских.

Легко было понять, что данную категорию больных там примут хорошо (то есть как и должно по гиппократову кодексу, вне зависимости от «ка-

тегорий»). Интернационализм для кубинцев — понятие осязаемое, конкретное. Ангола, Эквадор, Никарагуа. Экспорт революции и святая вера в праведность этого «общего дела».

Министерство Революционных вооруженных сил взяло наших на Кубе под свою опеку. Полковники встречают их в аэропорту, генералы и члены Политбюро наведываются в госпиталь, военные машины для разных нужд закреплены за «афганским корпусом».

С советской же стороны хлопочет, несет затраты СКЗМ. Не Министерство обороны, в чьем ведении, по идее, должны находиться все военные, и бывшие, и настоящие, и здоровые, и покалеченные войной. Московский городской совет воинов-интернационалистов обратился в военное министерство страны, с прошением о материальной поддержке при отправке отвовавшегося «десанта» на Кубу. Ответ пришел за подписью Лизичева: по нашим сведениям, кубинские протезы не многим лучше отечественных, потому мы не считаем необходимым везти наших инвалидов туда. Дома надо лечить.

Медицина у них там, на Кубе, считается, сильная. Они ставку на это сделали, на здоровье своих солдат. Директор госпиталя «Франк Паис» профессор, доктор медицины Родриго Альварес Камбрас внедрил и усовершенствовал у себя в клинике фиксатор по методу Илизарова. Но у нашего Илизарова клиника меньше, «афганцам» коек не хватает.

Сейчас в два раза сокращено финансирование поездов по линии СКЗМ из Фонда мира и госбюджета. Если до конца нынешнего марта Комитет оплачивал «афганцам» билеты на самолет в Гавану и обратно и минимальные суточные на карманные расходы, теперь, по бедности, «карманные» отменяются.

Впрочем, ничего-то на острове Свободы в свободной продаже нет. Сувениры, подарки на комитетские деньги не очень накупишь. Зато ром в кубинских магазинах — без карточек и ограничений. Самое то лекарство для «сосланных» в бананово-ананасные места советских «подранков» афганской школы. Из 300 человек, которые уже «прошли» через госпиталь, 10—12 высланы на Родину за недостойное поведение, за пьянство, драки, скандалы. Вмешательство полиции в процесс исцеления «афганцев» на Кубе — не

редкость, в госпитале даже пост полицейский установлен поблизости.

Многим из наших на Кубе становится лучше. Узбек Аташехов пять лет промучался по советским госпиталям, врачи бессильно разводили руками. Прибыл в Гавану с прямой, как палка, негнущейся ногой, а через четыре месяца после операции, после разреза от бедра до колена и 62 швов прыгал, уезжая. О чем и говорить, — не рядовые пациенты. После отечественного равнодушия от одного ведь о с о б о г о к себе внимания заплешь, костыли отбросив...

Причем товарищ Фидель Кастро настойчиво напоминает, что вся работа и внимание к любым нашим — категорически не в ущерб кубинским гражданам: «... не жертвуем ли мы интересами нашего народа, оказывая эту интернационалистскую помощь. Всегда может найтись кто-то, всегда появляется кто-то с пресмыкающейся душонкой, задающийся подобными вопросами...» Эти слова красивые, праведно-гневные еще и по поводу отдыхающих в кубинских здравницах детей Чернобыля сказаны. Ребята-«афганцы» описывали, как их дважды в неделю возят в стоматологическую поликлинику, одну из лучших в Гаване. Так там висит расписание: вторник, четверг после обеда — дни советских «афганцев»; среда, пятница — «чернобыльские» дни. Кто слегка подружился с испанским языком, улавливал из «междусобойных» разговоров кубинских медиков такие неувидительные фразы: «Достали эти советские». В лицо-то, конечно, улыбаются...

А обслуживающему медперсоналу эта «интернационалистская помощь» не то что в ущерб идет, напротив — в подкрепление, в элементарную поддержку сил. Вечно голодные, стоят санитарки-медсестры над душой у нашего «особого контингента» больных, ждут, когда те положат ложки на стол. Кому-то ведь нельзя есть перед операцией, кто-то без аппетита ковырнул вилкой и бросил — тут же на глазах кубинки в белых халатах все уничтожают... Вот и возникают «подобные вопросы» и у наших бывших солдат

и сомнения, что лучше: быть рядовым инвалидом на Родине или особым больным — на чужбине...

На Кубе много солнца. Всем хватает. Правда, иногда для «галочки» в программе мероприятий возят наших ребят на пляж и в редкую здесь

пасмурную погоду. Но это ведь, согласитесь, от избытка заботы и ответственности, верно же? В сущности, и мне все равно, политика тут или милосердие от души, если кому-то конкретно полегчало физически. И я очень хочу сказать спасибо товарищу Кастро за наши больные мозоли, которые с помощью кубинского народа если не совсем исцелились, то хотя бы на солнышке погрелись за 10 тысяч километров от родного ненастья, подальше с глаз долой...

Но, право же, язык на «спасибо» не поворачивается. Потому как солнечное это бескорыстие оплачено

нами сполна. Десятилетиями «революционной взаимовыручки». Советской нефтью почти на дармовщину, «Москвичами» и тракторами. А пуще взаимобразным укреплением кресел под руководящими товарищами в том числе и различными благотворительными акциями за счет своего народа.

Словом, нет у меня слез умиления, хоть убей. Есть только жалость. Ко всем нам. И к ним ко всем, к последнему, дружественному то есть, народу. Здоровье-то общее у нас, что там, что здесь — жестоко подорвано...

Аэлига ЕФИМОВА

Фото Э. Кудрявицкого

«ВСЯ РОССИЯ ЦВЕТЕТ КРАСНЫМ»

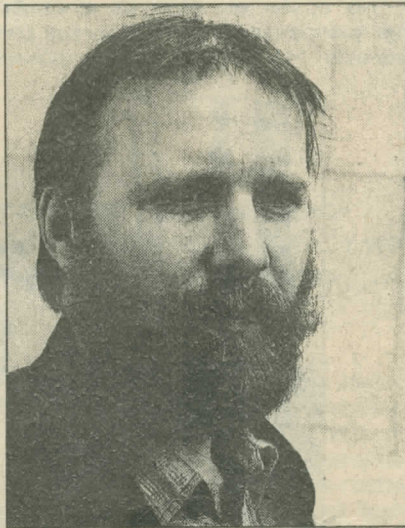
О религиозной живописи Игоря Кислицына

Традиция русской религиозной живописи конца XIX — начала XX веков, представленная творчеством Бруни, Васнецова, Врубеля, Нестерова, была, как известно, надолго прервана. И все-таки духовная живопись не исчезла бесследно. И не по чьей-то прихоти или воле — по жизненной необходимости открываются сегодня сотни храмов и монастырей, и одновременно, словно по высшему духовному призыву, являются талантливые мастера, зодчие, иконописцы и художники, в чьем творчестве дух дышит и воплощаются забытые, но родные русскому человеку чувства, идеалы. Один из таких мастеров — московский художник и иконописец Игорь Кислицын, для которого сохранение национальных идеалов стало творческим кредо и смыслом жизни.

Он родился в 1948 году в Москве. Детство прошло в Лебяжьем переулке, что почти у самых стен Кремля. И вся остальная жизнь его проходила в окружении древних русских святых, самобытной старомосковской архитектуры. К духовной жизни будущего художника приобщала бабушка. Она как могла следила за его воспитанием, водила в храм, учила христианским правилам: жить в страхе перед Богом, помнить о скоротечности земного. С двадцати лет он и сам стал постоянно посещать храм, читать православные книги, всерьез размышлять о Церкви.

Творческая судьба И.Кислицына складывалась удачно. Он окончил московское художественное училище, много рисовал, принимал участие во многих выставках в стране и за рубежом.

Не оставя живописи, он получил в конце семидесятых годов благословение Патриарха Пимена и занялся иконописанием. Его иконописной школой стала работа, связанная с реставрацией Свято-Данилова монастыря в Москве. Там

он помогал отцу Зинону и одновременно учился у него, когда писали иконы для Покровской церкви.

Сегодня Кислицын уже не может представить своей жизни вне православия, вне церкви. Там он иконописец. Там он не художник. Все для него там... Но есть, правда, еще одна важная, родственная и многим нецерковным людям, ипостась его духовной жизни, имя которой — Россия. Для художника это особая земля, под особым покровом, и он говорит о ней, как о святой иконе.

И в этих словах — он весь.

Религиозная живопись И.Кислицына, собственно, и есть воплощение его молитвы о России.

В самом определении религиозной живописи (от латинского «религия» — «вновь восстановленная связь») раскрывается содержание этой живописи как образного отражения постоянной связи художника с Богом, его ревности о Царствии Божием и святой Церкви. В ней — воплощение его христианского слу-

жения и благовествования в красках. Герои и действующие лица — торжествующие обитатели невидимого града: святые, ангелы, плывущие старцы, крылатые кони, вешние птицы и вестники.

В мироощущении И.Кислицына особое место занимает цвет — язык чувств, на котором художник обращается к зрителю и несет в мир невыразимое. В православной эстетике красный цвет — цвет божественной строгости, символ пламенной веры. Сочетание же красного и синего, составляющее основу многих картин Кислицына, органично исходит из религиозности художника. Из религиозности как способности проникать в глубь природы, чувствовать ее сотворенность и связь с Творцом. Огненное, красное солнце на фоне небесной лазури, свет и освещенная тьма — одно из вечных и изначальных сочетаний в книге природы.

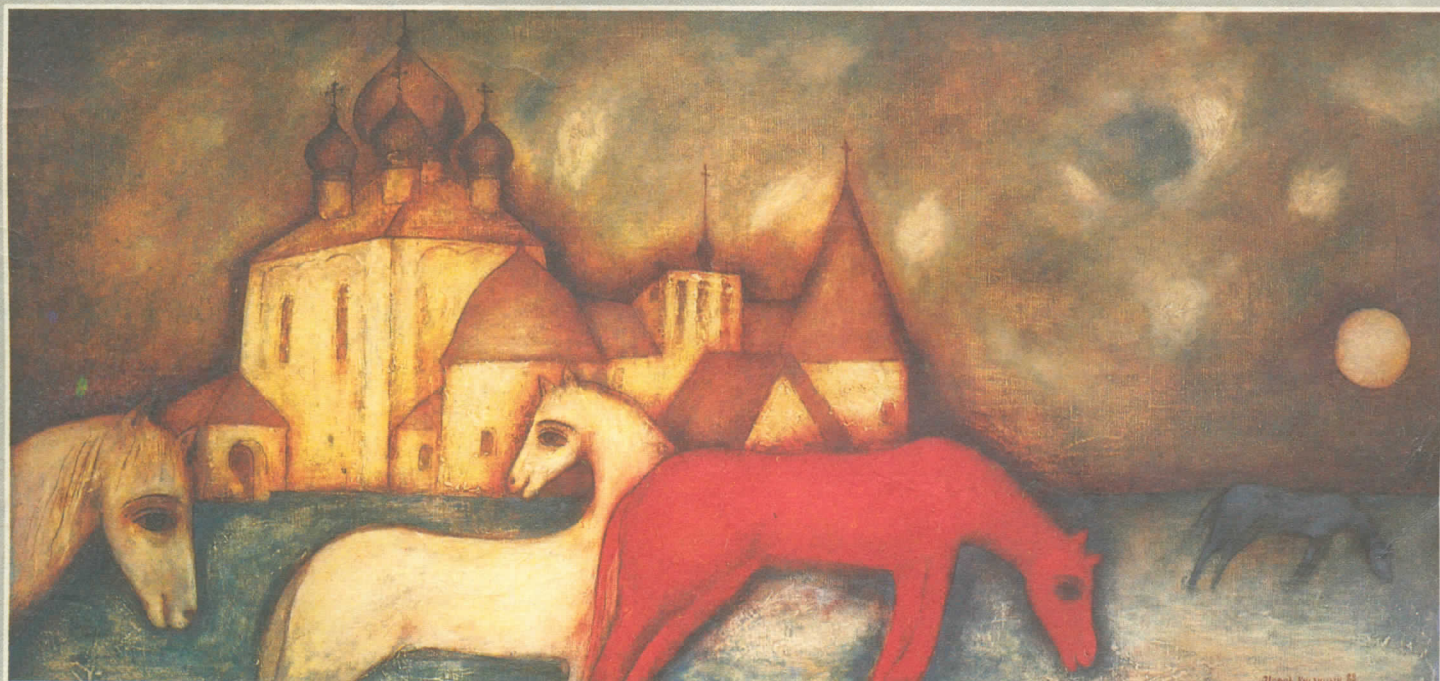
Характерна и философско-символическая обобщенность картин Кислицына. Все в них предельно символично, лишено случайного и черт чувственной или телесной привлекательности. В этом, кстати, особенность и внутреннее сходство живописи Кислицына с православной иконой, для которой эти условия составляют одно из канонических требований.

Сейчас творческая биография Игоря Кислицына насчитывает уже десятки выставок в России и за рубежом. Его творчество приобретает известность. Однако достигнутое не возвышается над художником, как это нередко бывает в мире искусства или литературы; он идет вперед, не останавливаясь, совершенствуя талант, прекрасно понимая, насколько несоизмеримы его духовные идеалы с его успехами, со всей его жизнью.

Сергей ТИМЧЕНКО

9. ЗОСИМА И САВВАТИЙ. Средняя часть триптиха из цикла «Плывущие», 1988

10. ЛОШАДИ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ, 1988

ПАСХА. Из цикла «Православные праздники», 1988

